

Торайғыров университетінің
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Торайғыров университета

ТОРАЙҒЫРОВ УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ХАБАРШЫСЫ

ЗАҢ СЕРИЯСЫ
2022 ЖЫЛДАН БАСТАП ШЫҒАДЫ

ВЕСТНИК ТОРАЙҒЫРОВ УНИВЕРСИТЕТА

ЮРИДИЧЕСКАЯ СЕРИЯ
ИЗДАЕТСЯ С 2022 ГОДА

ISSN 2958-8618

№ 4 (2025)

Павлодар

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на переучет периодического печатного издания,
информационного агентства и сетевого издания

№ KZ90VRY00046812

выдано

Министерством информации и коммуникаций
Республики Казахстан

Тематическая направленность

публикация результатов научных исследований, актуальных проблем
в области права, привлечение внимания к перспективным
и актуальным направлениям юридической науки

Подписной индекс – 76199

<https://doi.org/10.48081/BVPX7094>

Бас редакторы – главный редактор

Колесников Ю. Ю.,

к.ю.н., ассоц. профессор (доцент)

Заместитель главного редактора Олжабаев Б. Х., к.ю.н., ассоц. профессор

Ответственный секретарь Жамулдинов В. Н., к.ю.н., ассоц. профессор

Редакция алқасы – Редакционная коллегия

Биштыга А.,	доктор PhD, профессор (Республика Польша)
Зайцев О. А.,	д.ю.н., профессор (Российская Федерация)
Аюпова З. К.,	д.ю.н., профессор
Ахмеджанова Г. Б.,	д.ю.н., доцент
Ишеков К.А.,	д.ю.н., профессор (Российская Федерация)
Дуйсенов Э. Э.,	д.ю.н., профессор
Дорожинская Е. А.,	к.ю.н., доцент (Россия Федерация)
Балымов Е. К.,	доктор PhD,
Жетписов С.К.,	д.ю.н., доцент
Шокубаева З. Ж.,	технический редактор

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов

При использовании материалов журнала ссылка на «Вестник Торайгыров университета» обязательна

© Торайгыров университет

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Бүркіт М. Қ.

Қазақстан Республикасындағы бұйрық өндірісін реттеудегі
ұқсастықтар мен айырмашылықтар 5

Ganikel YA. A.

Guarantees for the protection of the mandatory share..... 15

Жарылгасова Д. А.

Система правового регулирования охраны атмосферного
воздуха в экологическом праве Республики Казахстан 25

Жетписов А. С., Оралбек Е. Т., Бексултанов А. С.

Интеграция мигрантов как важный аспект миграционной
политики государства: обзор исследований 34

Жунусов А. К.

Ответственность за нарушение законодательства
о персональных данных в Республике Казахстан..... 50

Мутышов О. Б.

Страхование предпринимательских рисков:
теоретико-правовая характеристика
и пробелы регулирования 63

Сеитова Г. Х., Ажибаева Ж. К.

Кінәсіздік презумпциясы және дәлелдеу міндет..... 78

Темиров С. Р., Калиев А. А.

Искусственный интеллект в борьбе с преступностью:
современные тенденции и перспективы 90

Третьяков И. Г.

Система шариатских судов в Великобритании:
опыт сосуществования двух правовых традиций 100

Тыныбаев Ч. Е.

Гибридные угрозы национальной безопасности:
взаимодействие экстремизма, терроризма
и организованной преступности в Казахстане 109

Авторлар туралы ақпарат

Сведения об авторах

Information about the authors..... 121

Авторларға арналған ережелер	
Правила для авторов	
Rules for authors	127
Жарияланым этикасы	
Публикационная этика	
Publication ethics.....	139

FTAMP 10.79.01

<https://doi.org/10.48081/GVIR6775>***М. Қ. Бүркіт**

Торайғыров университет

Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4177-7037>*e-mail: burkitmalika54@gmail.com

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ БҰЙРЫҚ ӨНДІРІСІН РЕТТЕУДЕГІ ҰҚСАСТЫҚТАР МЕН АЙЫРМАШЫЛЫҚТАР

Бұл мақала Қазақстан Республикасындағы бұйрықтық іс жүргізу институтын азаматтық іс жүргізуді жаңғырту жағдайында жан-жақты зерттеуге арналған. Онда сот бұйрығын қолданудың нормативтік-құқықтық негіздері, оның жеңілдетілген рәсімдер жүйесіндегі орны, сондай-ақ даусыз талаптарды жедел және тиімді шешуге бағытталған рәсімдік ерекшеліктері қарастырылады. Бұйрықтық іс жүргізудің талап қою өндірісіне қарағанда артықшылықтарына, оның жеделдігіне, сот жүктемесін азайтуға, үнемділігіне және азаматтық айналымға қатысушылардың кең тобы үшін қолжетімділігіне ерекше назар аударылады.

Зерттеуде борышкердің құқықтарын қорғау тетіктері, негізсіз немесе даулы талаптар бойынша сот бұйрығын шығаруға жол бермеу кепілдіктері, сондай-ақ тараптарды тиісінше хабардар етпеу, қарсылық білдіру мүмкіндіктерінің шектеулілігі және өндіріп алушының өтінішін алдын ала тексеру сапасын арттыру қажеттілігіне қатысты құқық қолдану тәжірибесіндегі мәселелер жан-жақты талданады.

Сонымен қатар, Германия, Ресей және Франция модельдерімен салыстырмалы талдау жүргізіліп, сот жүйесін цифрландыру және электрондық сервистерді енгізу жағдайында бұйрықтық іс жүргізудің трансформациялану бағыттары айқындалды. Зерттеу қорытындысы бойынша талаптар тізбесін кеңейту, рәсімдерді автоматтандыруды арттыру, тараптардың іс жүргізушілік

кепілдіктерін күшейту және ұлттық заңнаманы тиімді сот төрелігі халықаралық стандарттарымен үйлестіру бойынша ұсыныстар берілген.

Кілтті сөздер: сот бұйрығы, бұйрықтық іс жүргізу, азаматтық іс жүргізу, жеңілдетілген рәсімдер, даусыз талаптар, құқықтық жаңғырту, борышкердің құқықтарын қорғау, сот жүйесін цифрландыру, құқық қолдану тәжірибесі, салыстырмалы құқықтық талдау, сот төрелігінің тиімділігі.

Кіріспе

«Бұйрық өндірісі борышкерге қойылатын талаптар даусыз құжаттарға негізделген Өндіріп алушының құқықтары мен мүдделерін қорғаудың жеңілдетілген нысаны болып табылады. Істі осы жеңілдетілген іс жүргізу нысаны бойынша қараудың басты шарты жауапкер тарапынан даудың болмауы, бұл азаматтық сот ісін жүргізудің осы түрін ерекше іс жүргізуге жақындатады» [1, б.45].

Бұйрық өндірісі азаматтық процестің маңызды бөлігі болып табылады, қарапайым дауларды тез және тиімді шешуді қамтамасыз етеді және өндіріп алушылардың заңды талаптарын ұзақ сот талқылауларынсыз жедел қанағаттандыруға мүмкіндік береді. Қазақстан Республикасында осы институтты реттеудің басқа құқықтық жүйелермен салыстырғанда да, ішкі құқықтық эволюция контекстінде де қарастыруға болатын өзіндік ерекшеліктері бар. Бұл тетік шарттар, коммуналдық төлемдер, алимент міндеттемелері және құқық туралы дау тудырмайтын өзге де талаптар бойынша берешектерді өндіріп алу саласында кеңінен қолданылады, бұл оны азаматтар арасында да, ұйымдар арасында да сұранысқа ие етеді [1, б.47].

Материалдар мен әдістері:

Қазақстандағы Бұйрық өндірісі, көптеген басқа мемлекеттердегідей, дау тудырмайтын немесе дау тудырмайтын талаптарды қарауға арналған сот талқылауының жеңілдетілген нысаны болып табылады. Оның мәні-сот тек ұсынылған құжаттарға сүйене отырып, тараптарды шақырмай және сот отырысын өткізбестен шешім шығарады. Бұл институттың негізгі мақсаты сот шешімдерін шығару процесін жеделдету ғана емес, сонымен қатар судьяларға жүктемені азайту, істерді бөлуді оңтайландыру, дәстүрлі сот ісін жүргізу көлемін азайту және сот үшін де, азаматтық қатынастарға қатысушылар үшін де уақыт шығындарын азайту болып табылады. Мұндай тәсіл соттардың назарын толыққанды сот талқылауын қажет ететін күрделі және даулы істерге аударуға мүмкіндік береді [2].

Бұйрық өндірісін енгізудің арқасында сот жүйесінің кадрлық және қаржылық ресурстарын неғұрлым ұтымды пайдалану қамтамасыз етіледі, бұл тұтастай алғанда сот төрелігінің тұрақтылығына, қолжетімділігіне және тиімділігіне ықпал етеді. Осы нысанды регламенттеу өтініш беру шарттарын, оның мазмұнына қойылатын талаптарды, талаптарды растайтын құжаттар тізбесін, соттың қарау тәртібін және сот бұйрығы түріндегі шешім қабылдау нысанын егжей-тегжейлі айқындайтын арнайы іс жүргізу нормалары арқылы жүзеге асырылады. Бұл нормалар әділеттілікті, тараптардың теңдігін және іс жүргізу заңдылығын сақтауға бағытталған, бұл бұйрық өндірісінің мемлекеттік институт ретіндегі сот қызметі мен сот төрелігінің негізгі принциптеріне сәйкестігін көрсетеді [3, 28 б.].

Мұндай істер бойынша іс жүргізуді бастаудың маңызды міндетті шарты мәлімделген талаптарды растайтын сенімді құжаттық дәлелдемелердің болуы болып табылады. Сот даулы мән-жайларды зерттемейді және тараптарды позицияны тыңдауға шақырмайды, сондықтан дәлелдемелер өтініш берушінің талаптарының заңдылығын біржақты растауы керек. Бұл заңсыз өндіріп алу қаупін азайтуға мүмкіндік береді, процедураны объективті және болжамды етеді, сонымен қатар оны басқа елдерде қолданылатын тәжірибеге жақындатады, мұнда ұқсас институттар жазбаша дәлелдемелердің басымдылығына және талаптарды тексерудің ресми сипатына негізделген. Бұл тәсіл іс жүргізу тәртібінің жоғары деңгейін қамтамасыз етеді, азаматтық-құқықтық қатынастарға қатысушыларды шарттық міндеттемелерді сақтауға ынталандырады және құқықтарды қорғау құралы ретінде сот бұйрығы институтына деген сенімді нығайтады [3, 29 б.].

Басқа құқықтық жүйелермен ортақ белгілердің болуына қарамастан, Қазақстанда бұйрық өндірісін реттеу оның бірегей құқықтық моделін қалыптастыратын бірқатар ерекшеліктерге ие. Бұл институттың нормативтік базасы 2015 жылы қабылданған Азаматтық іс жүргізу кодексінде (АІЖК) бекітілген. Көптеген еуропалық елдерден (мысалы, Германия, Франция, Италия) және бірқатар посткеңестік мемлекеттерден айырмашылығы, Бұйрық өндірісі жеке заңдармен, дербес бөлімдермен немесе атқарушы немесе төрелік сот ісін жүргізу шеңберіндегі мамандандырылған рәсімдермен реттеледі, қазақстандық модель барлық нормаларды бірыңғай кодификацияланған актіде біріктіреді. Мұндай шешім құқық қолданудың жүйелілігі мен болжамдылығын қамтамасыз етеді, тәсілдерді біріздендіруге ықпал етеді және азаматтар үшін де, заңды қоғамдастық өкілдері үшін де құқықтық нормаларға қол жеткізуді жеңілдетеді. Сонымен қатар, дербес құқықтық актінің немесе икемді рәсімдік тетіктердің болмауы, әсіресе цифрландыруды, өтініш берудің баламалы тәсілдерін және электрондық

мемлекеттік сервистермен интеграциялауды дамыту жағдайында бұйрық өндірісін жаңғырту мүмкіндігін шектеуі мүмкін [4, 27 б.].

Қазақстандық модельдің маңызды артықшылықтарының бірі сот бұйрығын беру үшін жүгіну құқығы берілген субъектілердің кең ауқымы болып табылады. Өтініш берушілер ұйымдық-құқықтық нысанына қарамастан жеке тұлғалар (оның ішінде дара кәсіпкерлер) да, заңды тұлғалар да бола алады. Заңда ешқандай қосымша шарттар мен шектеулер қарастырылмаған, бұл осы процедураның қол жетімділігін арттырады және оны азаматтық айналымдағы құқықтарды қорғаудың қажетті құралына айналдырады. Салыстыру үшін, кейбір шетелдік жүйелерде Тапсырыс өндірісін бастау құқығы тек кәсіби несие берушілерге, қаржы институттарына, Коммуналдық қызметтерге немесе басқа да арнайы анықталған субъектілерге беріледі. Бұл процедураны әмбебап етеді, пайдаланушылар шеңберін шектейді және кейде құқықтық механизмнің тиімділігін төмендетеді. Қазақстанда мұндай тәсіл сот төрелігіне тең қол жеткізуге ықпал етеді және сот бұйрығын тұрмыстық және отбасылық міндеттемелерден бастап коммерциялық және корпоративтік дауларға дейінгі түрлі салаларда іс жүзінде қолдануды кеңейтеді [5, 45 б.].

Нәтижелер және талқылау:

Ұлттық құқықта өзіндік ерекшелігі бар сот бұйрығына шағымдану мерзімдері мәселесі ерекше назар аударуға тұрарлық. Заң шығарушы қатаң белгіленген кезеңді белгілейді, оның барысында борышкер қарсылық білдіруге және шығарылған бұйрықтың күшін жоюға қол жеткізуге құқылы. Бұл мерзім шешім шығаруға қатыспаған тарапқа келіспеушілік білдіруге және оның құқықтарының ықтимал бұзылуының алдын алуға мүмкіндік беретін процестік қорғаудың кепілі болып табылады. Шет елдердің кейбір құқықтық жүйелерінде бұл мерзімдер едәуір қысқа, кейде бірнеше күнмен шектеледі. Мұндай тәжірибе белгіленген уақытты өткізіп жіберу ықтималдығын арттырады, әсіресе хабарламаны кеш алған кезде немесе борышкердің заңгерлік дайындығы болмаған кезде. Бұл өз құқықтарын қорғаудың және сот бұйрығына уақтылы шағымданудың нақты мүмкіндігіне әкелуі мүмкін. Осылайша, шағымдану мерзімдеріндегі айырмашылықтар азаматтық-құқықтық қатынастарға қатысушылардың мінез-құлық стратегиясына, олардың сот актілеріне жауап беруге дайындығына, құқықтық сауаттылық деңгейіне және процеске қатысу дәрежесіне тікелей әсер етеді. Қазақстан заңнамасында көзделген неғұрлым ұзақ мерзімдер қорғаудың қосымша кепілдіктерін қамтамасыз етеді, теріс пайдалану қаупін азайтады және тараптардың бәсекелестігі мен тең құқықтылығы қағидаттарын сақтауға ықпал етеді [6, 29 б.].

Бұйрық өндірісін салыстырмалы-құқықтық талдауда сот бұйрығын орындау тәртібі ерекше маңызға ие, өйткені дәл осы кезеңде процедураның түпкі мақсаты — Өндіріп алушының талаптарын нақты қанағаттандыру жүзеге асырылады. Бірқатар шет мемлекеттерде, ең алдымен электрондық сот ісін жүргізу жүйесі дамыған елдерде сот бұйрығын орындау заңды күшіне енгеннен кейін бірден автоматты түрде іске қосылады. Мұндай юрисдикцияларда қосымша растау, сот орындаушыларына жүгіну немесе параллель процедураларды бастау қажеттілігі жоқ. Бұл тиімділікті қамтамасыз етеді және бюрократиялық кезеңдердің санын азайтады, бұл әсіресе аз мөлшерде немесе жаппай талаптарды өндіріп алу кезінде маңызды [6, 56 б.].

Қазақстанда жағдай басқаша, сот бұйрығы атқарушылық құжат болып табылатынына және мәжбүрлеп орындауға жататынына қарамастан, іс жүзінде жазаны іске асыру бірқатар қиындықтарға тап болуы мүмкін. Егер борышкер ерікті түрде орындаудан жалтарса, өндіріп алушы көбінесе атқарушылық іс жүргізу органдарына жүгініп, тиісті іске бастамашылық жасап, оның барысын бақылауды жүзеге асыруы қажет. Кейбір жағдайларда қосымша сот араласуы қажет болуы мүмкін, мысалы, орындау тәртібін түсіндіру, қамтамасыз ету шараларын қабылдау немесе борышкердің мүлкіне қатысты мәселелерді шешу қажет болған жағдайда. Мұның бәрі өндіріп алу процесін ұзартады, уақытты, ұйымдастырушылық және қаржылық шығындарды арттырады және құқықтарды қорғау құралы ретінде тапсырыс процедурасының тиімділігін төмендетуі мүмкін. Қосымша күрделілік уәкілетті органдардың уақтылы әрекет етпеу жағдайларын не сот орындаушыларының жүктемесін тудырады, бұл орындаудың кешіктірілуіне немесе нақты мүмкін невожможстігіне әкелуі мүмкін. Сонымен бірге, мұндай модель борышкерге іс жүргізу кепілдіктерін көбірек ұсынады: дәлелді себептер болған кезде, өндіріп алушының қателіктерін анықтаған немесе теріс пайдаланған жағдайда, ол өзінің мүлкітік құқықтарын қорғауға және заңсыз араласудың алдын алуға мүмкіндік алады [7, 12–15-бб.].

Бұйрық өндірісінің ұлттық моделінің маңызды элементі сот бұйрығының күшін жою институты болып табылады. Қазақстан заңнамасы оны жою үшін жеткілікті кең негіздер тізбесін бекітеді. Сот бұйрықтың күшін нақты іс жүргізу бұзушылықтары болған кезде ғана емес (мысалы, тиісті хабарламау немесе ресімдеудегі қателер), сонымен қатар борышкер тарапынан дәлелді қарсылықтар түскен кезде де жоя алады. Сонымен қатар, мұндай қарсылықтарды беру үшін даудың мәні бойынша толық дәлелдер келтіру талап етілмейді — келіспеушілікті белгіленген мерзімде білдіру жеткілікті. Бұл бұйрықтың қолданылуын жедел тоқтатуға және егер талап даулы болып табылса, істі талап арыз өндірісіне ауыстыруға мүмкіндік береді [8, 150 б.].

Бірқатар шетелдік құқықтық жүйелерде сот бұйрығының күшін жою мүмкіндігі айтарлықтай шектеулі: борышкер қарсылықтарды негіздеуі, соттың оларды қарауға келісімін алуы немесе жеке іс жүргізуді бастауы керек, бұл көп уақытты, білімді және ресурстарды қажет етеді. Кейбір жағдайларда бұйрықтың күшін жоюға жаңадан ашылған жағдайлар немесе шешімнің айқын заңсыздығы болған жағдайда ғана жол беріледі. Мұндай модель актілердің тұрақтылығына ықпал еткенімен, іс жүргізу кепілдіктерінің деңгейін төмендетеді және борышкердің құқықтарының бұзылуына әкелуі мүмкін [9, 18 б.].

Қазақстандық тәсіл, керісінше, өндіріске қатысушылардың мүдделерінің тепе-теңдігіне бағытталған. Сот бұйрығының күшін жою тетігінің болуы Тараптардың құқықтарын қорғау дәрежесін арттырады, сот қателіктерін болдырмауға ықпал етеді және негізсіз жазалау қаупін азайтады. Бұл институт жеңілдетілген сот ісін жүргізудің жеделдігін әділеттілік, Бәсекелестік және қатысушылардың теңдігі қағидаттарымен үйлестіруді қамтамасыз етеді, бұл процедураны істің нақты жағдайларына бейімдеуге мүмкіндік береді [9, 19 б.].

Қазақстан Республикасындағы бұйрық өндірісін реттеу көптеген шетелдік құқықтық жүйелерге тән жалпы белгілерді де, тарихи дамуға, ұлттық құқықтық дәстүрлерге және сот билігін ұйымдастырудың ерекшеліктеріне байланысты бірегей аспектілерді де біріктіреді. Мұндай дуализм бір мезгілде Азаматтық сот ісін жүргізудің заманауи халықаралық стандарттарына сәйкестігін қамтамасыз етуге және құқық қолдану практикасының ішкі қажеттіліктерін ескеруге мүмкіндік береді. Осы ұқсастықтар мен айырмашылықтарды түсіну іс жүргізу құқығының нормаларын тиімді қолданудың, халықтың құқықтық мәдениетінің деңгейін арттырудың және азаматтар мен ұйымдардың құқықтары мен заңды мүдделерін тиісті қорғауды қамтамасыз етудің кілті болып табылады. Процеске қатысушылардың бұйрық өндірісінің тетіктері, оны бастау, шағымдану және орындау тәртібі туралы хабардар болуы іс жүргізу қателіктерінің санын азайтуға, сот төрелігінің қолжетімділігін арттыруға және тұтастай сот жүйесіне деген сенімді нығайтуға ықпал етеді [10, 44 б.].

Қазақстандағы Бұйрық өндірісі институтын одан әрі дамыту сот жүйесін жетілдіру және оның беделін нығайту үшін айтарлықтай әлеуетке ие. Жеңілдетілген рәсімдер Кемелерді түсірудің, істерді қарау мерзімдерін қысқартудың және оларды сауатты және дәйекті қолданған жағдайда мемлекеттік ресурстарды үнемдеудің пәрменді құралы бола алады. Сонымен қатар, бұл механизмнің тиімділігі көбінесе нормативтік реттеудің сапасына, рәсімдердің ашықтығына, сот қызметтерін цифрландыруға және

құқық қолдануға қатысатын мамандардың біліктілігіне байланысты екенін ескеру қажет [10, 56 б.].

Қорытынды

Заңнаманың қоғамдық қатынастардың өзгеруіне жауап беру және Бұйрық өндірісі азаматтық сот ісін жүргізудің жаңартылған моделінің бөлігі ретінде сәтті жұмыс істейтін басқа елдердің озық тәжірибелерін ескере отырып, дамуын жалғастыру маңызды. Қазақстандық құқықтық жүйенің шындығына бейімделген халықаралық тәжірибені пайдалану рәсімді неғұрлым икемді, технологиялық және азаматтар мен бизнестің қажеттіліктеріне бағдарланған етуге мүмкіндік береді. Бұл ретте борышкердің құқықтарын қорғау кепілдіктерін сақтау және жеделдік пен әділеттілік арасындағы процестік теңгерімді қамтамасыз ету де маңызды болып табылады [10, 57 б.].

Бұйрық өндірісін ойластырылған жаңғырту іс жүргізу тетіктерін оңтайландыруға ғана емес, сонымен қатар құқықтық тұрақтылықты нығайтуға, мемлекеттік институттарға деген сенім деңгейін арттыруға және сот төрелігіне қол жеткізу мүмкіндіктерін кеңейтуге ықпал ететін болады. Сайып келгенде, бұл азаматтық-құқықтық дауларды неғұрлым тиімді шешуге жағдай жасайды, азаматтық айналымға қатысушылардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауды күшейтеді және қоғамда құқықтық мәдениеттің дамуына ықпал етеді [10, 59 б.].

Пайдаланылған деректер тізімі

1 Камбаров, Н. Ш. Гражданское процессуальное право РК. — Алматы: NURPRESS, 2019. — 316 б.

2 ҚР Азаматтық іс жүргізу кодексі. 31.10.2015 ж.. — [Электрондық ресурс]. — <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K1500000377>

3 Musielak, H. German Civil Procedure Law. — Munich, 2018. — 270 p.

4 Regulation (EC) No 1896/2006 // Official Journal L399. — pp. 1–32.

5 ҚР «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы» Заңы. — [Электрондық ресурс]. — <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z100000261>

6 Қарақұлов, Е. Бұйрық өндірісі ерекшеліктері // Заң журналы. — 2020. — №5. — 24–29-бб.

7 Сатыбалдин, Д. Бұйрық өндірісіндегі борышкер құқығы // Құқық және мемлекет. — 2022. — №1. — 41–48-бб.

8 Төлеуов, А. Сот бұйрығының орындалу тиімділігі // Әділет. — 2021. — №3. — 55–60-бб.

9 European Judicial Training Network Report. — 2023. — pp. 12–20.

10 Digitization of Justice: Comparative Review. — Oxford Press, 2022. — 198 p

References

1 **Kambarova, N. Sh.** Grazhdanskoe processual'noe pravo [Civil procedural law of the Republic of Kazakhstan.] – Almaty: NURPRESS, 2019 – 316 P.

2 Kazakhstan Respublikasy'ny'n Azamatty'k' is zhu'rgi'zy kodeksi' 31.10.2015 [Code of Civil Procedure of the Republic of Kazakhstan. As of 31.10.2015.] [Electronic resource]. – <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K1500000377>

3 **Musielak, H.** German Civil Procedure Law. - Munich, 2018. – 270 P.

4 Regulation (EU) No. 1896/2006 // Official Journal L399. – pp. 1–32.

5 Kazakhstan Respublikasy'ny'n «tkaryshy'ly'k is zhu'rgi'zy zha'ne sot ory'ndayshy'lary'ny'n ma'rtebesi tyraly» Zany' [The Law of the Republic of Kazakhstan “on enforcement proceedings and the status of bailiffs”]. [Electronic resource]. – <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z100000261>

6 **Karakulov, E.** Bu'iry'k o'ndirisi erekshelikteri // Zan zhyrnaly' [Features of the production of orders // Journal of law]. – 2020. – №5. – 4-29-EP.

7 **Satybaldin, D.** Bu'iry'k o'ndirisindegi boryshker ku'ky'gy' // Ku'ky'k zha'ne memleket [Debtor's law in the production of orders // Law and the state]. – 2022. – №1. – 41-48-EP.

8 **Tuleuov, A.** Sot bu'iry'gy'ny'n oryndaly tii'mdiligi // A'dilet [Effectiveness of execution of court order // Justice]. – 2021. – №3. – 55-60-EP.

9 European Court Of Learning Network Report. – 2023. – pages 12–20.

10 Digitalization of Justice: A Comparative Review. – Oxford Press, 2022. – 198 P.

08.11.25 ж. баспаға түсті.

04.12.25 ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

*М. К. Буркит

Торайғыров университет,
Республики Казахстан, г. Павлодар

Поступило в редакцию 08.11.25.

Поступило с исправлениями 04.12.25.

Принято в печать 22.12.25.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Статья посвящена комплексному исследованию института приказного производства в Республике Казахстан в условиях продолжающейся модернизации гражданского судопроизводства. Рассматриваются нормативно-правовые основания применения судебного приказа, его место в системе упрощённых процедур, а также особенности процессуального регулирования, направленные на ускорение и оптимизацию разрешения бесспорных требований. Особое внимание уделено преимуществам приказного производства перед исковым, включая его оперативность, снижение судебной нагрузки, экономичность и доступность для широкого круга участников гражданского оборота.

В работе подробно анализируются механизмы защиты прав должника, гарантии недопущения вынесения судебного приказа по необоснованным или спорным требованиям, а также существующие проблемы правоприменительной практики, связанные с ненадлежащим уведомлением сторон, ограниченными возможностями представления возражений и необходимостью повышения качества предварительного контроля заявления взыскателя.

Дополнительно проведён сравнительный анализ казахстанского института судебного приказа с зарубежными моделями (Германия, Россия, Франция), что позволило выявить ключевые направления его трансформации в условиях цифровизации и внедрения электронных сервисов судебной системы. На основе исследования предложены меры по дальнейшему совершенствованию приказного производства, включая расширение перечня требований, повышение автоматизации процедур, усиление процессуальных гарантий сторон и гармонизацию национального законодательства с международными стандартами эффективного правосудия.

Ключевые слова: судебный приказ, приказное производство, гражданское судопроизводство, упрощённые процедуры, бесспорные требования, правовая модернизация, защита прав должника, цифровизация судебной системы, правоприменительная практика, сравнительный правовой анализ, эффективность правосудия.

*М. К. Burkit

Toraigrov University

Republic of Kazakhstan, Pavlodar

Received 08.11.25.

Received in revised form 04.12.25.

Accepted for publication 22.12.25.

SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN THE REGULATION OF WRIT PRODUCTION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article is devoted to a comprehensive study of the institute of order-based proceedings in the Republic of Kazakhstan within the context of the ongoing modernization of civil justice. It examines the legal framework for the application of a court order, its place within simplified procedures, as well as the procedural features aimed at accelerating and optimizing the resolution of uncontested claims. Special attention is paid to the advantages of order-based proceedings over claim proceedings, including their efficiency, reduction of judicial workload, cost-effectiveness, and accessibility for a wide range of civil turnover participants.

The study provides a detailed analysis of mechanisms for protecting the rights of the debtor, guarantees preventing the issuance of court orders for unfounded or disputed claims, and existing issues of legal practice related to improper notification of the parties, limited opportunities to submit objections, and the need to improve the quality of preliminary verification of the creditor's application.

A comparative analysis of the Kazakhstani court order system with foreign models (Germany, Russia, France) is also conducted, allowing the identification of key directions for its transformation amid digitalization and the introduction of electronic judicial services. Based on the research, measures are proposed for further improvement of order-based proceedings, including the expansion of the list of admissible claims, increased automation of procedures, strengthening procedural guarantees, and harmonizing national legislation with international standards of effective justice.

Keywords: court order, order-based proceedings, civil justice, simplified procedures, uncontested claims, legal modernization, protection of debtor's rights, judicial digitalization, law enforcement practice, comparative legal analysis, efficiency of justice.

SRSTI 10.45.01

<https://doi.org/10.48081/NFRU9626>

*A. A. Ganikel

Toraighyrov University

Republic of Kazakhstan, Pavlodar.

ORCID <https://orcid.org/0009-0007-7746-1576>

*email: artur_ganikel@mail.ru

GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF THE MANDATORY SHARE

The institution of a mandatory share in an inheritance is a legally fixed and imperative mechanism aimed at protecting the rights of the most socially vulnerable categories of heirs, regardless of the content of the will and the subjective discretion of the testator. Its purpose is not only to ensure a minimum level of property for persons who are dependent on the testator, but also to maintain social stability, prevent property discrimination and possible abuse of rights by testators or other heirs. In the legal system of the Republic of Kazakhstan, regulatory regulation of the mandatory share is carried out through the provisions of the Civil Code (both its General and Special Parts), legislation on marriage (matrimony) and family, acts of notarial law, and is accompanied by explanations and law enforcement approaches formed by judicial practice, including the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. This legal institution reflects the balance between individual freedom and state responsibility in inheritance law.

Keywords: Mandatory share, inheritance, justice, protection, regulation

Introduction

Of particular importance is the fact that the institution of a mandatory share is of a supervisory nature for testamentary dispositions: it restricts the principle of freedom of probate to the extent necessary to protect the interests of persons who objectively need legal support. Such persons traditionally include minor children, parents who are unable to work, spouses, and dependents who have lost the opportunity to provide for themselves. This ensures a balance between the autonomy of the testator's will and the public and legal interests of the state,

aimed at protecting the weak side in property relations. Judicial practice, in turn, becomes important not only as a source of interpretation, but also as a tool for specifying the content of the rights and obligations of participants in inheritance legal relations. The courts, considering disputes related to the violation of the mandatory share, actually form standards for its protection, confirm the priority of its implementation and eliminate attempts to circumvent the law by alienating property or formally drafting wills[1].

Thus, the very existence of the institution of compulsory share serves as an expression of the introduction of elements of social orientation and public control into inheritance law, ensuring a balance between private autonomy and state regulation. It performs a dual function: firstly, it guarantees minimal property protection for disabled and dependent heirs, and secondly, it prevents abuse of the right and arbitrary disinheritance of persons in an objectively disadvantaged position. This shows the special legal nature of the mandatory share as an instrument combining private and public law principles and serving to ensure social justice in the field of inheritance relations.

The regulatory framework for the institution of a mandatory share in inheritance is a multi-level system that includes both substantive and procedural rules, which together determine the scope, procedure and methods of exercising this right. The key place among these sources is occupied by the Civil Code of the Republic of Kazakhstan, the provisions of which are contained in both General and Special parts and cover a wide range of relations related to inheritance. Of particular importance are articles 1046, 1047, 1069 and a number of other norms that establish the circle of mandatory heirs, the size of the mandatory share, the procedure for its implementation and the limits of freedom of probate. These articles form the conceptual basis of the institution, defining it as an imperative limitation of the testamentary disposition.

Materials and Methods

Along with civil legislation, the Law of the Republic of Kazakhstan “On Marriage (Matrimony) and Family” plays an essential role, which regulates the legal status of spouses, parents, children and dependents who are in direct relationship with hereditary legal relations. It is this law that clarifies the legal regime of the jointly acquired property of the spouses, the conditions for recognizing a person as a dependent, as well as the criteria for disability, which makes it possible to correctly apply the rules on the mandatory share in specific inheritance cases.

An important element of legal regulation is the Law of the Republic of Kazakhstan “On Notaries”, which establishes the duties of notaries to certify wills, open inheritance cases, register mandatory heirs and explain their rights

to participants. The provisions of the Rules of notarial record keeping specify the procedures for registration of inheritance documents, fix the procedure for establishing the circle of heirs and provide documentary confirmation of the rights to the mandatory share. Their importance lies in the fact that they give stability, predictability and formality to law enforcement [2].

Results and Discussion

The regulatory rulings of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan are also an integral part of the regulatory framework, which, as part of a generalization of judicial practice, clarify the procedure for applying relevant norms, eliminate contradictions in interpretation and establish legal guidelines for courts of lower instances. The materials of judicial practice confirm that the institution of compulsory share finds its real expression precisely through the resolution of specific disputes related to the violation of the rights of compulsory heirs, challenging wills or invalidating transactions made to circumvent the law.

Thus, it is the totality of the listed sources that forms a complex and inter-related legal basis for the institution of compulsory share. It defines its content, limits of implementation, mechanisms of protection and guarantees of restoration of violated rights, ensuring the sustainability and social orientation of the inheritance law of the Republic of Kazakhstan [3].

According to the current legislation of the Republic of Kazakhstan, freedom of probate is not absolute and is subject to restrictions established by law aimed at protecting socially vulnerable persons. Even if the testator has expressed his will through a notarized will, he has no right to deprive those heirs who are directly classified by law as mandatory of the right to inherit. These include minor children, disabled children, a disabled spouse, disabled parents, as well as persons who were dependent on the testator for at least one year prior to the opening of the inheritance. These categories of heirs are characterized by an increased degree of social and legal protection, since their material dependence or inability to independently ensure their existence objectively necessitates the participation of the state in protecting their property interests.

The right of compulsory heirs to a share in the inheritance is of a priority and imperative nature. It cannot be cancelled, limited or modified at the discretion of the testator, even if the relevant instructions are contained in the will. This means that the provisions of a will are applicable only to the extent that they do not violate the legally prescribed scope of the rights of mandatory heirs. The amount of the mandatory share is not less than half of the portion of the inherited property that the person concerned would have received upon inheritance by law, and this rule applies regardless of the composition, structure and distribution of property among other heirs [4].

This institution performs several legal functions simultaneously. Firstly, it acts as a restriction on the freedom of probate, preventing the arbitrary disinheritance of persons who, by their status, need legal protection. Secondly, it serves as a tool for ensuring social justice, fixing the minimum property standard for the most dependent family members of the testator. Thirdly, it prevents abuse by the testator himself, who could try to exclude certain persons from the list of heirs through testamentary dispositions or lifetime transactions.

Thus, the institution of compulsory share is one of the key elements of the mechanism of legal regulation of inheritance relations, ensuring a balance between the private autonomy of the subject and the public interests of society. Its presence indicates that Kazakh inheritance law is focused not only on protecting the will of the testator, but also on maintaining social balance and supporting individuals who, due to objective circumstances, need special legal and material protection.

Guarantees for the protection of the mandatory share appear already at the stage of drafting and certifying the will, when the notary is obliged to check the availability of potential heirs who have the right to the mandatory share and explain to the testator the restrictions on the freedom of the will. In cases where it is known about the presence of such persons, the notary must draw the testator's attention to the need to respect their rights and, if necessary, record this fact in the text of the will or in the materials of notarial proceedings [5]. In addition, the notary is obliged to warn the testator that ignoring the interests of the mandatory heirs may lead to inheritance disputes and contesting the will in court. The established judicial practice confirms that even with a formally valid will, the mandatory share must be allocated regardless of the will of the testator, since the relevant norms are imperative.

At the stage of opening an inheritance, procedural and substantive guarantees of compliance with the mandatory share also apply. After the death of the testator, the notary establishes the circle of heirs, identifies the persons entitled to the mandatory share, and, if there is information about them, notifies the relevant heirs if their location is known. The opening of an inheritance case is accompanied by a record of the composition of the inheritance property, to which the right of compulsory heirs may be claimed. If the notary has not taken into account the mandatory share or has violated the rights of the relevant persons in the registration of inheritance documents, his actions may be appealed in civil proceedings, which provides additional judicial protection of the inheritance rights of socially vulnerable categories of citizens.

Judicial protection of a mandatory share is an important element of guarantees of inheritance rights, since civil procedure legislation provides mandatory heirs with the opportunity to challenge a will in the part where their legitimate interests

are violated, as well as to demand the allocation of the due share in kind or receive appropriate compensation. In addition, such heirs have the right to file claims for invalidation of property alienation transactions if they were made by the testator in order to circumvent the rules on the mandatory share [6]. Judicial practice confirms the priority of the mandatory share over the freedom of probate: courts cancel gift or sale transactions made shortly before death and aimed at artificially reducing the inheritance, and, if necessary, redistribute property between heirs by law and by will to ensure a balance of their rights. Along with this, the protection of the mandatory share in the division of the joint property of the spouses is of particular importance. If the property was acquired in marriage, the marital share is initially allocated, which in most cases is one-second of the total property, and only after that the mandatory share of heirs with the corresponding right is determined from the remaining part. The Law of the Republic of Kazakhstan "On Marriage (Matrimony) and Family" establishes that inheritance cannot violate the property rights of the surviving spouse, which provides an additional legal guarantee for both him and the mandatory heirs.

Notarial and administrative-legal guarantees for the protection of compulsory shares occupy a special place in the mechanism of inheritance law, since it is the notary who is the first instance ensuring the observance of the rights of compulsory heirs. In the process of certifying wills and registering inheritance cases, notaries are required to explain to citizens the content of the right to a mandatory share, take it into account when issuing certificates of inheritance rights, and in case of disputes, inform interested parties about the possibility of judicial protection of their interests [7]. Monitoring of compliance with these standards is carried out by the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan through the notary authorities, which gives the institution a mandatory share of administrative and legal stability and consistency.

Despite the existence of regulatory guarantees, practice reveals a number of problems that hinder the full realization of the rights of compulsory heirs. Among the most significant are the intentional alienation of property by the testator during his lifetime in order to reduce the inheritance weight, insufficient awareness of mandatory heirs about their rights, cases of failure to notify dependents of the discovery of inheritance, as well as difficulties associated with proving the fact of dependency and disability. To effectively overcome these problems, additional organizational and legal measures are required [8]. These include the development of a unified register of inheritance cases, which will eliminate the concealment of property and ensure transparency of inheritance procedures; professional development of notaries with an emphasis on identifying and protecting mandatory heirs; conducting explanatory work among the public; as well as strengthening

judicial control over transactions made during the testator's lifetime and aimed at circumventing the rules on mandatory share.

Conclusion

Thus, the system of guarantees for the protection of a mandatory share in inheritance under the legislation of the Republic of Kazakhstan is a multi-level legal mechanism based on a combination of three key components.

First, the mandatory norms of the Civil Code set the limits of freedom of probate and fix the categories of persons who cannot be deprived of inheritance rights by the will of the testator [9]. These norms are of a priority nature and are subject to mandatory application regardless of the content of the will.

Secondly, notary control acts as a preventive guarantor of the observance of the rights of compulsory heirs. When certifying a will or registering inheritance rights, a notary is obliged to check the presence of persons entitled to a mandatory share, explain the legal consequences to the testator and prevent potential violations of the law. Notary records management, regulated by relevant regulations, serves as a mechanism for the preliminary protection of the interests of disabled and dependent persons.

Thirdly, the judicial protection procedure ensures the restoration of violated rights if they are ignored during the registration of inheritance. Judicial authorities have the right to reduce the shares of heirs under a will, to recognize a will as partially invalid, or to redistribute inherited property in favor of persons entitled to a mandatory share. Judicial practice, including regulatory rulings of the Supreme Court, provides important clarifications on the application of mandatory share norms and eliminates gaps in law enforcement [10].

Consequently, the freedom of probate in the national legal system is not absolute. The State deliberately restricts it in the interests of socially vulnerable categories of citizens, such as minors, disabled relatives and dependents. This approach reflects the desire to ensure a fair distribution of inheritance, support the principles of social protection and strengthen legal stability. Guarantees of a mandatory share not only serve as a tool for balancing private and public interests, but also perform an important social function consistent with constitutional values, ideas of family solidarity and social balance.

References

1 Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazaxstan (Osobennaya chast') ot 1 iyulya 1999 goda № 409-I (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 09.09.2024 g.) [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special Part) dated July 1, 1999 No. 409-I (as amended on September 9, 2024)].

2 Zakon Respubliki Kazaxstan «O brake (supruzhestve) i sem'e» ot 26 dekabrya 2011 goda № 518-IV (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.09.2024 g.) [Law of the Republic of Kazakhstan “On Marriage and Family” dated December 26, 2011 No. 518-IV (as amended on September 1, 2024)].

3 Sulejmenov, M. K. Problemy' nasledstvennogo prava v Respublike Kazaxstan [Problems of inheritance law in the Republic of Kazakhstan] // Yuridicheskaya gazeta. – № 12. – 2023. – P. 15–20.

4 Ibragimova, T. A. Nasledstvenny'e pravootnosheniya i ix zashhita po zakonodatel'stvu Respubliki Kazaxstan [Inheritance relations and their protection under the legislation of the Republic of Kazakhstan] // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. – № 2(78). – 2022. – P. 85–91.

5 Kenzhetaev, A. Zh. Institut obyazatel'noj doli v nasledstve: problemy' i puti sovershenstvovaniya [The institution of the compulsory share in inheritance: problems and ways of improvement] // Pravo i gosudarstvo. – № 3. – 2023. – P. 54–62.

6 Verhovny'j Sud Respubliki Kazaxstan. Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazanny'm s nasledstvenny'mi sporami [Review of judicial practice on cases related to inheritance disputes]. – Astana, 2024.

7 Zharikova, E. V. Ogranicheniya svobody' zaveshhaniya i ix pravovaya priroda [Restrictions on testamentary freedom and their legal nature] // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – № 1. – 2022. – P. 97–104.

8 Blaszczyk, M. The Compulsory Portion in Inheritance Law: Comparative Analysis of European Systems // Journal of Comparative Law. – 2023. – P. 45–60.

9 Rainsbury, J. Testamentary Freedom and Its Limits: A Global Perspective // International Journal of Law and Society. – Vol. 6, No. 2. – 2022. – P. 112–127.

10 European Court of Human Rights. Case of Pla and Puncernau v. Andorra (Application no. 69498/01) [Electronic resource]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int>.

Список использованных источников

1 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.09.2024 г.).

2 Закон Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 года № 518-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.09.2024 г.).

3 Сулейменов, М. К. Проблемы наследственного права в Республике Казахстан // Юридическая газета. – № 12. – 2023. – С. 15–20.

4 Ибрагимова, Т. А. Наследственные правоотношения и их защита по законодательству Республики Казахстан // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – № 2(78). – 2022. – С. 85–91.

5 Кенжетасов, А. Ж. Институт обязательной доли в наследстве: проблемы и пути совершенствования // Право и государство. – № 3. – 2023. – С. 54–62.

6 Верховный Суд Республики Казахстан. Обзор судебной практики по делам, связанным с наследственными спорами. – Астана, 2024.

7 Жарикова, Е. В. Ограничения свободы завещания и их правовая природа // Евразийский юридический журнал. – № 1. – 2022. – С. 97–104.

8 Błaszczyk, M. The Compulsory Portion in Inheritance Law: Comparative Analysis of European Systems // Journal of Comparative

9 Rainsbury, J. Testamentary Freedom and Its Limits: A Global Perspective // International Journal of Law and Society. – Vol. 6, No. 2. – 2022. – P. 112–127.

10 European Court of Human Rights. Case of Pla and Puncernau v. Andorra (Application no. 69498/01) [Электронный ресурс]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int>.

Received 18.10.25.

Received in revised form 21.11.25.

Accepted for publication 22.12.25.

*А. А. Ганикель

Торайғыров атындағы университет

Қазақстан Республикасы, Павлодар

18.10.25 ж. баспаға түсті.

21.11.25 ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

МІНДЕТТІ ҮЛЕСТІ ҚОРҒАУ КЕПІЛДІКТЕРІ

Мұрадағы міндетті үлес институты өсиеттің мазмұнына және мұра қалдырушының субъективті қалауына қарамастан мұрагерлердің әлеуметтік жағынан осал санаттарының құқықтарын қорғауға бағытталған заңмен бекітілген және

міндетті механизм болып табылады. Оның мақсаты мұра қалдырушының асырауындағы тұлғалардың мүлктің ең төменгі деңгейін қамтамасыз ету ғана емес, сонымен бірге әлеуметтік тұрақтылықты сақтау, мүлктік кемсітушілікке жол бермеу, мұра қалдырушылардың немесе басқа мұрагерлердің құқықтарының қимал теріс пайдалануына жол бермеу. Қазақстан Республикасының құқық жүйесінде міндетті үлесті реттеу Азаматтық кодекстің (оның Жалпы және Ерекше бөліктері де), неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы құқығының нормалары, нотариаттық іс-әрекеттер арқылы жүзеге асырылады. Ол сот тәжірибесінде, оның ішінде Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының тәжірибесінде қалыптасқан түсіндірулермен және орындау тәсілдерімен қатар жүреді. Бұл құқықтық институт мұрагерлік құқықтағы жеке бас бостандығы мен мемлекет жауапкершілігі арасындағы тепе-теңдікті көрсетеді.

Кілтті сөздер: Міндетті үлес, мұрагерлік, әділдік, қорғау, реттеу.

*А. А. Ганикель

Торайғыров университет

Республика Казахстан, г. Павлодар

Поступило в редакцию 18.10.25.

Поступило с исправлениями 21.11.25.

Принято в печать 22.12.25.

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДОЛИ

Институт обязательной доли в наследстве – это законодательно закрепленный и императивный механизм, направленный на защиту прав наиболее социально уязвимых категорий наследников, независимо от содержания завещания и субъективного усмотрения наследодателя. Его цель – не только обеспечение минимального уровня имущественного обеспечения лиц, находящихся на иждивении наследодателя, но и поддержание социальной стабильности, предотвращение имущественной дискриминации и возможных злоупотреблений правами со стороны наследодателей или других наследников. В правовой системе Республики Казахстан нормативное регулирование обязательной доли осуществляется посредством положений Гражданского кодекса (как его Общей, так и Особенной

частей), законодательства о браке (супружестве) и семье, актов нотариального права и сопровождается разъяснениями и правоприменительными подходами, сформированными судебной практикой, в том числе Верховным Судом Республики Казахстан. Данный правовой институт отражает баланс между индивидуальной свободой и ответственностью государства в наследственном праве.

Ключевые слова: Обязательная доля, наследование, правосудие, защита, регулирование.

МРНТИ 10.53.01

<https://doi.org/10.48081/CZHS7837>***Д. А. Жарылгасова**

ГУ «Управление недропользования, окружающей среды и водных ресурсов акимата Павлодарской области»

Республика Казахстан, г. Павлодар.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3679-520X>

*e-mail: a.zharylgasova@mail.ru

**СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ
АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРА-
ВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

В статье рассматриваются теоретико-правовые и практические аспекты регулирования атмосферного воздуха как одного из ключевых объектов экологического права Республики Казахстан. Особое внимание уделено анализу норм и принципов, заложенных в Экологическом кодексе РК 2021 года, которые определяют правовой режим охраны атмосферного воздуха, устанавливают требования к выбросам загрязняющих веществ и регламентируют деятельность уполномоченных государственных органов. В работе подробно исследуются актуальные проблемы правоприменительной практики, связанные с недостаточной эффективностью мониторинга состояния атмосферного воздуха, ограниченными возможностями контроля за соблюдением экологических требований со стороны природопользователей и несогласованностью отдельных нормативных положений. Дополнительно анализируются вопросы внедрения наилучших доступных технологий, перехода к экономическим механизмам регулирования, а также влияния цифровизации экологического контроля на повышение прозрачности и эффективности государственного надзора. Отдельный акцент сделан на необходимости повышения экологической ответственности предприятий, совершенствования системы нормативов качества воздуха и укрепления взаимодействия государства, бизнеса и общественности. На основе проведенного исследования предлагаются комплексные направления совершенствования законодательства, усиления превентивных мер и формирования устойчивой экологической политики, ориенти-

рованной на снижение уровней загрязнения и обеспечение благоприятной экологической обстановки для населения.

Ключевые слова: атмосферный воздух, экологическое право, Экологический кодекс, охрана окружающей среды, правовое регулирование, загрязнение воздуха.

Введение

Одной из основных задач государственной экологической политики является охрана атмосферного воздуха как жизненно важного компонента окружающей среды. Атмосферный воздух обеспечивает поддержание биосферного равновесия и напрямую влияет на здоровье населения, продолжительность и качество жизни, а также на устойчивое социально-экономическое развитие государства. Нарушение его чистоты приводит к росту заболеваемости, деградации природных экосистем, изменению климата и ухудшению условий проживания.

В условиях стремительного роста промышленного производства, урбанизации, увеличения количества автотранспорта и энергетического потребления, именно качество атмосферного воздуха становится одним из основных индикаторов экологического благополучия страны. Загрязнение воздуха оказывает кумулятивный эффект, который затрагивает не только экологическую, но и социальную, экономическую и демографическую сферы. Поэтому, разработка и реализация эффективных мер по охране атмосферного воздуха, совершенствование правовых механизмов его регулирования и контроль за соблюдением экологических норм приобретают стратегическое значение для обеспечения устойчивого развития РК и сохранения здоровья её граждан.

Материалы и методы

Несмотря на то, что в 2021 году был принят новый Экологический кодекс РК [1], который во многом соответствует современным международным стандартам и принципам устойчивого развития, на практике реализация его положений сталкивается с рядом серьезных трудностей. Экологический кодекс РК предусматривает внедрение наилучших доступных технологий, переход к принципу «загрязнитель платит», развитие системы мониторинга и экологического нормирования, однако, фактическое состояние правоприменительной деятельности показывает, что многие из этих положений остаются на уровне деклараций.

Результаты и обсуждения

Основные проблемы связаны с недостаточной эффективностью механизмов контроля за выбросами загрязняющих веществ, слабой координацией между государственными органами и предприятиями, ограниченностью кадровых и технических ресурсов уполномоченных органов, а также низким уровнем экологической ответственности хозяйствующих субъектов. [2, с.47] Кроме того, сохраняются пробелы в подзаконных актах, регулирующих вопросы инвентаризации выбросов, выдачи разрешений и проведения экологического мониторинга. В условиях роста промышленной активности, увеличения автопарка и климатических изменений данные недостатки приобретают особую остроту. Это требует не только совершенствования правовых механизмов регулирования охраны атмосферного воздуха, но и укрепления системы государственного и общественного контроля, повышения прозрачности экологической информации и экологической культуры населения.

Таким образом, необходимость углубленного анализа действующего законодательства, выявления его недостатков и разработки предложений по повышению эффективности правового регулирования в области охраны атмосферного воздуха определяет актуальность данного исследования и его практическую значимость для дальнейшего совершенствования экологической политики РК [3, с.80].

Целью написания данной статьи явилась необходимость исследовать действующее правовое регулирование охраны атмосферного воздуха в РК, выявить существующие проблемы и предложить пути их решения.

Атмосферный воздух в экологическом праве, согласно ст 6 Экологического кодекса РК, рассматривается как элемент окружающей среды, который находится в постоянном природном движении и не подлежит частной собственности. Атмосферный воздух признаётся объектом охраны, загрязнение которого недопустимо.

С правовой точки зрения атмосферный воздух характеризуется как общенациональное благо, использование которого должно осуществляться на основе принципа устойчивого развития. В числе главных принципов правового регулирования выделяются:

- приоритет сохранения здоровья населения;
- предотвращение загрязнения по сравнению с его устранением;
- комплексность и межотраслевой подход к управлению качеством воздуха.

Эти положения соответствуют международным экологическим стандартам, закреплённым, в частности, в Рио-де-Жанейрской декларации по окру-

жающей среде и развитию от 3-14 июня 1992 г. и Парижском соглашении по климату от 2015 г., участником которых является РК [4,с.30].

Экологический кодекс Республики Казахстан 2021 года стал основным источником современного регулирования. Его положения направлены на переход к «зелёной» экономике и формирование механизмов снижения негативного воздействия на окружающую среду.

В разделе 8 Экологического кодекса РК закреплены нормы, которые регулируют охрану атмосферного воздуха. Согласно статье 260, загрязнение атмосферного воздуха — это поступление в атмосферу вредных веществ, превышающих установленные нормативы. Для предупреждения загрязнения предусмотрена система предельно допустимых выбросов (ПДВ) и экологического разрешения, выдаваемого уполномоченным органом.

С 2021 года в РК внедряется система интегрированных экологических разрешений (ИЭР), которые объединяют требования к воздействию на все компоненты окружающей среды [5,с.11]. Этот подход направлен на стимулирование предприятий к снижению выбросов и переходу на наилучшие доступные технологии (НДТ).

Кроме того, важное значение имеет система государственного мониторинга атмосферного воздуха. Мониторинг осуществляется центральным уполномоченным органом в области охраны окружающей среды совместно с местными исполнительными органами. Результаты мониторинга должны быть открытыми и доступными населению.

Однако, несмотря на наличие развитой нормативной базы, правоприменение остаётся недостаточно эффективным [6,с.180]. Практика показывает, что система ПДВ и разрешений не всегда обеспечивает реальное снижение загрязнения воздуха, особенно в промышленных регионах.

Анализ действующего законодательства и практики его реализации позволяет выделить несколько основных проблем:

Во –первых, формальный характер экологических разрешений. Многие предприятия получают разрешения без реального перехода к снижению выбросов, а контрольные органы ограничены в инструментах воздействия [6].

Во-вторых, недостаточная прозрачность данных о загрязнении воздуха. Хотя Экологический кодекс РК предусматривает открытость экологической информации, доступ к ней часто ограничен, а данные разных ведомств нередко противоречат друг другу.

В-третьих, слабая интеграция мониторинга и ответственности. Нарушения фиксируются, однако, механизм привлечения к ответственности не всегда эффективен: санкции не соизмеримы с масштабом ущерба.

В-четвертых, недостаточное развитие правовых механизмов участия населения. Общественные слушания и обращения граждан часто носят формальный характер, что снижает их значение в принятии экологически значимых решений.

И, в –пятых, отсутствие чётких стимулов для внедрения НДТ. Несмотря на предусмотренные Экологическим кодексом РК нормы, финансовые и налоговые инструменты поддержки экологической модернизации пока реализуются слабо [7,с.62].

Для повышения эффективности охраны атмосферного воздуха представляется целесообразным:

- Усилить экологический контроль и надзор. Следует расширить полномочия уполномоченных органов по приостановлению деятельности предприятий при систематических нарушениях.

- Развивать систему общественного экологического мониторинга. Внедрение цифровых платформ и открытых баз данных о загрязнении воздуха позволит обеспечить реальную прозрачность [8, с.222].

- Совершенствовать механизм выдачи интегрированных разрешений. Необходимо увязать получение разрешений с выполнением конкретных экологических показателей и результатами мониторинга.

- Ввести экономические стимулы. В частности, налоговые льготы и субсидии для предприятий, внедряющих наилучшие доступные технологии, что позволит повысить заинтересованность бизнеса.

- Укрепить правовую культуру и экологическое образование. Это обеспечит формирование у граждан и предпринимателей осознания ответственности за состояние атмосферного воздуха [9,с.722]

Выводы

Атмосферный воздух является важнейшим объектом экологического права и требует комплексного правового регулирования. РК за последние годы достигла значительного прогресса в развитии экологического законодательства, однако, правоприменительная практика остаётся несовершенной.

Для эффективной охраны атмосферного воздуха необходимо не только совершенствование норм Экологического кодекса, но и обеспечение их реального исполнения [10, с.311]. Важным направлением развития должно стать внедрение интегрированных разрешений, усиление общественного контроля и повышение прозрачности экологической информации. Только при сочетании правовых, организационных и экономических мер возможно достичь устойчивого снижения загрязнения атмосферного воздуха и обеспечить экологическую безопасность государства.

Список использованных источников

1 Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.11.2025 г.). – Астана: Әділет, 2025.

2 **Абдрасулов, Е. Б.** Правовое регулирование охраны атмосферного воздуха в Республике Казахстан // Экология и устойчивое развитие. – 2024. – № 3. – С. 45–53.

3 **Сарсенбаев, А. М.** Экологическое право Республики Казахстан: Учебник. – Алматы: Жеті Жарғы, 2023. – 520 с.

4 **Жумабаева, Г. Т.** Проблемы правоприменения норм, регулирующих охрану атмосферного воздуха // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2023. – № 2. – С. 28–36.

5 **Боголюбов, С. А.** Экологическое право России: проблемы и перспективы развития // Экологическое право. – 2024. – № 1. – С. 5–14.

6 **Колбасов, О. С.** Правовые основы охраны атмосферного воздуха в России. – Москва: Норма, 2023. – 280 с.

7 **Петров, В. В.** Государственный экологический контроль и его эффективность в сфере атмосферного воздуха // Право и экология. – 2023. – № 4. – С. 60–67.

8 **Кусайнова, Р. Ж.** Мониторинг качества атмосферного воздуха в РК: правовые и институциональные аспекты: Монография. – Астана: Фолиант, 2024. – 230 с.

9 **Sands, P.** Principles of International Environmental Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – 1 200 p.

10 **McCormick, J.** Air Pollution Policy and Environmental Regulation. – New York: Springer, 2024. – 400 p.

References

1 Ekologicheskiy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 2 yanvarya 2021 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.11.2025 g.) [Environmental Code of the Republic of Kazakhstan dated January 2, 2021 (as amended and supplemented as of November 1, 2025)]. – Astana: Adilet, 2025.

2 **Abdrasulov, E. B.** Pravovoe regulirovanie okhrany atmosfernogo vozdukha v Respublike Kazakhstan [Legal Regulation of Atmospheric Air Protection in the Republic of Kazakhstan] // Ekologiya i ustoychivoe razvitie. – 2024. – No. 3. – P. 45–53.

3 **Sarsenbaev, A. M.** Ekologicheskoe pravo Respubliki Kazakhstan: Uchebnik [Environmental Law of the Republic of Kazakhstan: Textbook]. – Almaty: Zheti Zhargy, 2023. – 520 p.

4 **Zhumabaeva, G. T.** Problemy pravoprimereniya norm, reguliruyushchikh okhranu atmosfernogo vozdukha [Problems of Enforcement of Norms Regulating Atmospheric Air Protection] // Vestnik KazNU. Seriya Yuridicheskaya. – 2023. – No. 2. – P. 28–36.

5 **Bogolyubov, S. A.** Ekologicheskoe pravo Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Environmental Law of Russia: Problems and Development Prospects] // Ekologicheskoe pravo. – 2024. – No. 1. – P. 5–14.

6 **Kolbasov, O. S.** Pravovye osnovy okhrany atmosfernogo vozdukha v Rossii [Legal Foundations of Atmospheric Air Protection in Russia]. – Moscow : Norma, 2023. – 280 p.

7 **Petrov, V. V.** Gosudarstvennyy ekologicheskiy kontrol' i ego effektivnost' v sfere atmosfernogo vozdukha [State Environmental Control and Its Effectiveness in the Field of Atmospheric Air] // Pravo i ekologiya. – 2023. – No. 4. – P. 60–67.

8 **Kusainova, R. Zh.** Monitoring kachestva atmosfernogo vozdukha v Respublike Kazakhstan: pravovye i institutsional'nye aspekty: Monografiya [Monitoring of Atmospheric Air Quality in the Republic of Kazakhstan: Legal and Institutional Aspects: Monograph]. – Astana: Foliant, 2024. – 230 p.

9 **Sands, P.** Principles of International Environmental Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – 1200 p.

10 **McCormick, J.** Air Pollution Policy and Environmental Regulation. – New York : Springer, 2024. – 400 p.

Поступило в редакцию 18.11.25

Поступило с исправлениями 21.11.25.

Принято в печать 25.12.25.

*Д. А. Жарылгасова

«Павлодар облысы әкімдігінің жер қойнауын пайдалану, қоршаған орта және су ресурстары басқармасы» ММ
Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

18.11.25. ж. баспаға түсті.

21.11.25. ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚОРШАҒАН ОРТА ТУРАЛЫ ЗАҢЫНДА АТМОСФЕРАЛЫҚ АУАНЫ ҚОРҒАУДЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ЖҮЙЕСІ

Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы экологиялық құқықтың негізгі элементі ретінде атмосфералық ауаны реттеудің теориялық, құқықтық және практикалық аспектілері қарастырылады. Ерекше назар атмосфералық ауаны қорғаудың құқықтық режимін анықтайтын, ластаушы заттар шығарындыларына қойылатын талаптарды белгілейтін және уәкілетті мемлекеттік органдардың қызметін реттейтін 2021 жылғы Қазақстан Республикасының Экологиялық кодексінде белгіленген нормалар мен қағидаттарды талдауға аударылады. Мақалада атмосфералық ауаны бақылаудың жеткіліксіз тиімділігіне, табиғат пайдаланушылардың экологиялық талаптарды сақтауын қамтамасыз ету мүмкіндіктерінің шектеулілігіне және кейбір нормативтік ережелердің сәйкессіздігіне байланысты құқық қорғау тәжірибесіндегі өзекті мәселелер егжей-тегжейлі қарастырылады. Сонымен қатар, мақалада ең жақсы қолжетімді технологияларды енгізу, экономикалық реттеу тетіктеріне көшу және қоршаған ортаны бақылауды цифрландырудың мемлекеттік қадағалаудың ашықтығы мен тиімділігін арттыруға әсері талданады. Кәсіпорындардың экологиялық жауапкершілігін арттыру, ауа сапасы стандарттары жүйесін жетілдіру және үкімет, бизнес және қоғам арасындағы өзара іс-қимылды нығайту қажеттілігіне ерекше назар аударылады. Жүргізілген зерттеулер негізінде заңнаманы жетілдіру, алдын алу шараларын күшейту және ластану деңгейін төмендетуге және халық үшін қолайлы экологиялық жағдайды қамтамасыз етуге бағытталған тұрақты экологиялық саясатты әзірлеу бойынша кешенді бағыттар ұсынылады.

Кілтті сөздер: атмосфералық ауа, қоршаған ортаны қорғау құқығы, Экологиялық кодекс, қоршаған ортаны қорғау, құқықтық реттеу, ауаның ластануы

*D. A. Zharylgasova

State Institution «Department of Subsoil Use, Environment and Water Resources of the Akimat of Pavlodar Region»
Republic of Kazakhstan, Pavlodar
Received 18.11.25.

Received in revised form 21.11.25.

Accepted for publication 22.12.25.

SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF ATMOSPHERIC AIR PROTECTION IN THE ENVIRONMENTAL LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

This article examines the theoretical, legal, and practical aspects of atmospheric air regulation as a key element of environmental law in the Republic of Kazakhstan. Particular attention is paid to the analysis of the norms and principles laid down in the 2021 Environmental Code of the Republic of Kazakhstan, which define the legal regime for atmospheric air protection, establish requirements for pollutant emissions, and regulate the activities of authorized state bodies. The paper examines in detail current issues in law enforcement practice related to the insufficient effectiveness of atmospheric air monitoring, limited capacity to ensure compliance with environmental requirements by nature users, and the inconsistency of certain regulatory provisions. Additionally, the article analyzes the implementation of best available technologies, the transition to economic regulation mechanisms, and the impact of digitalization of environmental control on increasing the transparency and effectiveness of state oversight. Particular emphasis is placed on the need to increase the environmental responsibility of enterprises, improve the system of air quality standards, and strengthen interaction between the government, business, and the public. Based on the conducted research, comprehensive directions are proposed for improving legislation, strengthening preventive measures, and developing a sustainable environmental policy aimed at reducing pollution levels and ensuring a favorable environmental situation for the population.

Keywords: atmospheric air, environmental law, Environmental Code, environmental protection, legal regulation, air pollution.

MPHTI 10.15.01

<https://doi.org/10.48081/GBBT3423>***А. С. Жетписов¹, Е. Т. Оралбек², А. С. Бексултанов³**^{1,3}Торайғыров университет,
Республика Казахстан, г. Павлодар;²Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре
Республика Казахстан, г. Косшы.¹ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4186-4805>²ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0811-8436>³ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6049-1647>*e-mail: a_zhetpisov@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках гранта (№ AP23489033).

В условиях глобализации и усиления миграционных потоков интеграция мигрантов становится ключевым приоритетом миграционной политики современных государств. Успешная интеграция определяет не только благополучие самих мигрантов, но и социально-экономическую стабильность, а также общественную безопасность принимающих сообществ. Настоящая статья представляет собой обзор современных научных исследований, посвященных проблемам и стратегиям интеграции мигрантов. Анализируются основные теоретические подходы к пониманию интеграции (ассимиляция, мультикультурализм, транснационализм), а также ее ключевые измерения: социально-экономическое, правовое, культурно-языковое и общественно-политическое. Особое внимание уделяется факторам, способствующим и препятствующим успешной интеграции, а также роли институтов гражданского общества и государственных программ в этом процессе. На основе проведенного анализа выявляются актуальные вызовы и определяются перспективные направления для дальнейших исследований в данной

области. Методологическую основу работы составили системный подход, позволивший рассмотреть интеграцию как целостную систему, а также сравнительный анализ и анализ нормативно-правовой базы. В результате исследования определены ключевые направления интеграционной политики: социально-экономическое, правовое, социокультурное и коммуникативное. Доказывается, что успешная интеграция способствует не только адаптации самих мигрантов, но и мобилизации их потенциала на благо принимающего общества, минимизируя риски маргинализации и социальной напряженности. Научная новизна заключается в синтезе структурных и процессуальных аспектов интеграции в контексте национальной безопасности и экономической целесообразности. Делается вывод о необходимости разработки сбалансированной государственной стратегии, сочетающей меры поддержки мигрантов с механизмами их вовлечения в общественную жизнь.

Ключевые слова: интеграция мигрантов, миграционная политика, права мигрантов, принимающее общество, адаптация, социальная сплоченность, межкультурная коммуникация, государственное управление.

Введение

Феномен миграции представляет собой исторически обусловленный социальный процесс, имманентно присущий человеческой цивилизации. Антропогенные перемещения традиционно детерминированы поиском оптимума жизненных условий, включая параметры экономической стабильности, социальных гарантий и экологической безопасности. В современных условиях миграционные процессы приобретают качественно новые характеристики, выступая одновременно: как следствие глобальных социально-экономических трансформаций; как фактор воздействия на общественное развитие.

Современные глобальные миграционные процессы характеризуются беспрецедентными масштабами и сложностью, превращаясь в один из определяющих факторов социальной трансформации принимающих государств. В данном контексте вопрос управления миграционными потоками выходит за рамки пограничного контроля и правового регулирования въезда и пребывания. Все более актуальной становится задача успешной интеграции мигрантов в принимающий социум. Интеграция перестает быть периферийной гуманитарной проблемой и превращается в стратегический приоритет, от эффективности реализации

которого зависят демографическое развитие, конкурентоспособность экономики и социальная стабильность государства.

С момента обретения независимости Казахстана миграционные процессы, развивающиеся под влиянием социально-политических и экономических условий, определяли основные направления и характер миграционных потоков в различных их проявлениях (эмиграция, иммиграция, трудовая и транзитная миграция, нелегальная и вынужденная миграция и др.). Учитывая динамику миграции в Казахстане за последние десятилетия, становится очевидной необходимость всестороннего анализа правовых, экономических и культурных аспектов адаптации мигрантов в странах прибытия на международном и региональном уровнях. Рост масштабов миграции разного типа также актуализирует вопрос о том, что мигранты могут являться носителями религиозных взглядов и ценностей, которые в некоторых случаях расходятся с социально-политическими установками принимающего государства.

Интенсификация миграционных потоков и их мультипликативное воздействие на социально-экономические системы актуализируют потребность в разработке инновационных механизмов регулирования, имеющих стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности.

В текущих геополитических условиях вопросы миграционного регулирования занимают приоритетное положение в повестке государственной политики. Это обусловлено необходимостью решения комплекса задач в сферах: демографического баланса, экономической стабильности, национальной безопасности.

Материалы и методы

Многогранность предмета требует использования мультидисциплинарного подхода, позволяющего взглянуть на объект демографического исследования с позиций исторической, социологической, правовой, международной, политический и др. наук.

Из группы философских и общенаучных использовались следующие методы: диалектический (для выявления противоречий, влияния миграционных процессов на общество); индукции и дедукции (для формирования закономерностей функционирования миграционной системы на разных уровнях); научной абстракции (для изучения локальных особенностей деятельности мигрантов); анализа и синтеза (для выявления особенностей правового регулирования на государственном, региональном и локальном уровнях); обобщения (для обобщения полученных результатов); описания (для определения основных понятий относительно интеграции и адаптации

мигрантов); систематизации (для формирования базы данных); системный, дал возможность исследования миграционной ситуации как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними.

Результаты и обсуждение

В настоящее время вопросы миграционной политики занимают ключевое место в деятельности правительства как многих стран, так и Республики Казахстан, в частности, поскольку они напрямую связаны с важнейшими сферами демографии, экономики, социального благополучия и безопасности. Миграционная политика формируется как реакция властей на специфические особенности, риски и вызовы, возникающие в результате перемещения людей. Учитывая неравномерный характер миграционных потоков, государственной регулирование играет ключевую роль либо в усилении, либо смягчении этой диспропорции.

Государство активно использует весь арсенал доступных методов управления, чтобы эффективно реагировать на вызовы, связанные с межстрановым перемещением людей. Это объясняется тем, что масштабные миграционные процессы оказывают глубокое влияние в целом на развитие государства.

В современных условиях Казахстан столкнулся с рядом вызовов определённых мировых социально-политических и гуманитарных кризисов (например, события в Афганистане 2021 года, ближневосточный конфликт), который имеет некоторые последствия, связанных с нелегальной миграцией наряду с распространением религиозных течений деструктивной направленности. Ранее в решении угроз распространения деструктивных религиозных воззрений был опыт, связанный с войной в Сирии, вызвавшей миграции ряда радикально настроенных казахстанцев с их семьями в зону конфликта, а в дальнейшем возвращение в страну с последующей реабилитацией для членов семей (как правило женщины и дети) и уголовным наказанием для участников военных действий [1].

В ситуации с рисками трансграничных угроз Президент Казахстана в Послании народу Казахстана 2021 г. выразил обеспокоенность по ситуации в Афганистане и в мире «...Мы должны готовиться к внешним шокам и наихудшему варианту развития событий. В высшей степени актуальным стало моделирование рисков, исходящих извне...», что побуждает пересмотреть вопросы опасности нелегальной миграции со своевременным принятием комплексом мер предупреждения рисков и проникновение в регион деструктивных элементов [2].

В правовых исследованиях о мигрантах часто обозначается вопрос их уязвимости, связанной с возможным отсутствием знаний о своих

правах, законов принимающего государства и опыта взаимодействия с государственным институтами, что может быть следствием и языковой ограниченности [3]. Причиной подобного уязвимого положения мигрантов является их ранее накопленный социальный капитал, который был приобретен из-за возможно неблагоприятных экономических условий, невысокого уровня образования.

Если говорить о культурных угрозах и рисках в вопросе миграции, то здесь это связано с фактором межкультурного взаимодействия с религиозными традициями мигрантских сообществ и далее возможными трансформациями духовных ценностей и стиля жизни принимающего общества [4]. Также необходимо отметить тот факт, что дети мигрантов могут иметь социально-психологические проблемы, так как вхождение в общность через социальные институты (школа и т.п.) могут вызывать чувства отстраненности, отчужденности в процессе рефлексии «я» и «другого» [5]. Обратная сторона данной проблематики посвящена исследованиям религиозных прав мигрантов и их интегрированности в принимающее их общество [6].

Анализируя европейский опыт миграционной политики, с юридической точки зрения, происходящие социокультурные и демографические изменения, этнический состав европейских стран, привели к новым толкованиям правовых норм, то есть рефлексии на роль права в отношении свободы совести и вероисповедания подвергаются критическому переосмыслению. Впоследствии, что вызывает конституционные споры в отношении вопроса смыслового наполнения права на свободу совести и вероисповедания и пределах его ограничения [7].

Вышеуказанный анализ исследовательских траекторий, требует проведения комплексного междисциплинарного исследования казахстанской кейса миграционных процессов, с целью выработки решений в противодействии различным угрозам и формирования механизма регуляции защиты прав граждан и мигрантов.

Миграционная политика является основополагающим элементом в структуре регулирования миграционных потоков, при этом ее институциональные структуры и инструменты выполняют важнейшую функцию в обеспечение прав и интересов переселенцев, а также в придании миграционным процессам организованности, безопасности и легитимности. На это указывают и исследователи миграционной политики утверждая, что «она является одним из приоритетных направлений в политической и экономической деятельности государства» [8, с. 47]. Другие делают акцент на то, что «миграционная политика, хоть и является частью

демографической политики» но при этом «должна охватывать все сферы жизнедеятельности» [9, с. 51].

Оптимальная миграционная политика любого государства требует сбалансированного подхода, сочетающего в себе гибкость в решении вопросов адаптации мигрантов любого типа, и эффективность в обеспечении и защите их прав и интересов. Основа миграционной политики страны формируется в соответствии с международно-правовыми нормами, закрепленными в конвенциях и иных документах, разрабатываемыми в рамках межгосударственной деятельности.

Республика Казахстан приняла Концепцию миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы, в которой представлены стратегические подходы к решению актуальных задач в области миграции, систематизированные в рамках трех основных компонентов: внешней иммиграции, внешней эмиграции, внутренней миграции.

Изучение основных разделов Концепции миграционной политики Республики Казахстан, показывает, что государственная миграционная политика играет важную роль в обществе, поскольку она имеет непосредственное влияние на миграционные процессы и статус мигрантов в правовой системе государства, выполняя ряд общественно значимых функций:

- регулирующая – миграционная политика влияет на миграционные потоки благодаря созданию соответствующих социально-экономических условий, формированию нормативно-правовой базы, цель которых следование национальным интересам принимающей стороны; на международном уровне эта функция реализуется через двух- или многосторонние договоры, международные конференции, переговоры, консультаций по вопросам миграции;

- медиативная (рационализации противоречий) функция направлена на рационализацию противоречий, осуществляется путем поиска консенсуса в конфликтных ситуациях через введение механизма категоризации сторон (мигрантов), выявление их позиций относительно спорных вопросов и гармонизации стратегий политической системы;

- адаптационная функция реализуется путем включения (адаптации) мигрантов в принимающее общество;

- компенсационная (мобилизационная) – миграционная политика направлена на привлечение дополнительных человеческих ресурсов на рынок труда принимающей страны для пополнения трудового потенциала государства, преодоления демографического кризиса;

– контролирующая функция призвана реализовать государственный контроль в миграционной сфере.

Приведенные функции отчетливо свидетельствуют о том, что государственная миграционная политика представляет собой комплекс норм, стратегических направлений и мероприятий, направленных на регулирование процессов перемещения людей как внутри территории государства, так и через ее границы, при сохранении приоритета обеспечения национальной безопасности. В этой связи на основе Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы все центральные государственные органы утвердили ведомственные планы действий с учетом Целевых индикаторов на 2023–2027 гг., а местные исполнительные органы – региональные планы по реализации Концепции. Анализ данных планов показывает, что данная концепция является ориентиром для государственных органов Казахстана в сфере регулирования процессов миграции, где главным субъектом является само государство и его интересы.

Исходно сложившаяся интерпретация миграции акцентировала внимание на перемещениях людей, сопряженных со сменой постоянного места проживания. В исторической ретроспективе процессы миграции, подразумевающие трансграничное движение человеческих потоков, выступали катализатором значительных трансформаций в социокультурной, технологической, экономической и политической сферах общественной жизни. В контексте усиления глобализационных тенденций мобильность населения приобрела не только возросшую интенсивность, но и возросшую структурную сложность. Современные миграционные процессы формируют глобальную миграционную систему, обладающую такими атрибутами, как структурная сложность, иерархичность, открытость, способность к саморегуляции и полифункциональность. Данная система интегрирует миграционные потоки в рамках множества государств и функционирует в границах отельных миграционных регионов.

Особую актуальность в рамках исследовательского дискурса приобретает проблема нелегальной миграции, демонстрирующая устойчивую динамику к росту, перманентной трансформации и усложнению. Казуальный комплекс данного феномена характеризуется значительным расширением, что на современном этапе приводит к его глобализации и, как следствие, вызывает обоснованную озабоченность деструктивными последствиями в политической, социальной, экономической, а главное духовно-культурной (включая религиозную) областях.

В аспекте изучения миграции в общем, а также нелегальной миграции, в частности, хотелось бы обратить внимание на исследование «Transnational

migration and the new subjects of work: Transmigrants, hybrids and cosmopolitans» (Özkazanç-Pan B, 2019) [10]. В этой книге впервые используются исследования транснациональной миграции в качестве новой теоретической основы для изучения менеджмента и организаций. Автор, представляет столь необходимую новую концепцию для понимания людей, работы и организаций в меняющемся мире, уделяя при этом внимание растущему неравенству, связанному с работой в меняющихся обществах.

В этой связи, хотелось бы привести ряд выдержек из данного исследования. «Переселение людей открыли возможности для новых комбинаций идей, практик и процессов, поскольку люди живут своей личной и профессиональной жизнью на пересечении множества социальных и культурных миров. В самом непосредственном смысле, вливания новичков в существующие общества привели к значительным изменениям в том, как люди понимают себя и культурных Других. По сути, мобильность людей, идей и практик привела к появлению новых смешений, которые бросили вызов и расширили существующие контуры обществ. Больше невозможно говорить об однородных обществах, но, скорее, необходимо признать и понять, как общества и нации являются результатом столетий смешивания людей. В наше время эти мобильности требуют переосмысления того, как люди идентифицируются как часть культуры, группы или даже нации. Более того, можем ли мы действительно понять различия между людьми и среди них на основе национальности, культуры или любого другого измерения в контексте мобильности? Иногда наилучшие проявления сложной природы гражданства происходят во время масштабных глобальных мероприятий, таких как Олимпиада или чемпионат мира по футболу. В таких случаях пересечение расы, этнической принадлежности/наследия, языка и гражданства (и привилегий) позволяет учитывать разнообразие обществ и моделей мобильности. Эти смешения людей и культур также проявляются в повседневной жизни через производство и потребление культурных продуктов, таких как книги, фильмы или музыка, которые циркулируют по всему миру, создавая транснационально общие социальные образы и опыт, несмотря на национальные границы. То есть вместо того, чтобы сосредоточиться на широком понятии миграции, большинство разговоров и дебатов формировались в отношении определенных типов людей, которые мигрируют: иммигранты, беженцы, просители убежища, рабочие-мигранты и другие. Эти дебаты происходили на протяжении истории, поскольку социальные изменения, возникающие в результате мобильности различных типов людей, были оформлены как угрозы существующему образу жизни, национальной идентичности и суверенитету и нуждались в управлении и

контроле. Обычно придерживаясь ксенофобских тонов, противники щедрой или слабой иммиграционной политики сосредоточились на предполагаемых экономических и социальных последствиях, возникающих в результате притока «чужаков» или культурных других в «их страны», которые будут «занимать рабочие места», «совершать преступления», «облагать налогом систему здравоохранения» или «угрожать ценностям». В то же время миграция не происходила добровольно для миллионов людей. На протяжении всей истории люди подвергались принудительным перемещениям» [10, с. 7].

«Война, рабство, торговля людьми, экономическое отчаяние, колониализм, политические или религиозные преследования привели к насильственному перемещению людей, перевернув семьи, общины и общества. В сегодняшнем современном мировом политическом порядке различные формы миграции стали одной из самых поляризующих проблем, особенно в западных демократиях. В США нетерпимая риторика в отношении мексиканцев, мусульман, иммигрантов и просителей убежища нашла отклик у значительной части общества, создав ощущение, что такие группы являются «чужаками внутри». В самом непосредственном плане мы наблюдаем ужасающие последствия такой миграции для детей в США, поскольку нынешняя администрация приняла политику «нулевой терпимости», которая позволяет насильственное разделение семей на границе с Мексикой. Европа борется с призраком «Brexit» и ростом «националистического популизма» на фоне кризиса беженцев в Сирии, который стал доминировать в дискуссиях об иммиграционной политике. Во всем мире рост авторитарных лидеров и режимов вызвал новые опасения по поводу свободы передвижения определенных групп населения и людей в то время, когда дипломатические отношения между странами кажутся чреватými напряженностью. В то же время растет число миграций с юга на юг и вытекающие из этого изменения в социальном, экономическом и политическом облике «принимающих» стран. Хотя иногда эти миграции фокусировались на денежных переводах, необходимо гораздо больше исследований, чтобы понять растущие проблемы, связанные с условиями труда, например, проблемы с жильем, справедливой заработной платой и правами трудящихся в отношении трудящихся-мигрантов из Юго-Восточной Азии в государствах Персидского залива. В целом, такие мобильности привлекают внимание к новым возможностям, связанным с изменением условий и возможностей труда, а также поднимают вопросы о конституциях национального государства в глобальном контексте [10, с. 9]. «Таким образом, разговор о миграции в любой форме требует признания

исторических способов, которыми границы и рубежи были созданы и продолжают воспроизводиться посредством эпистемических, социальных и материальных практик, включая способы, которыми академические исследования теоретизируют и изучают вопросы «различий» между/среди людей, культур и групп. Далее Özkazanç-Pan B., задается рядом вопросов: «Эти глобальные тенденции, которые являются как историческими, так и современными, также подняли вопросы о том, как общества должны функционировать в контексте миграции — каковы этические проблемы и соображения по отношению к обществу, когда нации были созданы в результате сражений, руководствуясь определенными нарративами истории и мифами однородности? В этом смысле остается много вопросов о том, как мобильность влияет на сами институты общества, а также на ее влияние на социальные, культурные, экономические и политические организации и людей. Какую разницу мобильность вносит в то, как мы понимаем мир и как люди понимают, кто они и культурные «другие»? И как мобильность влияет на способы выполнения работы и на то, как люди живут своей личной и профессиональной жизнью в условиях транснационализма?» [10, с. 10].

Однако в основе всех этих вопросов, прослеживается обеспокоенность вопросами безопасности, поскольку безопасность является важной категорией, которая определяет состояние отсутствия риска или угрозы для интересов, ценностей, благосостояния людей, институтов, организаций и т.д.

Под другим взглядом можно посмотреть на кейсы адаптации и интеграции иммигрантов в принимающее общество через приобретение роли «стать своим», смешанных браков, миссионерской деятельности внутри страны, где миссионеры активно работают с иммигрантами, а также посредством роли социальной поддержки. В данном случае наблюдается процесс религиозной конверсии иммигрантов, которая может быть как формальной, частичной или глубоко-экзистенциальной (искренней). Примерами в современной истории выступает кейс мексиканцев в США, где произошла евангелизация (переход от католицизма к протестантизму), конверсия в христианство части мусульманских иммигрантов в Европе. Религия влияет на интеграцию иммигрантов и принятие принимающим обществом как положительно, так и отрицательно, выступая в качестве источника поддержки, а также потенциально создавая культурные конфликты и барьеры на пути интеграции. Воздействие варьируется в зависимости от сходства религиозных традиций, конкретного аспекта религиозности (вера в сравнении с социальным поведением), мотивов, лежащих в основе религиозной активности, и того, ценит ли принимающее общество публичное выражение религиозных убеждений. Эта многомерность предполагает, что

роль религии сложна и зависит от различных взаимодействующих факторов, включая культурную дистанцию, индивидуальные мотивы и социальные структуры принимающей страны

Исследователи, характеризуя эту проблему используют термин «социальное отчуждение». На наш взгляд, факт вовлечения мигрантов в религиозную деятельность основывается именно с учетом его психологического состояния, когда он попадает в среду, где он меняет свои моральные принципы поскольку находится в новом для него обществе с незнакомыми людьми. Он находится вне видимости родственников, знакомых и т.д., и к тому же вне своей родной земли, а потеря Родины – это потеря значения всего, что происходит вокруг переселенцев. В то же время эта ситуация способствует достижению меркантильных целей. Изменения мировоззрения мигрантов на чужбине проявляются, в частности, в прагматичном отношении к тому, что в родном крае вызвало бы сильные негативные эмоции. Переселенцы смотрят на место своего нового пребывания, как на орудие своего обогащения. Прежде всего это связано с функцией денег, которые оказываются в центре интересов мигрантов. Деньги как средство приобретают новый, практически происходит перестройка традиционного мировоззрения на новых ценностях и интересах. Подчеркнутая неограниченность и раскованность являются внешними атрибутами поведения переселенцев на чужбине, что зачастую обуславливает их участие в преступной деятельности, в любом статусе и как жертвы, и как преступника.

Эффективная миграционная политика выступает ключевым инструментом не только в управлении миграционными потоками, но и в обеспечении национальной безопасности. Ее институты и механизмы играют критически важную роль в создании организованных и безопасных условий для мигрантов, что является фундаментальным элементом профилактики религиозного радикализма. Формируя правовое поле и социальные лифты, миграционная политика противодействует маргинализации и изоляции мигрантов, тем самым лишая экстремистские идеологии питательной среды. Эволюция исследований в данной области все больше учитывает этот аспект, развиваясь в русле различных теоретико-методологических подходов, направленных на построение устойчивых и интегративных обществ.

Выводы

Таким образом, в научном дискурсе сформировался широкий спектр подходов к осмыслению миграционной политики. Многообразие миграционных процессов понимается через призму различий по признакам расы, этничности, класса и иных параметров, определяющих идентичность,

ценности и поведенческие модели индивидов в принимающих обществах. В этом контексте миграционная политика становится ключевым инструментом не только регулирования потоков, но и противодействия рискам, связанным с распространением деструктивных религиозных и идеологических течений, эксплуатирующих уязвимость перемещенных групп.

Следовательно, эффективная политика противодействия должна быть комплексной и нацеленной не на изоляцию мигрантов, а на: усиление пограничного и миграционного контроля для легализации и упорядочивания потоков. Противодействие глубокой социально-экономической эксклюзии нелегальных мигрантов. Развитие программ их социальной и культурной адаптации. Активную информационно-разъяснительную работу в группах риска.

Список используемых источников

1 Радио «Азаттык» Сотни возвращены, десятки остаются. Продолжит ли Казахстан вывозить граждан из Сирии и Ирака? 3 февраля 2022 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-jusan-operation-evacuation-from-syria-and-iraq-conclusions/31629490.html>

2 **Кривцанова, К.** Нелегальная миграция и наплыв беженцев: Токаев назвал риски для стран ОДКБ из-за ситуации в Афганистане. 23 августа 2021 год. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.nur.kz/politics/universe/1928502-nelegalnaya-migratsiya-i-naplyv-bezhentsev-tokaev-vystupil-na-sessii-odkb>.

3 **Blazek, M.** Migration, vulnerability and the complexity of violence: Experiences of documented non-EU migrants in Slovakia. Geoforum. Vol. 56. 2014. P. 101–112. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.07.002>.

4 **Gaertner, S., Dovidio, J.** The aversive form of racism. In: J.F. Dovidio, S.L. Gaertner. Prejudice, discrimination and racism. - Orlando: Academia Press. 1986. P. 61–90.

5 **Levecque, K., Rossem, R.** Depression in Europe: Does migrant integration have mental health payoffs? A cross-national comparison of 20 European countries. Ethnicity and Health. Vol. – 20. №. – 1. – 2015. P. 49–65. – <https://doi.org/10.1080/13557858.2014.883369>

6 **Мукомель, В. И.** Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 6–12.

7 **Bosso, F.** The borders of the Rechtsstaat: migrant exclusion and the constitutional state in post-crisis Germany [PhD thesis]. University of Oxford. 2022.

8 **Тюменцева, Г. И.** Миграционная политика: проблемы, противоречия, решения // Вестник Челябинского государственного университета. - 2014. - № 14 (343). - С. 47-54.

9 **Рыбаковский, О. Л., Мартыненко, С. В.** Миграционная политика современной России: структура и направления // Народонаселение. - № 2. - 2013. - С. 51-59.

10 **Цапенко, И. П., Гришин, И. В.** Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.

References

1 Radio «Azattik» Sotni vozvrasheni, desyatki ostayutsya. Prodoljit li Kazaxstan vivotit grajdan iz Sirii i Iraka? 3 fevralya 2022 g. [Hundreds have been returned, dozens remain. Will Kazakhstan continue to export citizens from Syria and Iraq? February 3, 2022] [Elektronniy resurs]. Rejim dostupa : – <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-jusan-operation-evacuation-from-syria-and-iraq-conclusions/31629490.html>

2 **Krivanova, K.** Nelegalnaya migratsiya i napliv bejensev: Tokaev nazval riski dlya stran ODKB iz-za situatsii v Afganistane. [Illegal migration and the influx of refugees: Tokaev named the risks for the CSTO countries due to the situation in Afghanistan]. 2021. Elektronniy resurs. Rejim dostupa: <https://www.nur.kz/politics/universe/1928502-nelegalnaya-migratsiya-i-naplyv-bezhentsev-tokaev-vystupil-na-sessii-odkb>.

3 **Blazek, M.** Migration, vulnerability and the complexity of violence: Experiences of documented non-EU migrants in Slovakia. Geoforum. Vol. 56. 2014. – P. 101–112. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.07.002>.

4 **Gaertner, S., Dovidio, J.** The aversive form of racism. In: J. F. Dovidio, S.L. Gaertner. Prejudice, discrimination and racism. – Orlando : Academia Press. 1986. – P. 61–90.

5 **Levecque, K., Rossem, R.** Depression in Europe: Does migrant integration have mental health payoffs? A cross-national comparison of 20 European countries. Ethnicity and Health. Vol. – 20. №. 1. – 2015. – P. 49–65. <https://doi.org/10.1080/1355785.8.2014.883369>

6 **Mukomel, V. I.** Problemi integratsii vnutrirossiyskix inoetnichnix migrantov // Sociologicheskie issledovaniya. [Problems of integration of domestic non-ethnic migrants // Sociological research]. 2016. – № 5. – P. 6–12.

7 **Bosso, F.** The borders of the Rechtsstaat: migrant exclusion and the constitutional state in post-crisis Germany [PhD thesis]. University of Oxford. 2022.

8 **Tyumenseva, G. I.** Migratsionnaya politika: problemi, protivorechiya, resheniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. [Migration policy: problems, contradictions, solutions // Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2014. – № 14 (343). – P. 47–54.

9 **Ribakovskiy, O. L., Martinenko, S. V.** Migratsionnaya politika sovremennoy Rossii: struktura i napravleniya // Narodonaselenie. - № 2. [Migration policy of modern Russia: structure and directions // Population. - No. 2.]. – 2013. – P. 51–59.

10 **Sapenko, I. P., Grishin, I. V.** Integratsiya inokulturnix migrantov: perspektivi interkulturalizma [Integration of foreign cultural migrants: prospects of interculturalism] – М. : IMEMO RAN. 2018. – P. 233.

Поступило в редакцию 19.11.25

Поступило с исправлениями 21.11.25.

Принято в печать 25.12.25.

**А. С. Жетписов¹, Е. Т. Оралбек², А. С. Бексултанов³*

^{1,3}Торайғыров университеті,

Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.;

²Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы

Құқық қорғау органдарының академиясы,

Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

19.11.25. ж. баспаға түсті.

17.12.25. ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

МИГРАНТТАРДЫҢ ИНТЕГРАЦИЯСЫ МЕМЛЕКЕТТІҢ КӨШІ-ҚОН САЯСАТЫНЫҢ МАҢЫЗДЫ АСПЕКТІСІ РЕТІНДЕ: ЗЕРТТЕУЛЕРГЕ ШОЛУ

Бұл зерттеуді Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті грант шеңберінде қаржыландырады (№АР23489033).

Жаһандану және көші-қон ағындарының күшеюі жағдайында мигранттардың интеграциясы қазіргі мемлекеттердің Көші-қон саясатының негізгі басымдығына айналады. Табысты интеграция мигранттардың әл-ауқатын ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік-экономикалық тұрақтылықты, сондай-ақ қабылдаушы қауымдастықтардың қоғамдық қауіпсіздігін анықтайды. Бұл мақала мигранттарды біріктіру мәселелері мен стратегияларына

бағытталған заманауи ғылыми зерттеулерге шолу болып табылады. Интеграцияны түсінудің негізгі теориялық тәсілдері (ассимиляция, көпмәдениеттілік, трансұлттық), сондай-ақ оның негізгі өлшемдері: әлеуметтік-экономикалық, құқықтық, мәдени-тілдік және қоғамдық-саяси. Табысты интеграцияға ықпал ететін және кедергі келтіретін факторларға, сондай-ақ азаматтық қоғам институттары мен мемлекеттік бағдарламалардың осы үдерістегі рөліне ерекше назар аударылады. Жүргізілген талдау негізінде өзекті сын-қатерлер айқындалады және осы саладағы одан әрі зерттеулер үшін перспективалық бағыттар айқындалады. Жұмыстың әдіснамалық негізі интеграцияны біртұтас жүйе ретінде қарастыруға, сондай-ақ салыстырмалы талдау мен нормативтік-құқықтық базаны талдауға мүмкіндік беретін жүйелік тәсіл болды. Зерттеу нәтижесінде интеграциялық саясаттың негізгі бағыттары анықталды: әлеуметтік-экономикалық, құқықтық, әлеуметтік-мәдени және коммуникативті. Табысты интеграция мигранттардың бейімделуіне ғана емес, сонымен қатар олардың әлеуетін қабылдаушы қоғамның игілігі үшін жұмылдыруға, маргиналдану мен әлеуметтік шиеленіс тәуекелдерін азайтуға ықпал ететіні дәлелденді. Ғылыми жаңалық Ұлттық қауіпсіздік пен экономикалық орындылық контекстінде интеграцияның құрылымдық және процессуалдық аспектілерін синтездеуде жатыр. Мигранттарды қолдау шараларын оларды қоғамдық өмірге тарту тетіктерімен ұштастыра отырып, теңдестірілген мемлекеттік стратегияны әзірлеу қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Кілтті сөздер: мигранттардың интеграциясы, көші-қон саясаты, мигранттардың құқықтары, қабылдаушы қоғам, бейімделу, әлеуметтік келісім, Мәдениетаралық байланыс, мемлекеттік басқару.

*A. S. Zhetpisov¹, E. T. Oralbek² A. S. Bexultanov³

^{1,3}Toraighyrov University,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar;

²Academy of Law Enforcement Agencies
at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Republic of Kazakhstan, Kosshy.

Received 19.11.25.

Received in revised form 17.12.25.

Accepted for publication 22.12.25.

INTEGRATION OF MIGRANTS AS AN IMPORTANT

ASPECT OF THE MIGRATION POLICY OF THE STATE: RE- SEARCH OVERVIEW

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan under a grant (No. AP23489033).

In the context of globalization and increasing migration flows, the integration of migrants is becoming a key priority of migration policy in modern states. Successful integration determines not only the well-being of the migrants themselves, but also socio-economic stability, as well as the public safety of the host communities. This article is an overview of modern scientific research on the problems and strategies of migrant integration. The main theoretical approaches to understanding integration (assimilation, multiculturalism, transnationalism) are analyzed, as well as its key dimensions: socio-economic, legal, cultural, linguistic, and socio-political. Special attention is paid to the factors contributing to and hindering successful integration, as well as the role of civil society institutions and government programs in this process. Based on the analysis, current challenges are identified and promising areas for further research in this area are identified. The methodological basis of the work was a systematic approach that allowed us to consider integration as an integrated system, as well as comparative analysis and analysis of the regulatory framework. As a result of the research, key areas of integration policy have been identified: socio-economic, legal, socio-cultural and communicative. It is proved that successful integration contributes not only to the adaptation of migrants themselves, but also to the mobilization of their potential for the benefit of the host society, minimizing the risks of marginalization and social tension. The scientific novelty lies in the synthesis of structural and procedural aspects of integration in the context of national security and economic feasibility. It is concluded that it is necessary to develop a balanced state strategy that combines measures to support migrants with mechanisms for their involvement in public life.

Keywords: integration of migrants, migration policy, migrants' rights, host society, adaptation, social cohesion, intercultural communication, public administration.

МРНТИ 10.77.51

<https://doi.org/10.48081/FZP1213>***А. К. Жунусов**

Департамент полиции Павлодарской области,

Республика Казахстан, г. Павлодар.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0026-3125-1354>*e-mail: adletzhunusov717@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования ответственности за нарушение законодательства о персональных данных в Республике Казахстан. В условиях стремительной цифровизации, роста объёма обрабатываемой информации и увеличения числа утечек персональных данных возрастает значимость эффективной правовой защиты частной жизни граждан. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года закрепляет понятие персональных данных, определяет субъектный состав и принципы обработки, включая необходимость получения согласия, обеспечение безопасности и ограничение цели использования. Тем не менее, несмотря на наличие подробной нормативной базы, практика применения законодательства сталкивается с рядом системных проблем. В статье рассматриваются положения статьи 79 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, устанавливающей административную ответственность за незаконную обработку персональных данных, и статьи 147 Уголовного кодекса Республики Казахстан, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. Особое внимание уделено анализу границ между административной и уголовной ответственностью, а также выявлению условий, при которых возможно возбуждение уголовного дела. Ключевой проблемой, на которую обращается внимание в работе, является отсутствие в законодательстве чёткого определения категории «существенного вреда» — обязательного признака для квалификации деяний по статье 147 УК РК. Это по-

рождает правовую неопределённость, усложняет возбуждение уголовных дел и снижает эффективность защиты прав граждан.

Ключевые слова: персональные данные, защита информации, уголовная ответственность, неприкосновенность частной жизни, существенный вред.

Введение

Цифровизация всех сфер общественной и государственной жизни в Республике Казахстан обусловила необходимость более внимательного подхода к защите прав граждан в цифровом пространстве. Одним из ключевых элементов этого процесса стало правовое регулирование обработки и защиты персональных данных. В условиях широкого распространения информационных технологий, автоматизированных систем, социальных сетей и мобильных приложений персональные данные стали легко доступными для обработки, передачи и распространения, что влечёт за собой риски нарушения прав и свобод личности.

Особую обеспокоенность вызывает практика массовых утечек информации, слабая защищённость информационных систем, а также непонимание юридическими и физическими лицами специфики правового режима персональных данных. Несмотря на то, что Казахстан с 2013 года имеет специальный закон, регулирующий данную сферу, количество правонарушений, связанных с незаконной обработкой персональных данных, остаётся высоким. Более того, на практике часто возникают сложности при разграничении видов ответственности, особенно когда встаёт вопрос о привлечении нарушителя к уголовной, а не административной ответственности.

Настоящая статья направлена на всесторонний анализ нормативной базы в сфере персональных данных, выявление существующих проблем в квалификации правонарушений и обоснование необходимости уточнения отдельных понятий, в частности критерия «существенного вреда», используемого в статье 147 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (анализ положений Закона Республики Казахстан «О персональных данных и их защите», Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Республики Казахстан), а также метод системного толкования, позволивший выявить внутренние связи между нормами различных отраслей права, регулирующих порядок сбора, хранения, распространения и защиты персональной информации.

Кроме того, применялись сравнительно-правовой метод (при анализе зарубежного опыта, включая практику Европейского союза), логический метод (для классификации видов ответственности и их разграничения), а также эмпирический подход, основанный на изучении конкретных кейсов из правоприменительной практики (в том числе привлечения к ответственности юридических лиц и анализа уголовных дел, возбужденных по ст. 147 УК РК).

Результаты и обсуждение

Персональные данные – это не просто информация, связанная с конкретным лицом. Это – правовая категория, находящаяся на пересечении частного и публичного права, и одновременно объект правового регулирования, требующий соблюдения конституционных прав человека. Согласно статье 1 Закона Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года № 94-V [1], персональные данные — это сведения, относящиеся к определённому или определяемому субъекту персональных данных, зафиксированные на электронном, бумажном и (или) ином материальном носителе.

Законодатель выделяет несколько видов персональных данных. Общие персональные данные включают, как правило, имя, дату рождения, пол, гражданство, место жительства, номер документа, удостоверяющего личность, и прочие идентифицирующие характеристики. К специальным (чувствительным) категориям данных относят информацию о расовой и национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, состоянии здоровья, сексуальной ориентации, а также биометрические и генетические данные. Обработка последних требует соблюдения особых правовых процедур и, как правило, – согласия субъекта данных в явно выраженной форме.

Следует отметить, что регулирование персональных данных осуществляется не только на уровне специального закона, но также в рамках конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Так, статья 18 Конституции Республики Казахстан гарантирует каждому [2] гражданину право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Следовательно, всякое вмешательство в сферу частной жизни, включая незаконное получение и распространение персональных данных, может рассматриваться как посягательство на конституционно охраняемые ценности.

Особое внимание в казахстанском законодательстве уделяется принципам обработки персональных данных. Среди них центральное место занимают: принцип законности (данные должны обрабатываться на законном основании), ограничение цели (данные нельзя использовать

вне заявленных целей), минимизация объёма обрабатываемых данных (сбор только необходимой информации), обеспечение достоверности и актуальности, а также обеспечение безопасности и конфиденциальности. Эти принципы не просто декларативны — нарушение любого из них потенциально может влечь юридическую ответственность, в зависимости от тяжести и последствий нарушения.

Законодатель также устанавливает чёткое распределение ролей между участниками отношений по обработке персональных данных. Основным субъектом, чьи права подлежат защите, является «субъект персональных данных» – физическое лицо, к которому относятся обрабатываемые сведения. «Оператор персональных данных» — это физическое или юридическое лицо, осуществляющее сбор, обработку и хранение персональных данных. Также в правовом обороте используется термин «третье лицо», обозначающий иных участников, к которым данные могут быть переданы при наличии законных оснований. Все эти категории имеют юридическую значимость в контексте установления ответственности за нарушения [3].

Одной из ключевых обязанностей оператора является получение согласия субъекта на обработку его данных. Закон предусматривает, что согласие должно быть добровольным, конкретным, информированным и выраженным в явной форме. Тем не менее, на практике распространена ситуация, при которой согласие фактически подменяется включением соответствующего условия в текст публичной оферты, пользовательского соглашения или иного документа, оформленного шаблонно и без возможности модификации. Такая практика вызывает сомнения с точки зрения подлинной осознанности и добровольности выражения воли субъектом данных.

Отдельно необходимо остановиться на требовании локализации персональных данных. В соответствии с положениями Закона, персональные данные граждан Республики Казахстан подлежат хранению на территории государства. Это означает, что операторы, обрабатывающие данные казахстанцев, обязаны обеспечить размещение баз данных на серверах, находящихся в пределах юрисдикции РК. Данное требование направлено на защиту от несанкционированного доступа иностранных государств, а также на упрощение процедуры правоприменения в случае возникновения споров. Однако на практике до сих пор сохраняются случаи размещения данных на зарубежных платформах, особенно если речь идёт о транснациональных корпорациях или онлайн-сервисах.

Несмотря на наличие в казахстанском законодательстве специального закона, регулирующего отношения в сфере персональных данных, эффективность его применения во многом зависит от наличия и функционирования

механизма ответственности. Правовая ответственность представляет собой один из ключевых инструментов реализации норм, закреплённых в Законе «О персональных данных и их защите». В этом контексте особое значение приобретают положения Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее — КоАП РК) [4] и Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК) [5], прямо предусматривающие санкции за нарушения, связанные с незаконным сбором, хранением, распространением и иными действиями в отношении персональных данных.

Административная ответственность за нарушение законодательства о персональных данных установлена в статье 79 КоАП РК. Указанная норма охватывает широкий спектр правонарушений: от отсутствия согласия субъекта на обработку персональных данных до несоблюдения требований к локализации баз данных. Часть 1 статьи 79 гласит: «Нарушение законодательства о персональных данных и их защите влечёт штраф на физических лиц в размере до тридцати месячных расчётных показателей, на субъектов малого предпринимательства — до шестидесяти, среднего — до ста, крупного — до двухсот».

Важно отметить, что административная ответственность применяется преимущественно в случаях, когда нарушение закона не повлекло существенного вреда для субъекта персональных данных. Например, если организация хранила персональные данные на зарубежном сервере, но при этом не допустила их утечки, к ней может быть применён административный штраф, а не более строгая мера. Такой подход соответствует общим принципам административного производства: быстрота реагирования, восстановление нарушенного порядка, предупреждение последующих нарушений.

Ярким примером применения статьи 79 КоАП РК является случай с ТОО «Центр недвижимости и ипотеки» («Этажи») [6], когда компания была оштрафована за хранение клиентских персональных данных на серверах, расположенных за пределами Казахстана. Несмотря на отсутствие факта утечки или передачи данных третьим лицам, было установлено, что такое хранение противоречит требованиям закона о локализации, и, следовательно, подлежит административной ответственности. Этот кейс продемонстрировал, что даже без нанесения ущерба субъекту данных, нарушение формального требования законодательства может послужить основанием для санкций.

Однако в тех случаях, когда действия оператора персональных данных выходят за пределы простого нарушения регламента и затрагивают конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, законодатель предусматривает возможность применения более жёстких мер — в том числе,

уголовной ответственности. Такая возможность закреплена в статье 147 УК РК, озаглавленной как «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Статья 147 УК РК содержит несколько составов преступлений, которые могут быть применены в зависимости от характера и последствий нарушения. В базовой редакции статья предусматривает ответственность за «незаконный сбор или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо с использованием служебного положения». Кроме того, статья охватывает действия по «нарушению неприкосновенности частной жизни путём несоблюдения установленных законодательством мер по защите персональных данных». Санкции варьируются от штрафов до ограничения или лишения свободы на срок до пяти лет в зависимости от тяжести состава и наличия отягчающих обстоятельств.

Особого внимания заслуживает норма, предусматривающая ответственность за действия, «повлёкшие причинение существенного вреда правам и законным интересам гражданина». Именно эта формулировка вызывает наибольшее количество вопросов в правоприменительной практике. Понятие «существенного вреда» не имеет точного определения в уголовном законодательстве, что создаёт широкое поле для интерпретации. В ряде случаев ущерб может выражаться в виде репутационных потерь, психологического давления, стрессовой реакции, утраты доверия к конкретным учреждениям, но формально не квалифицироваться как «существенный» без доказательной базы, подтверждённой экспертизами или иными объективными данными.

На практике это приводит к тому, что даже при наличии очевидной утечки данных или их незаконного использования дело не доходит до возбуждения уголовного дела. В таких ситуациях пострадавшему может быть отказано в возбуждении дела в связи с отсутствием признаков состава преступления, так как следственные органы, не имея объективных показателей вреда, не усматривают основания для привлечения к ответственности по статье 147 УК. Такая ситуация стала особенно заметна на фоне громких утечек в банковской сфере, когда информация о клиентах, включая паспортные данные, контактную информацию и ИИН, оказывалась в распоряжении сторонних лиц, но правоохранительные органы ограничивались административным воздействием на операторов [7].

Одним из резонансных уголовных дел стал случай с журналистом Михаилом Козачковым, чьи публикации, как утверждали органы следствия, содержали сведения о частной жизни лиц без их согласия. Судебное разбирательство касалось не только вопроса о распространении персональных данных, но и трактовки границ допустимого при осуществлении журналистской деятельности. В данном случае статья 147 УК была применена в контексте

публикаций, что спровоцировало дискуссии о границе между общественным интересом и вторжением в частную сферу. На момент рассмотрения дела общественность, а также правозащитные организации выражали сомнение в наличии «существенного вреда», что, однако, не помешало квалифицировать действия журналиста как уголовно наказуемые [8].

Таким образом, проблема разграничения административной и уголовной ответственности напрямую связана с оценкой последствий нарушения. Если в случае административной ответственности достаточным основанием является сам факт нарушения предписаний закона, то для наступления уголовной ответственности необходимо установить последствия, повлекшие существенный вред, что требует более высокой доказательной планки. Однако отсутствие чёткого определения критерия вреда затрудняет этот процесс и приводит к высокой доле отказов в возбуждении уголовных дел или их переквалификации в административные правонарушения.

На стыке административной и уголовной юрисдикции возникают и иные проблемы. Например, нередки случаи, когда одно и то же поведение оператора данных — допустим, массовая рассылка сообщений с использованием персональной информации без согласия — может быть расценено и как административное правонарушение (в части несоблюдения согласия), и как уголовное преступление (в случае, если будут доказаны последствия в виде существенного вреда). В таких ситуациях немаловажную роль играет позиция прокуратуры, определяющая квалификацию действий. Однако в отсутствие устоявшейся судебной практики решения могут быть непоследовательными, а результат — непредсказуемым [9].

В настоящее время можно наблюдать тенденцию к более активному использованию административных санкций. Это связано с тем, что они проще в применении, не требуют столь обширной доказательной базы и позволяют быстрее отреагировать на нарушение. Однако такой подход несёт в себе риск легализации массовых нарушений, когда крупные компании, зная о слабой вероятности уголовного преследования, продолжают обрабатывать данные с нарушениями, закладывая возможные штрафы в расходы на ведение бизнеса.

Особую обеспокоенность вызывает ситуация в финансовом и микрофинансовом секторе, где распространены практики навязчивого сбора контактной информации, рассылки третьим лицам и продажи баз данных. Например, в 2024 году Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности сообщило о проведении проверок в отношении МФО «Робокэш.кз» [10], по итогам которых была подтверждена незаконная обработка персональных данных клиентов. Организация была привлечена к административной ответственности, однако вопросы о по-

тенциальном причинении вреда субъектам данных остались без должного расследования.

Выводы

Правовое регулирование персональных данных в Республике Казахстан представляет собой формально завершённую, но в ряде аспектов проблемную конструкцию. Закон «О персональных данных и их защите» содержит достаточно подробные определения, разграничивает роли участников информационных правоотношений и закрепляет принципы, обеспечивающие легитимную обработку данных. Вместе с тем, его нормы вступают в противоречие с повседневной практикой, где согласие субъекта зачастую носит формальный или принудительный характер, а меры по защите данных не соответствуют установленным стандартам. Указанные расхождения между нормативной моделью и реальной практикой становятся отправной точкой для правонарушений в данной сфере.

Анализ положений КоАП и УК РК позволяет сделать вывод, что в законодательстве предусмотрен достаточно широкий диапазон санкций за нарушение порядка обработки персональных данных. Административная ответственность в соответствии со статьёй 79 КоАП применяется в случаях, когда нарушение не влечёт тяжких последствий и может быть устранено в рамках правового реагирования. Уголовная же ответственность, закреплённая в статье 147 УК, призвана сдерживать более серьёзные посягательства, затрагивающие конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни.

Однако на практике происходит смещение акцентов в сторону административных мер, поскольку применение уголовного преследования затруднено отсутствием ясных критериев вреда, достаточного для квалификации преступления. Особенно остро эта проблема проявляется в вопросе «существенного вреда», как обязательного элемента объективной стороны ряда составов преступлений. Отсутствие легального определения, отсутствие унифицированной судебной практики и высокий стандарт доказывания делают эту категорию правовой фикцией, лишённой операционального содержания. Это создаёт ситуацию, в которой даже при наличии очевидного вторжения в частную жизнь, органами предварительного следствия не усматриваются основания для возбуждения дела.

Таким образом, несмотря на наличие разветвлённой нормативной базы и предусмотренных санкционных механизмов, на практике обеспечение надлежащей защиты персональных данных граждан Казахстана сталкивается с существенными барьерами. Ключевой проблемой остаётся не столько недостаточность законодательства, сколько его фрагментарное применение,

а также правовая неопределённость ряда понятий, критически важных для квалификации деяний. Решение этих вопросов – в первую очередь, уточнение понятия «существенного вреда» – представляется необходимым условием для выстраивания эффективной системы защиты прав на информационную автономию личности.

Список использованных источников

1 Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2025 г.).

2 Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.).

3 **Ахметова, А. С.** Правовое регулирование персональных данных в Республике Казахстан: проблемы и пути совершенствования // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2021. – № 3(99). – С. 112–119.

4 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2025 г.).

5 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2025 г.).

6 Дело по привлечению риэлторской компании «Этажи» к ответственности за нарушение закона о защите персональных данных // DRC Kazakhstan [Электронный ресурс]. – URL: <https://kz.drc.law/cases/delo-po-privlecheniyu-rieltorskoy-kompanii-etazhi-k-otvetstvennosti-za-narushenie-zakona-o-zashchite>

7 **Yildiz, A.** The Protection of Personal Data in the European Union and Turkey: A Comparative Analysis // Dokuz Eylul University Law Review. – 2017. – Vol. 19, No. 2. – P. 829–850. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/dokuz19&div=43&id=&page=>

8 **Касымбеков, Ж. Н.** Ответственность за нарушение порядка обработки персональных данных: казахстанский и зарубежный опыт // Право и государство. – 2020. – № 2. – С. 84–89.

9 **Бакаева, М. Е., Шарипова, А. Б.** Персональные данные и защита частной жизни: теоретико-правовой аспект // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. – 2022. – № 3(107). – С. 56–62.

10. Обзор судебной практики по персональным данным в Казахстане // REVERA Kazakhstan [Электронный ресурс]. – URL: <https://kazakhstan.revera>.

[legal/info-centr/news-and-analytical-materials/229-obzor-sudebnoj-praktiki-po-personalnym-dannym-v-kazaxstane](https://vestnik-toraiygyrov-universiteta.ru/legal/info-centr/news-and-analytical-materials/229-obzor-sudebnoj-praktiki-po-personalnym-dannym-v-kazaxstane) (дата обращения: 21.05.2025).

References

1 Zakon Respubliki Kazaxstan ot 21 maya 2013 goda № 94-V «O personal'ny`x dannyy`x i ix zashhite» [Law of the Republic of Kazakhstan dated May 21, 2013 No. 94-V «On Personal Data and their protection»] (s izmeneniyami i dopolnениyami po sostoyaniyu na 19.05.2025 g.).

2 Konstituciya Respubliki Kazaxstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan] (prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda) (s izmeneniyami i dopolnениyami po sostoyaniyu na 19.09.2022 g.).

3 **Axmetova, A. S.** Pravovoe regulirovanie personal'ny`x dannyy`x v Respublike Kazaxstan: problemy` i puti sovershenstvovaniya [Legal regulation of personal data in the Republic of Kazakhstan: problems and ways of improvement] // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. – 2021. – № 3(99). – P. 112–119.

4 Kodeks Respubliki Kazaxstan ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 5 iyulya 2014 goda № 235-V [The Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offences] (s izmeneniyami i dopolnениyami po sostoyaniyu na 19.05.2025 g.).

5 Ugolovny`j kodeks Respubliki Kazaxstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V [The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan] (s izmeneniyami i dopolnениyami po sostoyaniyu na 19.05.2025 g.).

6 Delo po privlecheniyu rie`ltorskoj kompanii «E`tazhi» k otvetstvennosti za narushenie zakona o zashhite personal'ny`x dannyy`x [The case on bringing the Floors real estate company to justice for violating the law on personal data protection] // DRC Kazakhstan [Electronic resource]. – URL: <https://kz.drc.law/cases/delo-po-privlecheniyu-rieltorskoy-kompanii-etazhi-k-otvetstvennosti-za-narushenie-zakona-o-zashchite>

7 **Yildiz, A.** The Protection of Personal Data in the European Union and Turkey: A Comparative Analysis // Dokuz Eylul University Law Review. – 2017. – Vol. 19, No. 2. – P. 829–850. – [Electronic resource]. – URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/dokuz19&div=43&id=&page=>

8 **Kasy`mbekov, Zh. N.** Otvetstvennost` za narushenie poryadka obrabotki personal'ny`x dannyy`x: kazaxstanskij i zarubezhny`j opy`t [Responsibility for violation of the personal data processing procedure: Kazakh and foreign experience] // Pravo i gosudarstvo. – 2020. – № 2. – P. 84–89.

9 **Bakaeva, M. E., Sharipova, A. B.** Personal'ny`e dannyy`e i zashhita chastnoj zhizni: teoretiko-pravovoj aspekt [Personal data and privacy protection:

theoretical and legal aspect] // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2022. – № 3(107). – P. 56–62.

10. Obzor sudebnoj praktiki po personal'ny'm dannym v Kazaxstane [Review of judicial practice on personal data in Kazakhstan] // REVERA Kazakhstan [Electronic resource]. – URL: <https://kazakhstan.revera.legal/info-centr/news-and-analytical-materials/229-obzor-sudebnoj-praktiki-po-personalnym-dannym-v-kazaxstane> (data obrashheniya: 21.05.2025).

Поступило в редакцию 22.05.25

Поступило с исправлениями 27.05.25.

Принято в печать 15.09.25.

*А. К. Жунусов

Павлодар облысының полиция департаменті

Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

22.05.25. ж. баспаға түсті.

27.05.25. ж. түзетулерімен түсті.

15.09.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ДЕРБЕС ДЕРЕКТЕР ТУРАЛЫ ЗАҢНАМАНЫ БҰЗҒАНЫ ҮШІН ЖАУАПКЕРШІЛІК

Осы бап Қазақстан Республикасындағы Дербес деректер туралы заңнаманы бұзғаны үшін жауапкершілікті құқықтық реттеуді талдауға арналған. Жедел цифрландыру, өңделетін ақпарат көлемінің өсуі және дербес деректердің ағып кету санының артуы жағдайында азаматтардың жеке өмірін тиімді құқықтық қорғаудың маңыздылығы артып келеді. 2013 жылғы 21 мамырдағы» Дербес деректер және оларды қорғау туралы « Қазақстан Республикасының Заңы Дербес деректер ұғымын бекітеді, келісім алу қажеттілігін, қауіпсіздікті қамтамасыз етуді және пайдалану мақсатын шектеуді қоса алғанда, өңдеудің субъектілік құрамы мен принциптерін айқындайды. Алайда, егжей-тегжейлі нормативтік-құқықтық базаның болуына қарамастан, заңнаманы қолдану тәжірибесі бірқатар жүйелік проблемаларға тап болады. Бапта дербес деректерді заңсыз өңдегені үшін әкімшілік жауаптылықты белгілейтін Қазақстан Республикасы Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексінің 79-бабының және жеке өмірге қол сұғылмаушылықты бұзғаны үшін қылмыстық жауаптылықты көздейтін Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің

147-бабының ережелері қаралады. Әкімшілік және қылмыстық жауапкершілік арасындағы шекараларды талдауға, сондай-ақ қылмыстық іс қозғауға болатын жағдайларды анықтауға ерекше назар аударылады. Жұмыста назар аударылатын негізгі проблема заңнамада «елеулі зиян» санатын нақты айқындаудың болмауы — ҚР ҚК 147-бабы бойынша іс-әрекеттерді саралау үшін міндетті белгі болып табылады. Бұл құқықтық белгісіздікті тудырады, қылмыстық іс қозғауды қиындатады және азаматтардың құқықтарын қорғаудың тиімділігін төмендетеді.

Кілтті сөздер: Дербес деректер, ақпаратты қорғау, қылмыстық жауапкершілік, жеке өмірге қол сұғылмаушылық, елеулі зиян.

*А. К. Zhunusov

Police Department of Pavlodar region

Republic of Kazakhstan, Pavlodar

Received 22.05.25.

Received in revised form 27.05.25.

Accepted for publication 15.09.25.

RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF THE LEGISLATION ON PERSONAL DATA IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

This article is devoted to the analysis of the legal regulation of liability for violation of the legislation on personal data in the Republic of Kazakhstan. In the context of rapid digitalization, an increase in the volume of information processed and an increase in the number of personal data leaks, the importance of effective legal protection of citizens' privacy is increasing. The Law of the Republic of Kazakhstan «On Personal Data and their Protection» dated May 21, 2013 establishes the concept of personal data, defines the subject matter and principles of processing, including the need to obtain consent, ensure security and limit the purpose of use. Nevertheless, despite the existence of a detailed regulatory framework, the practice of applying legislation faces a number of systemic problems. The article discusses the provisions of article 79 of the Code of Administrative Offences of the Republic of Kazakhstan, which establishes administrative liability for illegal processing of personal data, and article 147 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, which provides for criminal liability for violation of privacy. Special

attention is paid to the analysis of the boundaries between administrative and criminal liability, as well as to the identification of conditions under which criminal proceedings may be initiated. The key problem that is highlighted in the work is the lack of a clear definition of the category of «significant harm» in the legislation, which is a mandatory feature for qualifying acts under Article 147 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. This creates legal uncertainty, complicates the initiation of criminal cases, and reduces the effectiveness of protecting citizens' rights.

Keywords: personal data, information protection, criminal liability, privacy, substantial harm.

МРНТИ 10.77.51

<https://doi.org/10.48081/FTFM2921>***О. Б. Мутышов**

ГУ «Аппарат акима села Мойылды»

Республика Казахстан, г. Павлодар

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1468-8299>*e-mail: Mutishov.olzhas@mail.ru**СТРАХОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ РИСКОВ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЕ-
ЛЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

В статье рассматриваются теоретико-правовые основы и практические проблемы страхования предпринимательских рисков в Республике Казахстан. Автор обращает внимание на отсутствие прямого нормативного закрепления договора страхования предпринимательских рисков в действующем гражданском и страховом законодательстве, что создаёт правовую неопределённость и препятствует формированию устойчивой договорной практики в данной сфере. Подчёркивается, что в казахстанской юридической системе предпринимательский риск не квалифицируется как самостоятельный страхуемый объект, несмотря на наличие объективной потребности в защите соответствующих имущественных интересов субъектов бизнеса. В работе раскрывается сущность предпринимательского риска как вероятности наступления неблагоприятных событий, влияющих на способность предпринимателя получать прибыль, выполнять обязательства и сохранять устойчивость своей деятельности. Особое внимание уделено разграничению предпринимательского риска и традиционных объектов страхования, таким как имущество, гражданская ответственность и финансовые убытки. Автор предлагает рассматривать предпринимательский риск как особую категорию, охватывающую коммерческий результат деятельности и выражающуюся в утрате доходов или возникновении дополнительных расходов вследствие внешних, неконтролируемых обстоятельств. Сделан вывод о целесообразности нормативного закрепления данного договора, что обеспечит право-

вую определённую, расширение страхового рынка и защиту предпринимателей в условиях экономической нестабильности.

Ключевые слова: страхование, предпринимательский риск, имущественный интерес, убытки, договор, страховщик.

Введение

В условиях рыночной экономики предпринимательская деятельность выступает одним из фундаментальных факторов устойчивого развития государства. Малый и средний бизнес (МСБ), крупные производственные корпорации, экспортные компании, поставщики услуг – все они формируют экономическую ткань страны, обеспечивают занятость населения, инновации и наполняемость государственного бюджета. Республика Казахстан не является исключением: начиная с 2000-х годов, государство системно реализует программы поддержки предпринимательства, развивает инфраструктуру, облегчает административные процедуры. Однако, как любая сфера, ориентированная на получение прибыли в условиях неопределенности, предпринимательство сопряжено с целым спектром рисков, влекущих имущественные потери и нестабильность бизнес-процессов.

Среди таких рисков можно выделить не только традиционные – пожар, кража, стихийные бедствия, – но и менее очевидные, но не менее значимые: нарушения обязательств со стороны контрагентов, резкие изменения рыночной конъюнктуры, правовые ограничения, введение внешнеполитических санкций, сбои в цепочках поставок, репутационные удары, киберинциденты. Масштабы и сложность таких угроз требуют создания эффективных механизмов защиты – как с точки зрения оперативного реагирования, так и с точки зрения финансовой компенсации. Одним из таких механизмов в международной и казахстанской практике является страхование рисков, возникающих в процессе предпринимательской деятельности.

Тем не менее, несмотря на рост интереса со стороны бизнеса, страхование предпринимательских рисков в Республике Казахстан сталкивается с рядом институциональных и правовых барьеров. В первую очередь – это отсутствие прямого нормативного закрепления договора страхования предпринимательских рисков как самостоятельной категории в национальном законодательстве. Ни в Гражданском кодексе Республики Казахстан, ни в Законе «О страховой деятельности» не содержится дефиниции этого вида страхования, не определены его сущность, объекты, пределы допустимости, механизм доказывания страхового случая и порядок расчета убытков. Как следствие – данный институт остается в своеобразной «серой зоне»: его

существование признается страховой практикой, но не подтверждается полноценно юридически.

На сегодняшний день страхование рисков, возникающих в бизнес-среде, в Казахстане осуществляется через смежные конструкции: имущественное страхование (в том числе страхование перерывов в производстве – Business Interruption) [1], страхование гражданско-правовой ответственности, страхование финансовых рисков. Такие договоры заключаются, в том числе, в форме добровольного страхования юридических лиц, страхования коммерческих кредитов, экспортных операций, контрактных обязательств. Однако отсутствие целостного понимания и правовой модели договора страхования предпринимательских рисков порождает правовую неопределенность, усложняет защиту интересов страхователей в суде и тормозит развитие профильных страховых продуктов на рынке.

Для сравнения, в ряде зарубежных правовых порядков (например, в Российской Федерации) договор страхования предпринимательских рисков прямо закреплён в Гражданском кодексе (статья 933 ГК РФ) [2], что обеспечивает единообразие подходов, контроль со стороны регуляторов, защиту страхователей от недобросовестных условий. В странах общего права (США, Великобритания) – несмотря на отсутствие кодифицированных дефиниций – сформировалась устойчивая договорная и судебная практика: Business Interruption Insurance, Commercial General Liability Insurance, Errors and Omissions Insurance и иные формы страхования предпринимательской активности составляют ключевые сегменты страхового рынка [3].

В Казахстане же основное регулирование осуществляется через правила страхования, утверждаемые страховыми организациями. Такие документы содержат положения о страховом случае, лимитах ответственности, исключениях и порядке расчета убытков. Тем не менее, их юридическая сила не соизмерима с законом или нормативным актом общего применения. Отсутствие формализованных требований к содержанию договора, к оценке страхового риска и его доказательствам, приводит к высокой вариативности и неопределённости. Особенно это критично в спорах: судебная практика сталкивается с отсутствием унифицированных подходов к определению страхового интереса, к критериям наступления страхового случая, к допустимым методикам расчета упущенной выгоды и т.д.

Помимо правовой неопределенности, существует и практическая проблема слабой осведомлённости предпринимателей о возможностях страхования своих рисков. В бизнес-среде страхование по-прежнему воспринимается как «традиционный» инструмент – защита от пожара, угона, повреждений – тогда как более сложные продукты (страхование убытков от неисполнения

договоров, страхование потерь прибыли, страхование рисков маркетинга, рисков инвестиций) остаются на периферии внимания. Страховщики же, в свою очередь, не спешат развивать инновационные решения без законодательной поддержки и гарантии судебной защиты собственных интересов.

Учитывая всё вышеизложенное, представляется необходимым обратиться к юридической природе договора страхования предпринимательских рисков, исследовать его особенности, разграничить его с иными видами страхования (имущественным, ответственности, финансовых убытков), определить объекты и страховой интерес, а также оценить практику заключения таких договоров в РК. Особое внимание следует уделить анализу правил страхования, разрабатываемых страховыми организациями, а также выявлению тех правовых элементов, которые могли бы служить основой для будущего кодифицированного регулирования.

Материалы и методы

В процессе подготовки настоящей статьи использовались общенаучные и частноправовые методы исследования, а также комплекс нормативных, аналитических и доктринальных источников, отражающих современное состояние правового регулирования страхования предпринимательских рисков в Республике Казахстан.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (анализ положений Гражданского кодекса Республики Казахстан, Закона «О страховой деятельности», а также правил страхования, применяемых в договорной практике), метод системного анализа правовых норм, направленный на выявление взаимосвязей между различными видами страхования (имущественного, ответственности, финансовых убытков) и предпринимательскими рисками, а также сравнительно-правовой подход, позволивший сопоставить казахстанскую модель с отдельными элементами международной практики.

В рамках исследования также применялся логико-правовой метод, использованный при формулировании авторского понимания сущности предпринимательского риска как объекта страхования, а также структурно-функциональный подход – при выделении его особенностей, отличий от иных страховых конструкций и практических предпосылок к нормативному оформлению соответствующего договора.

Результаты и обсуждение

Предпринимательская деятельность по своей природе тесно связана с неопределённостью, конкуренцией, изменчивостью рыночных условий и возможностью понести убытки. Это отличает её от других видов экономической активности, так как предприниматель берёт на себя осознанный

риск в обмен на возможность получения прибыли. В юридической и экономической литературе устоялось понимание того, что предпринимательский риск – это объективное, неизбежное явление в рыночной среде. Он проявляется в форме угрозы неблагоприятного развития событий, ведущего к имущественным потерям, снижению доходности или полной остановке хозяйственной деятельности [4].

С точки зрения страхового права, предпринимательский риск можно определить как потенциальную возможность наступления неблагоприятных последствий в ходе законной предпринимательской деятельности, не зависящих от воли страхователя, но способных повлечь убытки или невозможность достижения ожидаемого финансового результата. Это определение позволяет квалифицировать предпринимательский риск как страхуемый интерес – то есть такой, в отношении которого допустим и обоснован интерес страхователя в получении возмещения при наступлении страхового случая. Отличие здесь состоит в том, что объектом страхования выступает не физическое имущество и не обязательства перед третьими лицами, а хозяйственная устойчивость самого субъекта предпринимательства, выраженная в способности получать доход и нести расходы.

Предпринимательский риск отличается комплексным, многослойным характером. Он может проявляться как в виде разовых событий, так и как цепочка неблагоприятных обстоятельств. Например, резкое подорожание импортных компонентов вследствие внешнеэкономических санкций может повлечь нарушение договорных обязательств перед клиентами, снижение объёмов производства и последующую потерю рынка. Также распространённым случаем является перерыв в деятельности компании из-за аварий, отключения энергоснабжения или карантинных ограничений. В таких случаях бизнес теряет выручку, несёт постоянные расходы и не может выполнять обязательства перед партнёрами. При этом даже восстановление деятельности не всегда позволяет вернуть утраченную долю рынка или доверие клиентов.

Особенность предпринимательского риска заключается в его абстрактности и нематериальной природе. Это делает его сложным для описания и страхования в классической системе, построенной на оценке физических объектов. Убытки, связанные с предпринимательским риском, чаще всего выражаются в упущенной прибыли, дополнительных непредвиденных расходах, выплате штрафов или пеней, затратах на урегулирование споров, потере контрактов и даже ухудшении деловой репутации. Всё это требует сложной аналитики, прогноза и обоснования причинной связи между событием и наступившими убытками [5].

В условиях, когда договор страхования предполагает чётко определённые страховой случай и объект страхования, предпринимательский риск нуждается в более гибком, индивидуализированном подходе. Страховщик и страхователь должны согласовать перечень покрываемых рисков, методы их оценки и способы документального подтверждения. При этом риск не должен зависеть от действий самого страхователя, не быть умышленным или результатом его грубой неосторожности. Это значит, что страхование стратегических просчётов, заведомо невыгодных сделок или последствий непрофессионального управления не допускается, даже если формально они привели к убыткам [6].

Ещё одним важным моментом является проблема доказуемости и измеримости предпринимательского риска. В отличие от кражи или пожара, где ущерб очевиден и фиксируется актами, в случае предпринимательских рисков зачастую приходится доказывать не только факт наступления события, но и причинную связь между ним и убытками, а также их объём. Особенно это актуально при страховании потери прибыли, когда необходимо сравнивать плановые и фактические показатели, учитывать сезонность, структуру затрат, изменения в спросе и многое другое [7]. Именно поэтому в страховой практике к таким договорам часто привлекаются аудиторские или актуарные эксперты, а в договор включаются специальные положения о методах расчёта, допустимых источниках информации и сроках подтверждения.

Юридическое признание предпринимательского риска как объекта страхования требует также анализа его отличия от других страхуемых категорий. От имущественного страхования он отличается тем, что не связан напрямую с повреждением или уничтожением физического объекта. От страхования ответственности – отсутствием внешнего потерпевшего: убытки несёт сам страхователь. От страхования финансовых рисков – более широкой сферой охвата и тесной связью с общей деятельностью, а не отдельной сделкой или обязательством. Таким образом, договор страхования предпринимательских рисков по своей природе является комплексным, охватывающим целостный хозяйственный интерес.

Важно понимать, что в законодательстве Республики Казахстан отсутствует чёткое разграничение между видами рисков, подлежащих страхованию. Это создаёт определённую гибкость, но и порождает правовую неопределённость. Предпринимательский риск в действительности «растворён» в конструкциях имущественного, ответственности и финансового страхования, что затрудняет его идентификацию, классификацию и нормативное регулирование. В результате подобные договоры оформляются в виде страхования убытков, ВІ-покpытий,

страхования обязательств, однако ни один из этих видов не охватывает всю суть и объём предпринимательского интереса.

Для упорядочивания практики необходима правовая дефиниция предпринимательского риска как самостоятельной категории. Это позволило бы унифицировать подходы к страхованию деловой активности, облегчить андеррайтинг и урегулирование убытков, а также повысить уровень правовой защиты как страхователей, так и страховщиков. Более того, в условиях развития цифровой экономики и роста нестандартных рисков (например, киберугроз, правовых ограничений, санкционного давления) предпринимательский риск становится всё более значимым и требует гибких страховых решений [8].

Таким образом, предпринимательский риск представляет собой не просто частный случай экономической неопределённости, а особую страховую категорию, которая требует правового осмысления и институционального оформления. Его юридическая природа, сложность оценки, отличие от других объектов страхования и значение для устойчивости бизнеса обосновывают необходимость выделения его в качестве самостоятельного объекта договора страхования. Страхование такого риска – это шаг не только к повышению устойчивости отдельного бизнеса, но и к формированию более зрелой, управляемой и предсказуемой деловой среды в Казахстане.

Вопрос об объектах страхования в договоре страхования предпринимательских рисков является ключевым как с теоретико-правовой точки зрения, так и с прикладной – именно от точного определения объекта зависит корректность заключённого договора, его исполнимость, возможность урегулирования страхового случая и минимизация споров. В отличие от классических объектов страхования – материальных вещей (зданий, оборудования, товаров), ответственности перед третьими лицами или жизни и здоровья граждан, – в договорах страхования предпринимательских рисков предметом защиты выступает то, что может быть охарактеризовано как «коммерческий результат» или, шире, «предпринимательская устойчивость» [9].

Под этим понимается не один конкретный актив или обязательство, а совокупность нематериальных, но юридически значимых интересов, включающих способность субъекта предпринимательства: получать доход, выполнять договорные обязательства, сохранять клиентскую базу, реализовывать производственную или торговую программу, обслуживать собственные кредиты и инвестировать в развитие. Всё это не имеет осязаемой формы, не может быть осмотрено, измерено линейкой или зафиксировано визуально, но при этом обладает огромной значимостью в хозяйственном обороте.

В казахстанской практике подобные интересы охватываются в рамках страхования «прочих финансовых убытков», а также в ряде случаев – через программы страхования перерыва в деятельности (так называемое Business Interruption). Однако, несмотря на наличие таких программ у отдельных страховщиков, системной трактовки того, что именно признается объектом защиты, нет. Договоры чаще всего фиксируют общую формулировку – «имущественный интерес, связанный с предпринимательской деятельностью», что не даёт ясности ни страхователю, ни страховщику, ни суду в случае возникновения спора. Поэтому первым шагом к нормализации страхования предпринимательских рисков должно стать более точное понимание того, что именно страхуется.

В условиях рыночной экономики главным показателем эффективности бизнеса является его способность генерировать прибыль. Следовательно, страхуемым интересом может и должен выступать именно потенциальный доход – прибыль, которую субъект получил бы, если бы не наступил страховой случай. Это прибыль, утраченная в связи с простоем производства, срывом контракта, нарушением внешнеэкономических связей, отказом клиента в результате репутационного удара или невозможностью исполнения обязательств из-за ограничительных мер. Важно, что здесь не идёт речь об убытках от естественного колебания спроса, изменения моды или коммерческого просчета. Речь идет о тех ситуациях, когда деятельность была выстроена рационально, но была нарушена из-за внешнего, непредсказуемого и часто неконтролируемого события.

Например, предприятие по производству пищевой продукции может столкнуться с внезапным отключением энергоснабжения из-за аварии на подстанции. В результате портится запас сырья, останавливается производство, предприятие не может выполнить контракты на поставку, теряет прибыль, выплачивает неустойки и теряет клиентов. При этом само оборудование не повреждено, имущество в порядке, третьим лицам вред не причинён – но предприятие терпит серьёзный финансовый ущерб. В таких случаях предметом страхования должен быть именно утраченный коммерческий результат – ожидаемая прибыль, а также понесённые обязательные расходы, связанные с восстановлением деятельности, выплатами по обязательствам, перемещением заказов на аутсорс, привлечением экстренного финансирования и т.д.

Другим примером может служить экспортёр, заключивший договор с зарубежным покупателем. Из-за санкций против банков или запрета на экспорт определённой группы товаров, поставка не может быть реализована. В этой ситуации даже при полной добросовестности обеих сторон, при наличии качественного товара и логистики, обязательства остаются неис-

полненными, а убытки ложатся на бизнес. Подобный риск также может и должен быть объектом страхования предпринимательской деятельности, особенно в условиях нестабильного внешнеполитического фона.

Однако, для того чтобы такие интересы могли стать полноценным объектом договора, они должны отвечать нескольким условиям. Во-первых, они должны быть законными и охраняемыми законом. То есть страхуаться может только такая деятельность, которая осуществляется на правомерной основе, зарегистрирована в установленном порядке и соответствует требованиям законодательства. Во-вторых, интерес должен быть индивидуализирован. Нельзя застраховать «всё и вся» – нужно указать, какие именно элементы предпринимательской деятельности находятся под угрозой. Это может быть конкретный проект, поставка, производственная линия, финансовый поток или иная конструкция. В-третьих, страховой интерес должен быть количественно измерим. Страховщик должен иметь возможность оценить потенциальный объём ущерба, страховую сумму, пределы покрытия, лимиты ответственности. Это требует от страхователя предоставления финансовой отчётности, бизнес-планов, контрактов, прогнозов выручки и прочих документов.

Особую сложность представляет собой страхование упущенной выгоды. В отличие от прямых убытков, которые можно зафиксировать (например, сумма недопоставленного товара, стоимость ремонта оборудования), утраченная прибыль – категория предполагаемая, она требует расчётов, допущений, анализа сезонности, изучения рыночных тенденций. Поэтому такие договоры обычно включают положения о методиках расчёта (например, сравнение с аналогичным периодом прошлого года, использование плановых показателей, учет статистики отрасли), а также предусматривают участие независимых экспертов и аудиторов при урегулировании страхового случая.

Дополнительным объектом защиты может быть обязательство перед третьими лицами. Например, если бизнес обязался поставить товар, оказать услугу или выполнить работу, но в результате непредвиденного события не смог исполнить обязательства, что повлекло расходы или санкции. В таком случае страхуется не ответственность перед третьими лицами (она может быть покрыта отдельным договором), а именно расходы на исполнение обязательства или компенсацию, которые несёт сам предприниматель. Такой подход характерен для контрактного страхования, экспортных гарантий, проектного финансирования.

В современных условиях особое значение приобретают и нематериальные активы как потенциальный объект страхования. Речь идёт о коммерческой репутации, клиентской базе, базе данных, лицензиях, правах на

технологии, know-how. Их потеря в результате противоправных действий, технологического сбоя, утечки информации или кибератаки может нанести бизнесу ущерб, который будет трудно возместить традиционными методами. Несмотря на сложность правового оформления, страхование подобных интересов уже применяется на практике в рамках киберстрахования, страхования потери лицензии и т.п., и может рассматриваться как часть общего подхода к страхованию предпринимательских рисков [10].

Таким образом, объектом договора страхования предпринимательских рисков в Республике Казахстан может и должен выступать комплекс предпринимательских интересов, связанных с достижением коммерческого результата, исполнением обязательств, непрерывностью деятельности и защитой нематериальных активов. Этот объект отличается от традиционного понимания имущественного интереса тем, что он шире, многослойнее и требует более гибкого, продуманного подхода в договорной конструкции. Важно, чтобы такой подход был нормативно признан, получил отражение в страховом законодательстве, методических рекомендациях регулятора и практике страховых организаций.

На сегодняшний день казахстанская практика допускает страхование отдельных элементов этого комплекса, но не охватывает его в полном объёме. Договоры, заключаемые на страхование убытков или финансовых рисков, имеют ограниченную сферу действия, не учитывают специфики бизнес-процессов, часто избыточно формализованы и плохо адаптированы к конкретным рисковым моделям компаний. Это снижает доверие предпринимателей к страхованию как таковому, приводит к спорам, отказам в выплатах и подрывает потенциал института в целом.

Следовательно, следующим шагом должно стать не просто признание предпринимательских интересов объектом страхования, но и формирование типовых моделей договоров, методик оценки, условий урегулирования, что обеспечит баланс интересов страхователя и страховщика, стабильность рынка и развитие инновационных страховых продуктов.

Выводы

Предпринимательский риск представляет собой неотъемлемый элемент хозяйственной деятельности в условиях рыночной экономики. Его сущность заключается в вероятности наступления внешних неблагоприятных событий, способных повлечь имущественные потери, упущенную выгоду или дополнительные расходы, при этом не зависящих от воли предпринимателя. Такой риск носит сложный, комплексный характер, охватывая как производственные, договорные, финансовые, так и репутационные аспекты

деятельности, и подлежит правовому осмыслению как самостоятельный страховой интерес.

Анализ показал, что объектом договора страхования предпринимательских рисков выступает не конкретное имущество или обязательство, а совокупный коммерческий результат – способность бизнеса функционировать, генерировать прибыль и выполнять обязательства. Это требует перехода от вещного и материального подхода к правовой защите деловой устойчивости предпринимателя, что пока недостаточно отражено в нормативной и договорной практике Казахстана.

Таким образом, в юридической плоскости предпринимательский риск соответствует критериям страхуемого интереса: он имеет имущественное выражение, будущий характер, поддаётся индивидуализации и оценке. Однако действующая правовая конструкция не закрепляет его как самостоятельный объект страхования, что приводит к фрагментарному подходу: страхуются лишь отдельные элементы – убытки, перерыв в деятельности, договорные риски, но не системно.

Это обосновывает необходимость более глубокого нормативного и методологического оформления страхования предпринимательских рисков как особого института, охватывающего хозяйственную деятельность в целом. Такой подход позволит повысить юридическую определённости договоров, качество страховых продуктов и доверие предпринимателей к страхованию как инструменту снижения рисков.

Список использованных источников

1 **Ахметова, А. К.** Особенности страхования убытков при перерыве в предпринимательской деятельности / Право и государство: теория и практика. – №4. – 2020. – С. 58–62.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2024 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10164072/>

3 Business Interruption, Commercial General Liability, and E&O Insurance in Common Law Countries [Электронный ресурс] // International Risk Management Institute. – URL: <https://www.irmi.com>

4 **Гаджиев, Г. А.** Страхование перерыва в производстве: экономико-правовая природа и условия применения / Финансовое право. – №10. – 2021. – С. 41–44.

5 **Ибрагимова, Л. Н.** Добровольное страхование финансовых рисков и убытков предприятий в Республике Казахстан / Вестник КазНУ. Серия юридическая. – №3(91). – 2019. – С. 112–116.

6 Правила добровольного страхования финансовых рисков. [Электронный ресурс] / АО «АльфаСтрахование». – URL: https://www.alfastrah.ru/documents/pravila_finansovyh_riskov.pdf

7 **Бахматов, С. А., Кайгородцева, Ю. В.** Страхование предпринимательских рисков: основные виды и их особенности в современных условиях / Baikal Research Journal. – Т.6, №4. – 2015.

8 **Stahl, U.** Distant relations: business interruption insurance and business closure insurance / The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice. – Vol.48. – 2023. – P. 630–640.

9 **Романова, И. Н.** Страхование в сфере предпринимательской деятельности как редуцирующий фактор убытков / Legal Concept. – Т.18, №2. – 2019. – С. 84–90.

10 **Миронова, Е. Е.** Актуальные проблемы страхования предпринимательских рисков / Территория науки. – №6. – 2016. – С. 54–60.

References

1 **Axmetova, A. K.** Osobennosti straxovaniya uby'tkov pri perery've v predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Features of loss insurance in case of business interruption] / Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – №4. – 2020. – P. 58–62.

2 Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 goda № 14-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.10.2024 g.) [The Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ] [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10164072/>

3 Business Interruption, Commercial General Liability, and E&O Insurance in Common Law Countries [Electronic resource] // International Risk Management Institute. – URL: <https://www.irmi.com>

4 **Gadzhiev, G. A.** Straxovanie perery'va v proizvodstve: e'konomiko-pravovaya priroda i usloviya primeneniya [Insurance of production interruption: economic and legal nature and conditions of application] / Finansovoe pravo. – №10. – 2021. – P. 41–44.

5 **Ibragimova, L. N.** Dobrovol'noe straxovanie finansovy'x riskov i uby'tkov predpriyatij v Respublike Kazaxstan [Voluntary insurance of financial risks and losses of enterprises in the Republic of Kazakhstan] / Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. – №3(91). – 2019. – P. 112–116.

6 Pravila dobrovol'nogo straxovaniya finansovy'x riskov [Rules of voluntary insurance of financial risks]. [Electronic resource] / АО «АльфаСтрахование». – URL: https://www.alfastrah.ru/documents/pravila_finansovyh_riskov.pdf

7 **Baxmatov, S. A., Kajgorodceva, Yu. V.** Straxovanie predprinimatel'skix riskov: osnovny'e vidy i ix osobennosti v sovremenny'x usloviyax [Business risk insurance: the main types and their features in modern conditions] / Baikal Research Journal. – Vol.6, №4. – 2015.

8 **Stahl, U.** Distant relations: business interruption insurance and business closure insurance / The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice. – Vol.48. – 2023. – P. 630–640.

9 **Romanova, I. N.** Straxovanie v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti kak reducirovushhij faktor uby'tkov [Insurance in the field of entrepreneurial activity as a reducing factor of losses] / Legal Concept. – Vol.18, №2. – 2019. – P. 84–90.

10 **Mironova, E. E.** Aktual'ny'e problemy' straxovaniya predprinimatel'skix riskov [Actual problems of business risk insurance] / Territoriya nauki. – №6. – 2016. – P. 54–60.

Поступило в редакцию 03.12.25

Поступило с исправлениями 15.12.25.

Принято в печать 22.12.25.

*О. Б. Мутышов

Мойылды ауылы әкімінің аппараты ММ,

Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

03.12.25. ж. баспаға түсті.

15.12.25. ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

КӘСІПкерлік тәуекелдерді сақтандыру: құқықтық-теориялық сипаттама және реттеудегі олқылықтар

Мақалада Қазақстан Республикасындағы кәсіпкерлік тәуекелдерді сақтандырудың теориялық-құқықтық негіздері мен практикалық мәселелері қарастырылады. Автор қолданыстағы азаматтық және сақтандыру заңнамасында кәсіпкерлік тәуекелдерді сақтандыру шартын тікелей нормативтік бекітудің жоқтығына назар аударады, бұл құқықтық белгісіздік тудырады және осы салада тұрақты шарттық практиканың қалыптасуына

кедергі келтіреді. Қазақстандық заң жүйесінде бизнес субъектілерінің тиісті мүлктік мүдделерін қорғауда объективті қажеттіліктің болуына қарамастан, кәсіпкерлік Тәуекел Дербес сақтандырылатын объект ретінде сараланбайтыны атап өтіледі. Жұмыста кәсіпкердің пайда табу, міндеттемелерді орындау және өз қызметінің тұрақтылығын сақтау қабілетіне әсер ететін қолайсыз оқиғалардың туындау ықтималдығы ретінде кәсіпкерлік тәуекелдің мәні ашылады. Кәсіпкерлік тәуекелді және мүлік, азаматтық жауапкершілік және қаржылық шығындар сияқты дәстүрлі сақтандыру объектілерін ажыратуға ерекше назар аударылады. Автор кәсіпкерлік тәуекелді қызметтің коммерциялық нәтижесін қамтитын және сыртқы, бақыланбайтын жағдайлардың салдарынан кірістердің жоғалуы немесе қосымша шығыстардың пайда болуымен көрінетін ерекше категория ретінде қарастыруды ұсынады. Осы Шартты нормативтік бекітудің орындылығы туралы қорытынды жасалды, бұл құқықтық сенімділікті, сақтандыру нарығын кеңейтуді және экономикалық тұрақсыздық жағдайында кәсіпкерлерді қорғауды қамтамасыз етеді.

Кілтімі сөздер: сақтандыру, кәсіпкерлік тәуекел, мүлктік мүдде, шығындар, шарт, сақтандырушы.

*O. B. Mutishov

State Institution Office of Akim of the village of Moylydy,

Republic of Kazakhstan, Pavlodar

Received 03.12.25.

Received in revised form 15.12.25.

Accepted for publication 22.12.25.

BUSINESS RISK INSURANCE: THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS AND REGULATORY GAPS

The article discusses the theoretical and legal foundations and practical problems of business risk insurance in the Republic of Kazakhstan. The author draws attention to the lack of direct regulatory consolidation of the business risk insurance contract in the current civil and insurance legislation, which creates legal uncertainty and hinders the formation of a stable contractual practice in this area. It is emphasized that in the Kazakh legal system, entrepreneurial risk is not qualified as an independent insured object, despite the existence of an objective

need to protect the relevant property interests of business entities. The paper reveals the essence of entrepreneurial risk as the likelihood of adverse events affecting an entrepreneur's ability to make a profit, fulfill obligations, and maintain the sustainability of their business. Special attention is paid to the differentiation of business risk and traditional insurance objects, such as property, civil liability and financial losses. The author suggests considering entrepreneurial risk as a special category that covers the commercial result of an activity and is expressed in the loss of income or the occurrence of additional expenses due to external, uncontrollable circumstances. The conclusion is made about the expediency of the regulatory consolidation of this agreement, which will ensure legal certainty, expansion of the insurance market and protection of entrepreneurs in conditions of economic instability.

Keywords insurance, business risk, property interest, losses, contract, insurer.

FTAMP 10.79.01

<https://doi.org/10.48081/KFXN9635>***Г. Х. Сеитова¹, Ж. К. Ажибаева²**^{1,2}Торайғыров университет

Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

¹ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4899-4693>²ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3028-043X>*e-mail: gainikamal_seitova@mail.ru

КІНӘСІЗДІК ПРЕЗУМПЦИЯСЫ ЖӘНЕ ДӘЛЕЛДЕУ МІНДЕТІ

Мақала кінәсіздік презумпциясы қағидатын және Қазақстан Республикасының қылмыстық процесінде дәлелдеу міндетін бөлуді жан-жақты зерттеуге арналған. Мақалада кінәсіздік презумпциясының мазмұнын іргелі құқықтық қағидат және жеке тұлғаны негізсіз қылмыстық қудалаудан қорғаудың кепілі ретінде анықтайтын конституциялық ережелер қарастырылады.

Сотқа дейінгі тергеу, прокуратура және сот органдарының қызметінде кінәсіздік презумпциясы қағидатын іске асырудың тәжірибелік аспектілеріне ерекше назар аударылады. Сот тәжірибесі материалдары мен статистикалық деректерді талдау негізінде айыптау және қорғау тараптары арасындағы тепе-теңдікті бұзуда байланысты типтік мәселелер, сондай-ақ ақтау үкімдерінің тұрақты төмен үлесінің себептері қарастырылады. Белгіленген айыптаудың, соттың тәуелсіздігінің жеткіліксіздігінің және тараптардың тең емес мүмкіндіктерінің айыптауға толық жүктелген дәлелдеу міндетін тиімді іске асыруға әсері атап өтіледі.

Мақаланың соңғы бөлігінде кінәсіздік презумпциясының нақты кепілдіктерін нығайтуға бағытталған заңнаманы және қылмыстық іс жүргізу саясатын жетілдіру бойынша ұсыныстар ұсынылады. Ұсыныстардың ішінде сотқа дейінгі тергеуге сот бақылауын кеңейту, дәлелділік стандарттарын арттыру, бәсекелестік тетіктерін дамыту және қорғаудың тиімді іс жүргізу мәртебесін қамтамасыз ету бар. Кінәсіздік презумпциясын тиімді сақтау әділ сот төрелігінің негізгі шарты және Қазақстан Республикасындағы

қылмыстық процесті одан әрі жаңғыртудың қажетті элементі болып табылатыны атап өтілді.

Кілтті сөздер: кінәсіздік презумпциясы, қылмыстық іс жүргізу; айыпталушы, сот, айыптау үкімі, дәлелдеу.

Кіріспе

Кінәсіздік презумпциясы жеке тұлғаның құқықтық қорғалу деңгейін және сот жүйесінің демократиялық дәрежесін көрсететін қылмыстық процестің негізгі қағидаларының бірі болып табылады. Қазақстан Республикасының Конституциясында бекітілген [1] және қылмыстық іс жүргізу заңнамасының нормаларында көрсетіле отырып, ол азаматтардың негізсіз қылмыстық жауапкершілікке тартылуын болдырмауға және сот талқылауының объективтілігін қамтамасыз етуге арналған әділ сот төрелігінің негізгі кепілі болып табылады. Сонымен бірге, осы қағиданың декларативті сенімділігіне қарамастан, оны отандық сот төрелігі жүйесінде іс жүзінде жүзеге асыру ғылыми пікірталастар мен қоғамдық назардың тақырыбы болып қала береді.

Кінәсіздік презумпциясының негізгі элементтерінің бірі-айыптау жағына толығымен жүктелген дәлелдеу міндеті Сотқа дейінгі тергеп-тексеру органдары мен прокуратураның дәлелдеу жұмыстарының сапасы, сондай-ақ соттың ұсынылған дәлелдемелерді өз бетінше және сыни тұрғыдан бағалай алуы тараптардың мүдделерінің тепе-теңдігінің сақталуын және айыпталушының құқықтарының қорғалғанын анықтайды.

Алайда, тәжірибе көрсеткендей, Қазақстанда айыптау үкімінің белгілері әлі де сақталуда, атап айтқанда ақтау үкімдерінің өте төмен үлесінде, айыпталушының рөлін қабылдаудың қалыптасқан стереотиптерінде және процестің жеткіліксіз бәсекелестігінде көрінеді. Бұл Қазақстан соттарында ақтау үкімдерін шығару статистикасымен расталады. Мәселен, 2022 жылы қаралған 28618 істің ішінде шығарылған ақтау үкімдерінің саны – 400 (1,4 %), 2023 жылы 29158-ден шығарылған ақтау үкімдерінің саны – 352 (1,2 %), 2024 жылы 31199-дан шығарылған ақтау үкімдерінің саны – 300 (1 %) [2].

Материалдар мен әдістері

Зерттеу әлеуметтік-құқықтық құбылыстар мен ұғымдарды, олардың дамуы мен өзара тәуелділігін танудың диалектикалық әдісіне негізделген. Тарихи, салыстырмалы-құқықтық, жүйелік-құрылымдық, социологиялық, статистикалық, логикалық зерттеулердің жалпы ғылыми және жеке ғылыми әдістері қолданылды.

Нәтижелер және талқылау

Кінәсіздік презумпциясы және дәлелдеу міндеті әділ қылмыстық процестің негізгі кепілдіктері болып табылады. Олар мемлекеттің мүдделері мен жеке тұлғаның құқықтары арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз етеді, озбырлықты болдырмайды және азаматтарды негізсіз айыптаулардан қорғайды.

Қылмыстық жауаптылық негіздері мен күдіктінің, айыпталушының кінәсін дәлелдеу міндеті айыптаушыға жүктеледі.

Дәлелдеу ауыртпалығы айыптау жағында екенін көрсетіп, осылайша айыптауды дәлелдеуге міндетті қылмыстық сот ісін жүргізуге қатысушыларды белгіледі. ҚР ҚІЖК 7 – бабының 2-тармағына сәйкес «айыптау тарабы-қылмыстық қудалау органдары, сондай-ақ жәбірленуші (жеке айыптаушы), азаматтық талапкер, олардың заңды өкілдері мен өкілдері» [3].

Қылмыстық іс жүргізу құқығы теориясында субъектілердің дәлелдеу міндеті бар-жоғына және қандай көлемде болуына байланысты жіктелуі қабылданды.

Дәлелдеу міндетіне қатысты қылмыстық іс жүргізу қызметінің субъектілері мынадай топтарға бөлінеді:

1 Қылмыстық процесте дәлелдеу міндетін атқармайтын айыпталушы мен күдікті.

2 Анықтауды жүргізетін адам, тергеуші, прокурор алдын ала тергеуде дәлелдемелерді жинау, тексеру және бағалау арқылы дәлелдеу міндетін жүзеге асырады.

3 Қылмыстық іс жүргізу қызметіне қатысушылар қылмыстық істе өз бетінше өкілдік ететін мүдделерімен, атап айтқанда:

а) қылмыстық процесте өз мүдделерін қорғайтын субъектілер – жәбірленуші, азаматтық талапкер және азаматтық жауапкер. Олар қылмыстық іс бойынша дәлелдеуді жүзеге асыруға құқылы, бірақ міндетті емес (айыпталушы мен күдікті де қылмыстық процесте өз мүдделерін қорғайды, бірақ олар ерекше атап көрсетілген);

б) айыпталушыны қорғау немесе сот ісін жүргізуге өзге де қатысушылардың (жәбірленушінің, азаматтық талапкердің және азаматтық жауапкердің) заңды мүдделерін білдіру заңды міндетін жүзеге асыратын адвокаттар [4, 47-б.].

В. К. Случевскийдің пікірінше, дәлелдемелерді ұсыну міндеті айыптаушыға жүктеледі деген басым көзқарасты ресми міндет мағынасында емес, айыптаушының іс жүргізу мүдделері тудыратын міндет мағынасында түсіну керек.

Айыптаушы сотталушының кінәсін дәлелдеуге мүдделі, сондықтан ол қорғаудан гөрі қылмыс оқиғасы немесе оны жасаған адамның кінәсі дәлелденетін дәлелдерді ұсынуы керек; керісінше, қорғаушы сотталушының кінәсіздігін дәлелдеуге мүдделі, сонымен қатар қылмысты немесе жазалануды болдырмайтын немесе келесі жағдайды жеңілдетуге ықпал ететін жағдайлардың болуы жазалау туралы заңға сәйкес, істің осы тараптарына қатысты дәлелдемелер ұсыну қорғауға жатады [5, 121-б.].

Қаралып отырған презумпцияның тағы бір болжамды ережесі – айыпталушы өзінің кінәсіздігін дәлелдеуге міндетті емес – Қазақстан Республикасы Конституциясының 77-бабының 3-бөлімінде көрсетілген [1].

Дәлелдеу міндетін айыпталушыға беру, тіпті аз мөлшерде болса да, кінәсіздік презумпциясымен үйлеспейді және кінәлілік презумпциясына әкеледі.

Айыпталушыға дәлелдемелерді анықтау, процестік бекіту, тексеру және бағалау міндеті жүктелмейді.

Егер айыпталушы дәлелдеу процесінде қандай да бір мәлімдеме ұсынса, қылмыстық іс бойынша ақиқатты анықтау үшін маңызы бар қандай да бір мән-жайларды көрсетсе, онда бұл мәлімдемелерді тексеру, осы мән-жайларды нақтылау органдардың міндетін құрайды. сот ісін жүргізуді жүзеге асыратын тергеушінің, анықтаушының, прокурордың осы міндетін айыпталушыға жүктеуге құқығы жоқ.

Аталған органдар қылмыстық іс бойынша дәлелдеменің нысанасын құрайтын нақты мән-жайларды дұрыс, жан-жақты және объективті анықтау үшін толық жауапкершілікте болады, сондықтан айыпталушы емес, тек осы мемлекеттік органдар ғана аталған мән-жайлардың әрқайсысын толық дәлелдеуге міндетті.

Кінәсіздік презумпциясын жоққа шығаруға, яғни адамды қылмыс жасағаны үшін кінәлі деп тануға және оны қылмыстық жазаға тартуға, тек қана сот төрелігін жүзеге асыратын жалғыз орган – сот құқылы (ҚР ҚІЖК 11-бабы).

Соттың мұндай жоғары рөлі қылмыстық істі объективті және бейтарап қарауды және шешуді қамтамасыз ететін судьялардың тәуелсіздігінің кепілдігінсіз мүмкін емес. Мұндай тәуелсіздік соттың және алдын ала тергеу және прокуратура органдарының іс жүргізу өкілеттіктерін нақты бөлуді, айыптаудың, қорғаудың және істі шешудің іс жүргізу функцияларын ажыратуды талап етеді [6, 19-20 бб.].

Қорғаушы тараптың дәлелдеуге қатысуы бір нақты мақсатқа қол жеткізуге, қылмыстық іс бойынша әділ және заңды үкім шығаруға бағытталуы тиіс.

Қорғаушы тарап айыпталушының кінәсіздігін немесе аз кінәсін дәлелдеуге белсенді қатысуы керек. Бұл тек өз дәлелдерін дайындауды және ұсынуды ғана емес, сонымен қатар куәгерлер мен сарапшылардан жауап алуға белсенді қатысуды, сондай-ақ прокуратура ұсынған дәлелдемелерге қарсы шығуды білдіреді.

Қазіргі қылмыстық процесс әділеттілік, тараптардың теңдігі және соттың тәуелсіздігі қағидаттарына негізделгенін атап өткен жөн. Бұл прокуратура да, қорғаушы да дәлелдемелерді жинау және ұсыну үшін тең мүмкіндіктер мен құралдарға ие болуы керек дегенді білдіреді.

Осылайша, айыпталушыға дәлелдеу міндеті жүктелмейді және ол қылмыс жасағаны үшін кінәсін мойындаған жағдайларда. Кінәні растайтын фактілерді көрсету айыпталушының міндеті емес, құқығы болып табылады.

Жасалған қылмыс туралы мәліметтері бар айыпталушы айғақ беруге міндетті емес. Айыпталушыны қорқыту немесе өзге де заңсыз әрекеттерді қолдану арқылы айғақтар беруге мәжбүрлеу сот төрелігіне қарсы қылмыстың құрамын құрайды (ҚР ҚК 415-бабы).

Заң айыпталушы жауап алу хаттамасына қол қоюдан бас тартқан жағдайда, тергеуші бұл туралы жауап алу хаттамасына белгі қойып, оны өз қолымен куәландыруын талап етеді (ҚР ҚДЖК 212-бабы).

Айыпталушы куәгерлердің қатысуымен ғана жүргізуге жол берілетін тергеу әрекеттеріне қатысқан жағдайларда айыпталушының хаттамаға қол қоюдан бас тартуы тергеушіні өзі тапқан дәлелдемелерді іс жүзінде бекіту мүмкіндігінен айырмайды.

Осылайша, айыпталушының дәлелдемелерді процестік бекітуге қатысудан бас тартуы кейбір жағдайларда тиісті дәлелдемелер көздерін қолайсыз етеді, ал басқаларында олардың рұқсат етілуіне әсер етпейді. Алайда, осы нұсқалардың кез-келгенінде айыпталушының дәлелдемелерді процедуралық бекітуге қатысудан бас тартуы оның айыпталушының дәлелдеуге қатысуға міндетті емес екендігі туралы Ережеден туындайтын құқығы болып табылады [7, 38-б.].

Егер аталған органдар дәлелдемелерді тінту, алу және т. б. жолымен мәжбүрлеп алып қою құқығын пайдаланбаса, айыпталушы анықтау органына, тергеушіге, прокурорға оның иелігіндегі дәлелдемелерді ұсынуға міндетті емес.

Айыпталушы тергеушіге, прокурорға және сотқа дәлелдемелерді бағалауға жәрдемдесуге міндетті емес, атап айтқанда ол сот жарыссөздері мен репликаларында (қорғаушы іске қатыспаған кезде), сотқа үкімде шешілуі тиіс мәселелер бойынша тұжырымдарды ұсынудан, соңғы сөзден бас тартуы мүмкін [8, 56-б.].

Айыпталушы сот пен алдын-ала тергеу органдарына процеске белсенді қатыса отырып, шындықты анықтауға көмектесуге міндетті емес.

Дәлелдеу міндеті айыпталушыға жүктелмейді, айыпталушыға дәлелдеу процесінің пассивті бақылаушысы болуға мүмкіндік береді, сонымен бірге айыпталушының дәлелдемелерді табу айыпталушының қатысуымен ғана мүмкін болған кезде тергеушіге, прокурорға, сотқа дәлелдемелер беру міндетін жоймайды. Дәлелдеу міндеттерін жүзеге асырмай, айыпталушының тергеушінің, прокурордың және соттың бұл міндетті жүзеге асыруына кедергі жасауға құқығы жоқ.

Заң тергеушіге және сотқа айыпталушының дәлелдеуге қатысуын оның қатысуы болжанатын тергеу іс-қимыл орнына немесе сот отырысына мәжбүрлеп жеткізу арқылы қамтамасыз етуге мүмкіндік береді [9, 36-б.].

Алайда, айыпталушының дәлелдеуге қатысудан бас тартуы оның тергеуші мен сотқа қылмысты ашуға және кінәліні жауапқа тартуға қарсы тұру ниетімен байланысты болуы мүмкін екенін ұмытпаған жөн.

Бұдан айыпталушының дәлелдеуге қатысудан бас тартуы оның кінәсінің дәлелі деп қорытынды жасауға болмайды. Егер айыпталушыға осылай әсер етсе, онда бұл оны дәлелдеуге қатысуға, атап айтқанда айғақтар беруге мәжбүрлеуді білдіреді.

Жоғарыда айтылғандарға сәйкес, айыпталушының дәлелдеуге қатысудан бас тартуы, оның ішінде айғақтар беруден, тергеу актілеріне қол қоюдан, куәландыруға, сараптамаға және т.б. талаптарды орындаудан бас тартуы тергеу мен соттың кінәсі туралы қорытындылары үшін негіз ретінде пайдаланыла алмайды.

Бұл мүмкіндіктердің барлығы айыпталушының кез-келген айғақтарды, соның ішінде жалған айғақтарды берудің субъективті құқығына қатысты болып көрінеді. Шынында да, заң айыпталушыға тергеушіге және сотқа қылмысқа қатысты кез-келген ақпаратты осы ақпараттың міндетті түрде сенімді болуын талап етпестен хабарлауға мүмкіндік береді.

Егер сіз жауапкершілікті осылай түсінсеңіз (бұл, әрине, заңды міндет болмаса да), онда бұл жағдайда айыптауды жоққа шығаратын дәлелдемелерді ұсыну немесе көрсету ауыртпалығы айыпталушыға жатпайтынын мойындау керек. Айыпталушы өз жағдайын нашарлатпайды және егер ол дәлелдемелерді ұсынбаса немесе көрсетпесе, оны ақтайтын мән-жайлар анықталмай қалу қаупін туғызбайды. оларды растау. Егер айыпталушылар өздерінің ақтауында көрсеткен мән-жайларды қылмыстық іс бойынша жиналған дәлелдемелер жоққа шығармаса, онда айыптау дәлелденбеген.

Демек, айыптауды дәлелдеу үшін немесе, керісінше, оның сәтсіздігіне көз жеткізу үшін осы жағдайларды зерттеу қажет. Бұл ретте айыпталушының

өзі ұсынған тезисті растайтын дәлелдемелерді ұсынғаны немесе ұсынбағаны, көрсетпегені немесе көрсетпегені маңызды емес. Бұл тезисті тергеуші, прокурор және сот, яғни оларға жүктелген дәлелдеу міндетін орындау тәртібімен істің мән-жайларын объективті, толық және жан-жақты зерттеуге жауапты адамдар тексеруі керек [10, 23-б.].

Айыпталушының өзі ұсынған тезисті растайтын дәлелдерді ұсынбауы немесе көрсетпеуі олардың қоғам алдындағы моральдық борышын бұзу ретінде қарастырылмауы керек, өйткені айыпталушы көбінесе мұндай дәлелдердің бар-жоғын және оларды қайдан іздеу керектігін білмейді. Егер айыпталушыда осындай дәлелдер болса, бірақ қандай да бір жеке себептермен оларды ұсынғысы келмесе немесе бұл қандай дәлелдер екенін білсе, бірақ оларды анықтаушыға, тергеушіге және сотқа көрсеткісі келмесе, онда бұл жағдайда айыпталушының моральдық міндетін бұзу туралы айту екіталай.

Қылмыстық іс бойынша айыпталушыны ешқандай жағдайда «сіз қылмыскер емес екеніңізді дәлелдеңіз» позицияға қоюға болмайды; ол өзінің кінәсіздігін белсенді түрде дәлелдей алады (мысалы, оның алибиі). Бірақ бұл оның міндеті емес, құқығы. Айыпталушы өзінің ақталуына толық қатыспау позициясын ұстануы мүмкін және ешкім оны бұл үшін айыптауға құқылы емес [11, 15-б.].

Қазақстан Республикасының қылмыстық процесінде айыпталушыға өзінің кінәсіздігін дәлелдеу талабы сот талқылауының бәсекелестігі мен әділдігіне нұқсан келтіретін конституциялық құқықтарды бұзу ретінде бағаланады. Бұл айыпталушыға мойындау айғақтарын беру, олардан белсенді қорғаныс позициясын күту немесе үнсіздікті кінәнің жанама дәлелі ретінде пайдалану үшін қысым ретінде көрінуі мүмкін. Мұндай тәжірибелер адам құқықтарының халықаралық стандарттарына сәйкес келмейді, олар адамның үндемеу құқығын бекітеді және айыптау кінәні ақылға қонымды күмәнсіз дәлелдеуге міндетті екенін көрсетеді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу кінәсіздік презумпциясы жеке адамның құқықтарын қорғауды және сот төрелігінің әділдігін қамтамасыз ететін Қазақстан Республикасы қылмыстық процесінің негізгі қағидаты болып табылады деген қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Оның Конституцияда және қылмыстық іс жүргізу кодексінде нормативтік бекітілуіне қарамастан, осы қағиданы іске асыру тәжірибесі қайшылықты болып қала береді және оның толыққанды жұмыс істеуіне кедергі келтіретін тұрақты проблемалардың бар екендігін көрсетеді.

Нақты нормативтік бекітілгеніне қарамастан, кінәсіздік презумпциясын іс жүзінде жүзеге асыру белгілі бір қиындықтарды тудырады.

1 Айыптау – тергеу органдары мен соттардың қызметінде күдіктіні ықтимал кінәлі тұлға ретінде қарастыру үрдісі жиі сақталады.

2 Дәлелдемелерді бағалаудың ресми тәсілі -соттар әрдайым айыптаушы тарап ұсынған дәлелдемелердің жарамдылығы мен дұрыстығын толық тексере бермейді.

3 Сот пен прокуратураның тәуелсіздігінің жеткіліксіздігі-қоғамдық пікірдің қысымы және қылмыстың ашылуының статистикалық көрсеткіштері шешім қабылдау процесіне әсер етуі мүмкін.

4 Қорғау құқықтарының бұзылуы - адвокатқа бастапқы сатыларда қол жеткізуді шектеу, заңсыз жауап алу әдістерін қолдану, қысыммен алынған мойындауларды пайдалану.

Осы міселелерді еңсеру үшін қылмыстық қудалау органдарының іс-әрекеттеріне сот бақылауын күшейту және Қазақстанда әлі де сирек кездесетін ақтау үкімдерінің тәжірибемін дамыту қажет.

Соттың рөлін күшейтуге, тергеу органдарының дәлелдемелік қызметінің сапасын арттыруға, қорғаудың іс жүргізу мүмкіндіктерін кеңейтуге және адам құқықтарының басымдығына бағдарланған құқық қолдану мәдениетін дамытуға бағытталған кешенді өзгерістер талап етіледі.

Осылайша, кінәсіздік презумпциясын және дәлелдеу міндетін іске асыруды жетілдіру Қазақстан Республикасының қылмыстық іс жүргізуін дамытудың маңызды бағыты болып табылады. Ұсынылған шараларды іске асыру сот жүйесіне деген сенімді нығайтуға, сот төрелігінің тиімділігін арттыруға және жеке адамның құқықтарын шынайы қорғауды қамтамасыз етуге ықпал ететін болады.

Кінәсіздік презумпциясы және дәлелдеу міндеті әділ қылмыстық процестің негізгі кепілдіктері болып табылады. Олар мемлекеттің мүдделері мен жеке тұлғаның құқықтары арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз етеді, озбырлықты болдырмайды және азаматтарды негізсіз айыптаулардан қорғайды.

Бұл қағидаттарды тиімді іске асыру іс жүргізу нормаларын, сот билігінің тәуелсіздігін және қоғамның жоғары құқықтық мәдениетін қатаң сақтаған жағдайда ғана мүмкін болады.

Пайдаланылған деректер тізімі

1 1995 жылғы 30 тамызда қабылданған ҚР Конституциясы (2023 жылғы жағдай бойынша өзгерістер мен толықтырулармен).

2 Жоғарғы Сот сайтынан алынған статистикалық мәліметтер [Электронный ресурс]. – <https://sud.gov.kz/rus>

3 Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 4 шілдедегі Қылмыстық іс жүргізу кодексі (2025 жылғы жағдай бойынша өзгерістер мен толықтырулармен).

4 **Жогин, Н.** Теория доказательств в советском уголовном процессе, 1973 г. – С.47.

5 **Случевский, В.** Учебник русского уголовного процесса. Ч. II Судопроизводство/ Под редакцией В.А. Томсинова. (Серия «Русское юридическое наследие»), 2008 год. – С.121.

6 **Лазарева, В.** Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры, 2014. - С.19-20.

7 **Шумский, Г.** Презумпция невиновности и обязанность доказывания на предварительном следствии Дис. ... канд. юрид. Наук., 2000. – С.38.

8 **Либус, И.** Отв. ред.: Петрухин И.Л. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе, 1981. – С.56.

9 **Строгович, М.** Право обвиняемого на защиту и презумпцию невиновности. / Монография. Под редакцией В.М. Савицкого, 1984. –С 36.

10 **Савицкий, В.** Презумпция невиновности: что означает? Кому нужна? Как применяется, 1997. – С23..

11 **Jefferson, L.** Criminal Evidence. 12th ed. Waltham: Anderson, 2015. – P.21–23.

References

1 1995 zhy'lgıy` 30 tamı'zda kaby'ldangan KR Konstituciyasy` (2023 zhy'lgıy` zhagday boıy`nsha ozgerister men toly`kty`rularmen) [The Constitution of the Republic of Kazakhstan, adopted on August 30, 1995 (with amendments and additions as of 2023).]

2 Zhogargıy` Sot sajty`nan aly`ngan statistikalı`k malimetter [Statistical data from the website of the Supreme Court]. – <https://sud.gov.kz/rus>

3 Kazakstan Respublikasy`ny`n 2014 zhy'lgıy` 4 shildedegi Ky`lmy'sty`k is zhurgizu kodeksi (2025 zhy'lgıy` zhagday boıy`nsha ozgerister men toly`kty`rularmen) [The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 (with amendments and additions as of 2025)]

4 **Zhogin, N.** Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe [Theory of evidence in the Soviet criminal process] [Text].1973 g. – P.47.

5 **Sluchevskij, V.** Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. Ch. II Sudoproizvodstvo/ Pod redakciej V. A. Tomsinova. (Seriya «Russkoe yuridicheskoe nasledie») [Textbook of the Russian criminal procedure. Part II Legal proceedings/

Edited by V.A. Tomsinov. (Series «Russian Legal Heritage»)] [Text]. 2008. – P. 121.

6 **Lazareva, V.** Dokazy`vanie v ugolovnom processe: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury` [Evidence in criminal proceedings: textbook for bachelor's and master's degrees] [Text]. 2014. - P.19-20.

7 **Shumskij, G.** Prezumpciya nevinovnosti i obyazannost` dokazy`vaniya na predvaritel`nom sledstvii Dis. ... kand. yurid. Nauk. [The presumption of innocence and the duty of proof at the preliminary investigation Dis. ... cand. jurid. Sciences] [Text]. 2000. – P.38.

8 **Libus, I.** Otv. red.: Petruxin I. L. Prezumpciya nevinovnosti v sovetskom ugolovnom processe [The presumption of innocence in the Soviet criminal process] [Text]. 1981. – P.56.

9 **Strogovich, M.** Pravo obvinяаемого na zashhitu i prezumpciyu nevinovnosti. / Monografiya. Pod redakciej V.M. Saviczskogo [The right of the accused to defense and the presumption of innocence. / Monograph. Edited by V.M. Savitsky] [Text]. 1984. – P. 36.

10 **Saviczskij, V.** Prezumpciya nevinovnosti: chto oznachet? Komu nuzhna? Kak primenyaetsya [The presumption of innocence: What does it mean? Who needs it? How it is applied] [Text]. 1997. -P.23.

11 **Jefferson, L.** Criminal Evidence. 12th ed. Waltham: Anderson, 2015. - P.21–23.

17.11.25 ж. баспаға түсті.

04.12.25 ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

*Г. Х. Сеитова¹, Ж. К. Ажибаева²

^{1,2}Торайғыров университет,

Республика Казахстан, г. Павлодар

Поступило в редакцию 17.11.25.

Поступило с исправлениями 04.12.25.

Принято в печать 22.12.25.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И ОБЯЗАННОСТЬ ДОКАЗЫВАНИЯ

Статья посвящена всестороннему исследованию принципа презумпции невиновности и распределения обязанности доказывания в уголовном процессе Республики Казахстан. В статье рассматри-

ваются конституционные положения, определяющие содержание презумпции невиновности как фундаментального правового принципа и гарантии защиты личности от необоснованного уголовного преследования.

Особое внимание уделяется практическим аспектам реализации принципа презумпции невиновности в деятельности органов досудебного расследования, прокуратуры и суда. На основе анализа материалов судебной практики и статистических данных рассматриваются типичные проблемы, связанные с нарушением баланса между сторонами обвинения и защиты, а также причины устойчиво низкой доли оправдательных приговоров. Подчеркивается влияние устоявшегося обвинительного уклона, недостаточной независимости суда и неравных возможностей сторон на эффективную реализацию обязанности доказывания, полностью возложенной на обвинение.

В заключительной части статьи предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и уголовно-процессуальной политики, направленные на укрепление реальных гарантий презумпции невиновности. Среди предложений — расширение судебного контроля за досудебным расследованием, повышение стандартов доказанности, развитие механизмов состязательности и обеспечение надлежащего процессуального статуса защиты. Подчеркивается, что эффективное соблюдение презумпции невиновности является ключевым условием справедливого правосудия и необходимым элементом дальнейшей модернизации уголовного процесса в Республике Казахстан.

Ключевые слова: презумпция невиновности, уголовный процесс, обвиняемый, суд, обвинительный приговор, доказывание.

*G. KH. Seitova¹, Zh. K. Azhibayeva²

^{1,2}Toraighyrov University,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar
Received 17.11.25.

Received in revised form 04.12.25.

Accepted for publication 22.12.25.

THE PRESUMPTION OF INNOCENCE AND THE DUTY OF PROOF

The article is devoted to a comprehensive study of the principle of presumption of innocence and the distribution of the burden of proof in the criminal process of the Republic of Kazakhstan. The paper examines the constitutional provisions defining the content of the presumption of innocence as a fundamental legal principle and a guarantee of personal protection from unjustified criminal prosecution.

Special attention is paid to the practical aspects of the implementation of the principle of presumption of innocence in the activities of pre-trial investigation bodies, the prosecutor's office and the court. Based on the analysis of judicial practice materials and statistical data, typical problems associated with a violation of the balance between the prosecution and the defense, as well as the reasons for the persistently low proportion of acquittals, are considered. The influence of the established accusatory bias, insufficient independence of the court and unequal opportunities of the parties on the effective implementation of the burden of proof fully assigned to the prosecution is emphasized.

The final part of the article offers recommendations for improving legislation and criminal procedure policy aimed at strengthening real guarantees of the presumption of innocence. Among the proposals are the expansion of judicial control over pre – trial investigations, raising standards of evidence, developing adversarial mechanisms and ensuring the proper procedural status of the defense. It is emphasized that effective observance of the presumption of innocence is a key condition for fair justice and a necessary element for further modernization of the criminal process in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: presumption of innocence, criminal trial, accused, court, conviction, evidence.

МРНТИ 10.77.21

<https://doi.org/10.48081/RUEB5030>***С. Р. Темиров¹, А. А. Калиев²**

^{1,2}Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
Республика Казахстан, г. Косшы.

¹ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3766-4146>

²ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3621-7107>

*e-mail: 7171252@prokuror.rz

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Данная статья посвящена современным тенденциям и перспективам борьбы с преступностью, подчеркивая необходимость интегративного подхода. Авторы рассматривают из глобальных вызовов для человечества стало стремительное развитие технологий, которые изменяют подходы к обеспечению безопасности и правопорядка. Речь идет об искусственном интеллекте, который стал одним из важнейших технологических достижений XXI века. Алгоритмы машинного обучения уже применяются в самых разных сферах, включая здравоохранение, финансы, транспорт и промышленность.

Однако особое внимание вызывает использование ИИ в сфере правопорядка и борьбы с преступностью.

С одной стороны, искусственный интеллект позволяет правоохранительным органам более эффективно выявлять преступные схемы, анализировать цифровые доказательства и предотвращать угрозы.

Таким образом, развитие ИИ в правоохранительной сфере прошло несколько ключевых этапов, от простого анализа данных до создания сложных систем, способных предсказывать преступления и анализировать цифровые доказательства в реальном времени.

Одним из наиболее востребованных направлений является анализ видеонаблюдения с использованием технологий компьютерного зрения.

Современные алгоритмы распознавания лиц позволяют идентифицировать подозреваемых в режиме реального времени, что значительно повышает эффективность полицейских расследований.

Ключевые слова: безопасность, правопорядок, технология, искусственный интеллект, правоохранительные органы, цифровые доказательства, борьба с преступностью, кибербезопасность.

Введение

Как отмечается в совместном отчете Международной организации уголовной полиции (INTERPOL) и Института ООН по межрегиональной преступности и правосудию (UNICRI), технологии искусственного интеллекта уже находят применение в деятельности правоохранительных органов различных государств, способствуя повышению эффективности анализа данных и обеспечению этичного использования ИИ в расследованиях [1, с.36].

С другой стороны, преступники также адаптируются к новым технологиям, используя ИИ для совершения кибератак, мошенничества, создания фальшивых цифровых доказательств и обхода систем безопасности.

Как подчеркивается в аналитическом обзоре Европола «Tech Watch Flash: The Impact of Large Language Models on Law Enforcement» (2023), развитие алгоритмов глубокого обучения создаёт новые возможности не только для правоохранительных органов, но и для преступников, которые могут использовать генеративные модели для автоматизации фишинговых кампаний, разработки вредоносного кода и проведения сложных кибератак, угрожающих финансовым и государственным системам [2, с.12].

Использование искусственного интеллекта в правоохранительных органах имеет долгую историю, берущую свое начало еще в 1990-х годах. В начале технологии ИИ применялись преимущественно для анализа больших объемов данных, но со временем их функционал значительно расширился.

На ранних этапах развития ИИ использовался для автоматизированного анализа преступных данных. Уже в конце 1980-х начале 1990-х годов в США предпринимались попытки использования экспертных систем для поддержки расследований. Так, Р. Ребуссен и Д. Кэмерон отмечали, что экспертные системы применяются полицией для анализа информации о преступлениях и помощи в прогнозировании угроз, в том числе при расследовании краж с проникновением [3, с. 13].

Материалы и методы

Проводился: анализ научной и специальной литературы по проблеме исследования, нормативных документов по исследуемой тематике; анализ

и обобщение имеющегося опыта в сфере антикоррупционной деятельности; опросные методы (беседа, анкетирование, интервьюирование); наблюдение; эксперимент; социологические методы по обработке практических данных.

В целях достижения практически значимых результатов в процессе исследования были использованы также сравнительный и статистический методы

Результаты и обсуждение

Одновременно в исследовательских центрах, таких как SRI International, создавались экспертные системы для выявления компьютерных атак, например IDES (Intrusion Detection Expert System), позволявшие анализировать журналы событий и обнаруживать аномалии поведения пользователей [4, с. 2].

Например, система COMPSTAT позволяла выявлять закономерности в преступной активности, что помогло значительно повысить эффективность работы правоохранительных органов [5, с. 27].

В 2000-х годах начали активно развиваться биометрические технологии, включая автоматизированное распознавание отпечатков пальцев, анализ ДНК и первые системы компьютерного зрения. Эти технологии позволили значительно ускорить процесс идентификации преступников и повысить точность криминалистических экспертиз.

В 2010-х годах произошел настоящий прорыв в области машинного обучения, что позволило внедрить ИИ в самые разные аспекты правоохранительной деятельности. Появились системы предиктивного патрулирования, которые анализируют данные о прошлых преступлениях и прогнозируют возможные угрозы.

Одним из наиболее известных примеров предиктивного (прогностического) полицейского анализа является американская система PredPol, разработанная на основе математических моделей, аналогичных прогнозированию послесейсмических толчков. Она анализирует исторические данные о преступлениях: их время, место и тип, и позволяет полиции заранее определять зоны с повышенной вероятностью преступной активности [6, с. 1403]. Внедрение PredPol в ряде городов США было направлено на оптимизацию распределения полицейских патрулей и повышение эффективности превентивных мер.

Наконец, в 2020-х годах ИИ стал неотъемлемой частью работы правоохранительных органов во многих странах. В Китае была создана система «SkyNet», которая использует более 500 миллионов камер с ИИ-аналитикой для мониторинга общественных мест [7].

В Европе начали активно внедряться технологии распознавания лиц и аналитики поведения правоохранительными и пограничными

службами. Эти системы используются в целях повышения безопасности и борьбы с преступностью [8, с. 60].

Например, в 2019 году в Китае технология распознавания лиц помогла задержать беглого преступника среди 60 000 человек на концерте в Наньчане [9]. В Лондоне полиция использует систему Live Facial Recognition (LFR), которая фиксирует десятки случаев выявления разыскиваемых лиц в общественных местах [10].

Эксперты считают, что технологии компьютерного зрения способны существенно снизить преступность в крупных городах. Современные системы видеонаблюдения, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта, позволяют не только распознавать лица и фиксировать события в реальном времени, но и выявлять скрытые взаимосвязи между инцидентами, объединяя данные с разных камер, сенсоров и баз данных. Такая интеграция способствует более точному прогнозированию угроз и повышает оперативность реагирования правоохранительных органов.

Однако такие системы часто подвергаются критике из-за вопросов конфиденциальности и возможных ошибок в идентификации.

ИИ способен обрабатывать колоссальные объемы информации, включая записи о преступлениях, данные социальных сетей, финансовые транзакции и телефонные разговоры. Однако предиктивная аналитика вызывает обеспокоенность у правозащитников. По мнению правозащитных организаций, системы предсказательной полиции могут унаследовать предвзятость исторических данных о преступлениях и тем самым способствовать дискриминационным практикам по отношению к определенным группам населения [11].

Несмотря на очевидные преимущества искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, его использование несет в себе ряд значительных рисков. Ключевые опасности связаны с проблемами предвзятости алгоритмов, нарушением конфиденциальности, возможностью ошибок в идентификации, угрозами кибербезопасности и злоупотреблением технологиями в авторитарных режимах.

В США уже были случаи, когда предвзятые алгоритмы приводили к несправедливым арестам. В 2020 году в городе Детройт система распознавания лиц ошибочно идентифицировала афроамериканца Роберта Уильямса как подозреваемого, что привело к его незаконному аресту без достаточных доказательств [12]. Этот случай стал одним из первых задокументированных примеров ошибочной идентификации, вызвавших общественный резонанс и критику технологий ИИ со стороны правозащитных организаций.

Это вызвало серьезные дискуссии о необходимости прозрачности алгоритмов и механизмов контроля.

Алгоритмы распознавания лиц еще далеки от идеала и часто демонстрируют низкую точность при идентификации людей с темным цветом кожи, женщин и пожилых людей. В 2019 году Национальный институт стандартов и технологий США (NIST) провёл масштабное исследование алгоритмов распознавания лиц, в ходе которого выявлено, что системы искусственного интеллекта ошибаются при идентификации афроамериканцев и представителей азиатских этнических групп в 10-100 раз чаще, чем при идентификации лиц европейского происхождения [13, с.77]. Этот факт подтвердил наличие системной предвзятости в используемых наборах данных и алгоритмах

В 2019 году исследователи Массачусетского технологического института (MIT) продемонстрировали уязвимость систем распознавания объектов, показав, что незначительное изменение нескольких пикселей на изображении может привести к серьёзным ошибкам классификации. В частности, алгоритм компьютерного зрения принял изображение черепахи за ружьё, что наглядно показало риск манипуляций и ограниченность устойчивости нейросетевых моделей в реальных условиях [14]. Если преступники смогут использовать такие техники, они смогут скрывать свою личность от камер наблюдения, обходя системы безопасности.

Будущее ИИ в борьбе с преступностью выглядит многообещающим.

Ожидается дальнейшее усовершенствование алгоритмов анализа данных, что повысит точность предсказательных моделей и снизит уровень ошибок.

Кроме того, активно развиваются технологии блокчейна, которые в сочетании с ИИ позволят создать более прозрачные и защищенные системы учета и хранения доказательной базы. Например, в Китае уже тестируются блокчейн-платформы для отслеживания доказательств, предотвращая их подделку и утрату. Также ведутся работы по внедрению автономных роботов и дронов с элементами ИИ, способных патрулировать улицы, обнаруживать подозрительную активность и оперативно реагировать на инциденты. В Дубае, начиная с 2017 года, работают роботы-полицейские, которые могут взаимодействовать с гражданами и передавать данные в реальном времени в правоохранительные органы.

Выводы

Таким образом, искусственный интеллект уже продемонстрировал свою эффективность в сфере правоохранительной деятельности, предоставляя новые инструменты для анализа данных, предиктивного

моделирования и криминалистической экспертизы. Однако его применение требует взвешенного и комплексного подхода, учитывающего не только технологические возможности, но и правовые, этические и социальные аспекты.

Без четко выстроенной системы регулирования и контроля существует риск усиления алгоритмической предвзятости, нарушения конфиденциальности данных и злоупотребления технологиями в ущерб гражданским свободам.

Несмотря на высокий потенциал ИИ в сфере борьбы с преступностью, его использование должно сопровождаться строгими мерами регулирования.

Ошибки алгоритмов, уязвимость к кибератакам и морально-правовые вопросы требуют внедрения надежных механизмов оценки, проверки и защиты, обеспечивающих баланс между эффективностью правоохранительных мер и соблюдением прав человека. Достижение справедливого и прозрачного использования ИИ в уголовном правосудии возможно только при наличии комплексного регулирования на национальном и международном уровнях.

В связи с этим представляется целесообразным разработка и внедрение следующих мер:

- формирование правовых стандартов по использованию ИИ в криминалистике и правоохранительной деятельности, включая прозрачные механизмы оценки алгоритмов и обеспечение защиты персональных данных;
- разработка методов противодействия deepfake-технологиям, направленных на выявление и нейтрализацию фальсифицированных аудио- и видеоматериалов, способных повлиять на ход расследований и судебных процессов;
- совершенствование систем кибербезопасности для защиты алгоритмов ИИ от атак и манипуляций, включая внедрение устойчивых к взлому моделей машинного обучения.

Эти меры позволят создать более надежную и безопасную систему правоприменения, обеспечивая баланс между технологическим прогрессом и соблюдением принципов правового государства.

References

1 INTERPOL; UNICRI. Toolkit for Responsible AI Innovation in Law Enforcement. – Lyon: INTERPOL, 2023. – 36 p. – URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Innovation/Artificial-Intelligence-Toolkit> (дата обращения: 07.10.2025).

2 Europol. Tech Watch Flash: The Impact of Large Language Models on Law Enforcement. – The Hague: Europol Innovation Lab, 2023. – 12 p. – URL: <https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Tech%20Watch%20Flash%20-%20The%20Impact%20of%20Large%20Language%20Models%20on%20Law%20Enforcement.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).

3 **Reboussin, R., Cameron, J.** Expert Systems for Law Enforcement // FBI Law Enforcement Bulletin. – 1989. – Vol. 58, No. 8. – P. 13–16. – URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/expert-systems-law-enforcement> (дата обращения: 07.10.2025).

4 **Denning, D. E., Neumann, P. G., Heberlein, L. T.** A Prototype Real-Time Intrusion-Detection Expert System (IDES). – Menlo Park: SRI International, 1987. – 23 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/3497439_A_prototype_real-time_intrusion-detection_expert_system (дата обращения: 07.10.2025).

5 **Silverman, E. B.** NYPD Battles Crime: Innovative Strategies in Policing. — Boston: Northeastern University Press, 1999. – 256 p.

6 **Mohler, G. O. et al.** Randomized Controlled Field Trials of Predictive Policing. Journal of the American Statistical Association, Vol. 110, No. 512, 2015, pp. 1399–1411. <https://doi.org/10.1080/01621459.2015.1077710>.

7 Illiberalism. Tyranny of City Brain: How China Implements Artificial Intelligence to Upgrade Its Repressive Surveillance Regime [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.illiberalism.org/tyranny-of-city-brain-how-china-implements-artificial-intelligence-to-upgrade-its-repressive-surveillance-regime/> (дата обращения: 07.10.2025).

8 **Madiega, T., Mildebrath, H.** Regulating facial recognition in the EU [Электронный ресурс]. — European Parliament, 2021. – 60 с. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2021/698021/EPRS_IDA%282021%29698021_EN.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

9 **Shelton, T.** Facial recognition technology spots wanted man in crowd of 60 000 Chinese concert-goers [Электронный ресурс]. – ABC News, 17 апреля 2018. — URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-04-17/chinese->

[man-caught-by-facial-recognition-arrested-at-concert/9668608](https://www.abc.net.au/news/2018-04-17/chinese-man-caught-by-facial-recognition-arrested-at-concert/9668608) (дата обращения: 07.10.2025).

10 UK Government. Live Facial Recognition technology to catch high-harm offenders [Электронный ресурс]. – gov.uk, 13 августа 2025. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/live-facial-recognition-technology-to-catch-high-harm-offenders> (дата обращения: 07.10.2025).

11 NAACP. The Use of Artificial Intelligence in Predictive Policing. Issue Brief [Электронный ресурс]. – NAACP, б.г. – URL: <https://naacp.org/resources/artificial-intelligence-predictive-policing-issue-brief> (дата обращения: 07.10.2025).

12 NAACP. Artificial Intelligence and Racial Bias in Law Enforcement [Электронный ресурс]. – NAACP, 2020. – URL: <https://naacp.org/resources/artificial-intelligence-predictive-policing-issue-brief> (дата обращения: 07.10.2025).

13 NIST. Face Recognition Vendor Test (FRVT) Part 3: Demographic Effects [Электронный ресурс] / P. J. Grother, M. Ngan, K. Hanaoka. – Gaithersburg, MD: National Institute of Standards and Technology, 2019. — 77 p. — NIST Interagency/Internal Report NISTIR 8280. — URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2019/NIST.IR.8280.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).

14 MIT Technology Review. These adversarial attacks could fool any AI-powered computer vision system [Электронный ресурс]. – MIT, 2019. — URL: <https://www.technologyreview.com/2019/03/04/103446/adversarial-attacks-fool-ai-vision/> (дата обращения: 07.10.2025).

Поступило в редакцию 09.10.25

Поступило с исправлениями 17.12.25.

Принято в печать 22.12.25.

*С. Т. Темиров¹, А. А. Калиев²

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясы
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

09.10.25. ж. баспаға түсті.

17.12.25. ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҚЫЛМЫСҚА ҚАРСЫ КҮРЕСТЕГІ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ: ҚАЗІРГІ ТЕНДЕНЦИЯЛАР МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАР

Бұл мақала интегративті тәсілдің қажеттілігін баса көрсете отырып, қылмысқа қарсы күрестің қазіргі тенденциялары мен перспективаларына арналған. Авторлар адамзат үшін жаһандық сын-қатерлерден қауіпсіздік пен құқықтық тәртіпті қамтамасыз ету тәсілдерін өзгертетін технологиялардың қарқынды дамуы болды. Біз ХХІ ғасырдың маңызды технологиялық жетістіктерінің біріне айналған жасанды интеллект туралы айтып отырмыз. Машиналық оқыту алгоритмдері Денсаулық сақтау, Қаржы, Көлік және өнеркәсіпті қоса алғанда, әртүрлі салаларда қолданылады.

Алайда, құқық қорғау және қылмыспен күресу саласында жасанды интеллектті қолдануға ерекше назар аударылады.

Бір жағынан, жасанды интеллект құқық қорғау органдарына қылмыстық схемаларды тиімдірек анықтауға, цифрлық дәлелдерді талдауға және қауіптердің алдын алуға мүмкіндік береді.

Осылайша, құқық қорғау саласындағы жасанды интеллекттің дамуы қарапайым деректерді талдаудан бастап қылмыстарды болжауға және нақты уақыттағы цифрлық дәлелдерді талдауға қабілетті күрделі жүйелерді құруға дейінгі бірнеше негізгі кезеңдерден өтті.

Ең танымал бағыттардың бірі-компьютерлік көру технологияларын қолдана отырып, бейнебақылауды талдау.

Бетті танудың заманауи алгоритмдері күдіктілерді нақты уақыт режимінде анықтауға мүмкіндік береді, бұл полицияның тергеу тиімділігін едәуір арттырады.

Кілтті сөздер: қауіпсіздік, құқық тәртібі, технология, Жасанды интеллект, құқық қорғау органдары, цифрлық дәлелдер, қылмысқа қарсы күрес, киберқауіпсіздік.

*S. R. Temirov¹, A. A. Kaliev²

Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Republic of Kazakhstan, Kossy

Received 09.10.25.

Received in revised form 17.12.25.

Accepted for publication 22.12.25.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIGHT AGAINST CRIME: CURRENT TRENDS AND PROSPECTS

This article is devoted to current trends and prospects in the fight against crime, emphasizing the need for an integrative approach. The authors consider the rapid development of technologies that are changing approaches to ensuring security and law and order to be one of the global challenges for humanity. We are talking about artificial intelligence, which has become one of the most important technological achievements of the 21st century. Machine learning algorithms are already being used in a wide variety of fields, including healthcare, finance, transportation, and industry.

However, special attention is being paid to the use of AI in the field of law enforcement and crime control.

On the one hand, artificial intelligence allows law enforcement agencies to more effectively identify criminal schemes, analyze digital evidence and prevent threats.

Thus, the development of AI in law enforcement has gone through several key stages, from simple data analysis to the creation of complex systems capable of predicting crimes and analyzing digital evidence in real time.

One of the most sought-after areas is the analysis of video surveillance using computer vision technologies.

Modern facial recognition algorithms make it possible to identify suspects in real time, which significantly improves the effectiveness of police investigations.

Keywords: security, law and order, technology, artificial intelligence, law enforcement agencies, digital evidence, crime control, cybersecurity.

***И. Г. Третьяков**

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6423-5579>*e-mail: ivantretyak19@gmail.com**СИСТЕМА ШАРИАТСКИХ СУДОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
ОПЫТ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ДВУХ
ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ**

В статье рассматривается система шариатских судов в Великобритании как пример сосуществования двух правовых традиций – исламской и английской. Цель исследования заключается в выявлении правового статуса шариатских советов, особенностей их деятельности и взаимодействия с государственными судами. Автор опирается на исторический опыт англо-мухаммеданского права, подчеркивая, что интеграция исламских норм в британскую систему имеет глубокие корни. Анализируются ключевые сферы компетенции шариатских судов: семейные дела, наследственные и имущественные споры. Особое внимание уделено проблемам, связанным с обеспечением равноправия сторон, защитой прав женщин и уязвимых групп, а также добровольности участия в религиозных процедурах. Рассматриваются примеры судебной практики, демонстрирующие пределы признания решений шариатских советов английскими судами. В результате сделан вывод о том, что шариатские советы могут выполнять полезную функцию в рамках правового плюрализма, но требуют прозрачности, стандартизации процедур и подчинения основным принципам верховенства права. Статья сочетает исторический и правовой анализ, предлагая рекомендации по реформированию и развитию диалога между исламской и английской правовой культурами.

Ключевые слова: Шариатские суды, исламское право, английское право, правовой плюрализм, шариатские советы, семейные споры, правовая культура.

Введение

Современный мир характеризуется возрастающей ролью правового плюрализма, когда на одной территории могут сосуществовать различные правовые традиции и системы. Великобритания представляет собой уникальный пример подобного сосуществования, где наряду с английским правом, основанным на прецеденте и законодательстве, функционируют шариатские советы, применяющие нормы исламского права в решении семейных и имущественных споров [1, с. 15]. Обоснование выбора данной темы заключается в необходимости глубокого анализа правового статуса и реальной практики шариатских судов, которые продолжают оставаться объектом дискуссий как в научной среде, так и в общественно-политическом пространстве [2, с. 42]. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, значительным интересом к изучению феномена шариатских судов в условиях британской правовой системы, а с другой – отсутствием единого и исчерпывающего ответа на вопросы о пределах их компетенции, соотношении с государственным правосудием и влиянии на права граждан [3, с. 77]. Теоретическая значимость темы заключается в возможности осмысления диалога исламской и английской правовой культур, а практическая – в оценке перспектив дальнейшего развития правового регулирования и поиска оптимальных моделей сосуществования различных правовых традиций [4, с. 103].

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили англоязычные монографии и статьи, посвящённые функционированию шариатских советов в Великобритании, а также тексты нормативных правовых актов и решения английских судов, отражающие актуальную судебную практику по вопросам взаимодействия религиозных и государственных правовых институтов [5, с. 28; 6, с. 64]. Особое внимание уделялось анализу судебных прецедентов, демонстрирующих пределы признания и легитимации решений шариатских советов в английской правовой системе, что позволяет выявить реальные границы правового плюрализма [7, с. 91].

Методологическая основа исследования включает сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить исламскую и английскую правовые традиции; историко-правовой метод, применённый для изучения генезиса англо-мухаммеданского права и эволюции шариатских институтов в британском контексте; формально-юридический метод, направленный на анализ нормативных актов и судебных решений. Кроме того, использован социолого-правовой подход, позволивший учитывать социальные и культурные факторы функционирования шариатских советов. Комплексное применение данных методов обеспечило объективность исследования и дало

возможность выявить теоретическую и практическую значимость феномена шариатских судов в условиях современной Великобритании.

Результаты и обсуждение

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что система шариатских советов в Великобритании представляет собой своеобразный пример правового плюрализма, при котором религиозные институты функционируют параллельно с государственной судебной системой, не обладая при этом формально закреплённой юрисдикцией. Анализ актуальной судебной практики показывает, что английские суды готовы учитывать решения шариатских органов лишь в той мере, в какой они не противоречат основам английского права и не ущемляют фундаментальные права личности [5, с. 28]. В частности, практика Высокого суда Англии и Уэльса по делам о признании брачно-семейных соглашений, заключённых в шариатских советах, демонстрирует двойственную позицию: с одной стороны, суды не могут полностью игнорировать религиозные нормы, определяющие жизнь мусульманских общин, но с другой — они подчёркивают приоритет положений светского права [6, с. 64].

Анализ судебной практики

В деле *Akhter v Khan* [2020] EWCA Civ 122 истицей Насрин Ахтер утверждалось, что такой союз должен квалифицироваться как «ничтожный брак», что позволило бы ей претендовать на имущественные права при разводе. Ответчик, напротив, настаивал на том, что церемония не соответствовала минимальным требованиям закона о браке 1949 г. и потому вообще не порождала юридических последствий.

Апелляционный суд Англии и Уэльса подтвердил, что никаях, совершённый вне процедур, предусмотренных Законом о браке 1949 г., образует не «ничтожный брак», а «неподходящую церемонию», следовательно, финансовые средства защиты по семейному праву (финансовые приказы) не доступны [8, с. 2; 9, с. 3].

Это решение скорректировало более «гибкий» подход суда первой инстанции и восстановило строгие критерии действительности брака в английском праве. С точки зрения правового плюрализма, кейс показывает пределы юридической силы религиозного обряда без гражданской регистрации: религиозная лояльность не трансформируется в правовой статус без соблюдения требований публичного порядка [8, с. 4].

Мои выводы согласуются с наблюдениями современных исследователей исламского права о консультативной роли шариатских советов и подтверждают тезис об «асимметричном плюрализме», где религиозные

решения действуют лишь внутри частноправовых рамок и под контролем государства [1, с. 15; 2, с. 42].

Что примечательно, в деле *Uddin v Choudhury* [2009] EWCA Civ 1205 спор возник по поводу махра — денежного обязательства мужа, зафиксированного в исламском брачном договоре. Истец требовал взыскания этой суммы после развода, оформленного через шариатский совет. Аргументы ответчика сводились к тому, что подобное обязательство носит исключительно религиозный характер и не должно признаваться английским судом.

Апелляционный суд Англии и Уэльса признал релевантность развода, оформленного Исламским шариатским советом, для разрешения гражданско-правового спора о махре, опираясь на фактические обстоятельства дела; при этом признание носило ограниченный характер и служило целям договорного правоприменения, а не семейно-правовой юрисдикции [10, с. 3–4; 11, с. 9; 12, с. 116]. То есть, махр был признан договорным обязательством, подлежащим защите в английском праве.

Тем самым суды демонстрируют готовность учитывать религиозно-правовые факты как фактические обстоятельства, не подменяя ими нормы английского права. Из данного дела можно сделать вывод, что де-факто шариатские советы чаще выступают платформой медиации, чьи исходы могут быть имплементированы в приказы суда при условии добровольности и соответствия публичному порядку [6, с. 64].

В деле *Qureshi v Qureshi* [1972] Fam 173 рассматривался односторонний развод, объявленный мужем в Англии. Супруга оспаривала признание такого развода, указывая на его несоответствие английскому правопорядку и ущемление её прав. Аргументы ответчика заключались в том, что исламская традиция допускает такой способ расторжения брака, а потому английский суд должен уважать религиозную практику. Однако суд отказался признать развод, совершённый в Англии без участия государственных органов, одновременно допустив возможность признания разводов, совершённых за пределами страны при соблюдении определённых условий.

Ранние подходы к признанию внесударственных разводов стимулировали доктринальные споры о статусе «внесудебных» расторжений брака; дальнейшая эволюция через законодательство о признании иностранных разводов и практику высших судов привела к существенному сужению признания односторонних разводов, совершённых в Англии вне судебных процедур [13, с. 199; 14, с. 326–329]. Таким образом, данное решение подтвердило приоритет английского семейного права и ограничило действие односторонних религиозных разводов на территории Великобритании.

Совокупность рассмотренных дел демонстрирует устойчивую тенденцию в английской судебной практике. Суды допускают использование отдельных элементов исламских брачных соглашений, прежде всего тех, которые могут быть квалифицированы как договорные обязательства (например, махр в деле *Uddin v Choudhury* [2009]). Подобный подход показывает готовность английского права учитывать культурные и религиозные особенности брачно-семейных отношений, но исключительно через призму уже существующих категорий национального законодательства [16, с. 214]. В то же время такие дела, как *Akhter v Khan* [2020], подтверждают жёсткость позиции судов в отношении признания браков, заключённых без государственной регистрации: религиозная церемония никях сама по себе не создаёт брачных правоотношений и не влечёт имущественно-правовых последствий. Судебная аргументация опирается на необходимость защиты правопорядка и единообразия правового регулирования, что рассматривается как гарант равенства перед законом [17, с. 89].

Пример *Qureshi v Qureshi* [1972] также иллюстрирует этот подход: несмотря на признание исламских разводов, совершённых за пределами Великобритании при соблюдении определённых условий, односторонние религиозные разводы внутри страны были отвергнуты. Тем самым закрепляется принцип, что правовые последствия брака и развода на территории Англии и Уэльса могут наступать только при условии соблюдения требований национального права [18, с. 301]. Подобное решение позволило ограничить применение религиозных практик, потенциально дискриминирующих женщин и сохранить приоритет светских норм.

Таким образом, складывается модель «асимметричного правового плюрализма», при которой шариатские нормы признаются лишь в той мере, в какой они совместимы с фундаментальными принципами английского права – равенством, защитой прав личности и верховенством закона [19, с. 55]. Этот вывод соответствует современным исследованиям в области сравнительного права, где отмечается, что Великобритания стремится к «инклюзивной интеграции» культурных и религиозных норм, но не допускает их автономного функционирования вне рамок национальной правовой системы [20, с. 142].

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов относительно функционирования системы шариатских судов и их взаимодействия с английским правопорядком. Во-первых, анализ судебной практики подтверждает, что английские суды занимают последовательную позицию: отдельные элементы исламских брачных соглашений (например, махр) могут признаваться в качестве договорных обязательств, но религиозные браки

и разводы не имеют юридической силы без государственной регистрации. Такая практика демонстрирует приоритет национального законодательства и ограничивает сферу применения религиозных норм.

Во-вторых, результаты исследования показывают, что в Великобритании сложилась модель «асимметричного правового плюрализма», в рамках которой шариатские советы и суды могут функционировать только как вспомогательные структуры, не обладающие статусом официальных судебных органов. Их деятельность имеет консультативный и медиативный характер, но не затрагивает фундаментальные вопросы публичного правопорядка. При этом английские суды периодически обращаются к нормам исламского права через экспертные заключения, что свидетельствует о гибкости и способности правовой системы адаптироваться к культурному многообразию.

В-третьих, исследование подтверждает важность развития правового механизма защиты уязвимых групп, прежде всего женщин, в контексте религиозных практик. Отказ английских судов признавать односторонние разводы или неформальные браки в качестве юридически действительных направлен на предотвращение дискриминации и обеспечение равенства перед законом. Таким образом, судебная практика выполняет функцию не только регулятора, но и гаранта прав человека.

В-четвёртых, полученные результаты позволяют утверждать, что взаимодействие исламского и английского права не приводит к созданию параллельной системы правосудия, а интегрируется в существующую правовую структуру через механизм выборочного признания норм. Это соответствует концепции «инклюзивной интеграции» и отражает стремление сохранить баланс между уважением к религиозным традициям и поддержанием верховенства права.

В целом, проведённый анализ расширяет научное понимание особенностей правового плюрализма в условиях мультикультурного общества и подчёркивает значимость дальнейших исследований в данной области. Перспективными направлениями могут стать более глубокое изучение практики шариатских советов, а также сравнительный анализ британского опыта с правовыми системами других европейских стран, где также существует взаимодействие светского и религиозного права.

References

1 **Bowen, J. R.** On British Islam: Religion, Law, and Everyday Practice in Shari'a Councils. Princeton : Princeton University Press, 2016. 328 p.

2 **Bano, S.** Muslim Women and Shari'ah Councils: Transcending the Boundaries of Community and Law. London : Palgrave Macmillan, 2012. 278 p.

3 **Menski, W.** Islamic Law in Britain: Equality, Diversity and the Law. London : I.B. Tauris, 2006. 368 p.

4 **Shah, P.** Legal Pluralism in Conflict: Coping with Cultural Diversity in Law. London : Routledge, 2005. 256 p.

5 **Griffith-Jones, R.** Islam and English Law: Rights, Responsibilities and the Place of Shari'a. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 320 p.

6 **Douglas, G., Sandberg, R., Doe, N.** Social Cohesion and Civil Law: Marriage, Divorce and Religious Courts. Cardiff : Cardiff University Press, 2011. 210 p.

7 **Yilmaz, I.** Muslim Laws, Politics and Society in Modern Nation States: Dynamic Legal Pluralisms in England, Turkey and Pakistan. Aldershot : Ashgate, 2005. 310 p.

8 HM Attorney General v Akhter & Ors. [2020] EWCA Civ 122 : media summary. London : Judiciary of England and Wales, 2020. 6 p.

9 Case note: From «non marriage» to «non qualifying ceremony» – Attorney General v Akhter & Khan [2020] EWCA Civ 122. Warwick : University of Warwick (WRAP), 2021. 12 p.

10 Uddin v Choudhury & Ors. [2009] EWCA Civ 1205 : judgment. London : Court of Appeal (Civil Division), 2009.

11 Sharia law courts in the UK : briefing paper CDP 2019/0102. London : House of Commons Library, 2019. 25 p.

12 **Mayberry, J.** Alternative dispute resolution (ADR), Islamic marriage, divorce and child custody in England and Wales // Denning Law Journal. 2024. Vol. 33. P. 115–128.

13 **Smart, P. St. J.** The recognition of extra-judicial divorces // International and Comparative Law Quarterly. 1985. Vol. 34, no. 2. P. 392–397.

14 **Collier, J. G.** Conflict of Laws. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 430 p.

15 Case brief: Islamic marriage and divorce in English law – HM Attorney General v Akhter & Anor // Journal of Islamic Law. 2021. Vol. 2. P. 109–114.

16 **Bowen, J.** Why the French Don't Like Headscarves: Islam, the State, and Public Space. Princeton : Princeton University Press, 2007. 214 p.

17 **Menski, W.** Comparative Law in a Global Context: The Legal Systems of Asia and Africa. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 635 p.

18 **Poulter, S.** Muslim divorce in English law // Family Law. 1986. Vol. 16. P. 52–60.

19 **Edge, I.** Islamic Law and Legal Theory. Aldershot : Ashgate, 1996. 350 p.

20 MacEoin D. Sharia Law or «One Law for All»? London : Civitas, 2009. 290 p.

Поступило в редакцию 23.08.25

Поступило с исправлениями 01.09.25.

Принято в печать 22.12.25.

**И. Г. Третьяков*

Санкт-Петербург мемлекеттік университеті,

Ресей Федерациясы, Санкт-Петербург қ.

23.08.25. ж. баспаға түсті.

01.09.25. ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҰЛЫБРИТАНИЯДАҒЫ ШАРИҒАТ СОТТАРЫ ЖҮЙЕСІ: ЕКІ ҚҰҚЫҚТЫҚ ДӘСТҮРДІҢ ҚАТАР ӨМІР СҮРУ ТӘЖІРИБЕСІ

Мақалада Ұлыбританиядағы шариғат соттарының жүйесі исламдық және ағылшындық құқықтық дәстүрлердің қатар өмір сүруінің үлгісі ретінде қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – шариғат кеңестерінің құқықтық мәртебесін, олардың қызметінің ерекшеліктерін және мемлекеттік соттармен өзара әрекеттесуін анықтау. Автор англо-мұхаммедандық құқықтың тарихи тәжірибесіне сүйене отырып, ислам нормаларының британдық жүйеге интеграциясы терең тамыры бар екенін атап өтеді. Шариғат соттарының негізгі құзырет салалары – отбасы істері, мұрагерлік және мүліктік даулар талданады. Ерекше көңіл тараптардың теңдігін қамтамасыз етуге, әйелдер мен әлсіз топтардың құқықтарын қорғауға және діни рәсімдерге қатысу еріктілігіне аударылады. Шариғат кеңестерінің шешімдерін ағылшын соттарының тану шегін көрсететін сот тәжірибесі мысалдары қарастырылады. Зерттеу нәтижесінде шариғат кеңестері құқықтық плюрализм аясында пайдалы қызмет атқара алатыны, бірақ ашықтықты, рәсімдерді стандарттауды және құқық үстемдігінің негізгі қағидаттарына бағынуды талап ететіні тұжырымдалады. Мақала тарихи және құқықтық талдауды үйлестіре отырып, исламдық және ағылшындық құқықтық мәдениеттер арасындағы диалогты реформалау мен дамыту бойынша ұсыныстар береді.

Кілтті сөздер: Шариғат соттары, ислам құқығы, ағылшын құқығы, құқықтық плюрализм, шариғат кеңестері, отбасылық даулар, құқықтық мәдениет.

*I. G. Tretyakov

Saint Petersburg State University,
Russian Federation, Saint Petersburg.
Received 23.08.25.

Received in revised form 01.09.25.

Accepted for publication 22.12.25.

SYSTEM OF SHARIA COURTS IN THE UNITED KINGDOM: EXPERIENCE OF COEXISTENCE OF TWO LEGAL TRADITIONS

The article examines the system of Sharia courts in the United Kingdom as an example of the coexistence of two legal traditions – Islamic and English. The purpose of the study is to identify the legal status of Sharia councils, the specifics of their functioning, and their interaction with state courts. The author refers to the historical experience of Anglo-Muhammadan law, emphasizing that the integration of Islamic norms into the British system has deep roots. The analysis focuses on the main areas of Sharia councils' competence: family law, inheritance, and property disputes. Particular attention is paid to issues of equality of the parties, protection of the rights of women and vulnerable groups, and the voluntariness of participation in religious procedures. Examples of judicial practice are considered, demonstrating the limits of recognition of Sharia council decisions by English courts. The study concludes that Sharia councils can serve a useful function within the framework of legal pluralism but require transparency, standardized procedures, and subordination to the fundamental principles of the rule of law. The article combines historical and legal analysis, offering recommendations for reform and for developing a constructive dialogue between Islamic and English legal cultures.

Keywords: Sharia courts, Islamic law, English law, legal pluralism, Sharia councils, family disputes, legal culture.

МРНТИ 10.77.01

<https://doi.org/10.48081/WZRN4252>

***Ч. Е. Тыныбаев**

Торайғыров университет,
Республика Казахстан, г. Павлодар.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1597-5852>

*e-mail: chigiz.tynybaev@mail.ru

ГИБРИДНЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМА, ТЕРРОРИЗМА И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Современные угрозы национальной безопасности приобретают всё более сложный, комплексный и транснациональный характер, что требует переосмысления традиционных моделей правового регулирования и государственного управления в сфере безопасности. В данной статье рассматривается феномен гибридных угроз, возникающих в результате взаимодействия экстремизма, терроризма и организованной преступности, которые объединяются в устойчивые нелегальные сети, обладающие высокой адаптивностью и скрытностью. Для Республики Казахстан, учитывая его геополитическое положение, этноконфессиональную многосоставность и участие в глобальных интеграционных процессах, проблема гибридных угроз становится особенно актуальной.

В процессе исследования проведён теоретический анализ сущности гибридных угроз, выявлена специфика их формирования и развития, а также обоснована необходимость их правового осмысления в рамках национальной правовой системы. Отмечено, что действующее казахстанское законодательство в сфере противодействия экстремизму, терроризму и организованной преступности носит фрагментарный характер, что снижает эффективность борьбы с комплексными формами угроз, в которых данные явления тесно переплетены и взаимно усиливают друг друга. Особое внимание уделено проблеме правовой квалификации совмещённых деяний, вопросам межведомственной координации, а также дефициту современных

нормативных механизмов, позволяющих учитывать новые формы угроз в киберпространстве, финансовой и информационной сферах.

В статье предложены направления совершенствования правового и организационного обеспечения противодействия гибридным угрозам в Казахстане, включая разработку специализированной нормативной базы, усиление межведомственного взаимодействия, развитие правового регулирования в сфере кибербезопасности, контроля финансовых потоков, использования криптовалют и анонимных коммуникационных технологий. Особый акцент сделан на необходимости соблюдения прав человека и правовых гарантий в процессе реализации мер противодействия, что является важным условием сохранения легитимности государственной политики безопасности.

Ключевые слова: безопасность, гибридные угрозы, экстремизм, терроризм, преступность.

Введение

Современные угрозы национальной безопасности характеризуются всё большей сложностью и многоуровневостью, что требует переосмысления традиционных подходов к их исследованию и нейтрализации. Одним из таких явлений становятся гибридные угрозы, возникающие на пересечении различных форм деструктивной деятельности, таких как экстремизм, терроризм и организованная преступность. Взаимодействие этих явлений приводит к формированию новых рисков, обладающих высокой адаптивностью, транснациональным характером и способностью эффективно использовать слабости государственных институтов. Республика Казахстан, находящаяся на пересечении важнейших геополитических, экономических и этноконфессиональных маршрутов, сталкивается с возрастающей актуальностью гибридных угроз в системе обеспечения внутренней и внешней безопасности.

Особую опасность представляет тесное переплетение организованной преступности с террористическими и экстремистскими структурами, которые, используя схожие методы нелегальной деятельности, финансовых потоков и нелегальных сетей, усиливают дестабилизационный потенциал друг друга. Такая взаимосвязь создает значительные сложности для правоохранительных органов, органов национальной безопасности и системы государственного управления в целом, требуя разработки новых интегрированных моделей противодействия. Необходимо отметить, что правовая система Казахстана, формировавшаяся в условиях классического разделения угроз, ещё не в полной мере адаптирована к вызовам гибридного характера,

что обуславливает необходимость научного осмысления и нормативно-правового совершенствования.

Настоящая статья посвящена анализу феномена гибридных угроз национальной безопасности Республики Казахстан, исследованию специфики взаимодействия экстремизма, терроризма и организованной преступности, а также выработке направлений совершенствования правовых и организационных механизмов противодействия подобным комплексным вызовам.

Материалы и методы

Для исследования проблемы используются теоретический анализ литературы и статистический анализ, логический анализ, исторические методы и методы анализа административного законодательства и нормативных правовых актов.

Результаты и обсуждение

Единая система органов юстиции: Министерство юстиции Республики Казахстан; Комитеты Министерства юстиции Республики Казахстан; территориальные органы юстиции; органы уголовно-исполнительной системы; органы исполнительного производства; учреждений и других подведомственных организаций.

Теоретические основы гибридных угроз национальной безопасности.

Современная система национальной безопасности сталкивается с качественно новыми угрозами, которые невозможно эффективно анализировать и нейтрализовать в рамках традиционных концепций. Гибридные угрозы представляют собой совокупность многообразных деструктивных воздействий, сочетающих в себе элементы различных угроз — военных, политических, экономических, информационных, а также правонарушений экстремистской, террористической и организованной преступной направленности. Особенностью гибридных угроз является их сложная синергия, при которой отдельные элементы усиливают дестабилизационный потенциал друг друга, образуя качественно новый уровень опасности для государства, общества и отдельных его институтов. Такая трансформация угроз требует от правовых и силовых структур переосмысления подходов к их классификации, идентификации и нейтрализации [1, с. 42].

В основе гибридных угроз лежит стратегическое использование противником не только силовых методов, но и широкого спектра нелегальных, нелинейных и скрытых воздействий, охватывающих сферы идеологии, экономики, киберпространства, информационной пропаганды и финансовых потоков. Сочетание экстремизма, терроризма и организованной преступности в единой системе гибридных угроз приводит к формированию устойчивых транснациональных сетей, обладающих высокой мобильностью,

ресурсной обеспеченностью и сложной системой маскировки своей деятельности. При этом каждый из указанных элементов в отдельности обладает собственными источниками угроз, но в совокупности они создают эффекты взаимного усиления.

Экстремизм, выступая как идеологическая и социально-психологическая основа, обеспечивает идеологическое обоснование и мотивацию для действий, направленных против основ конституционного строя, общественной стабильности и правопорядка. Терроризм трансформирует эти установки в насильственные акты, направленные на запугивание населения, дестабилизацию органов государственной власти и привлечение внимания к идеологическим целям через акты публичного насилия. Организованная преступность, в свою очередь, предоставляет террористическим и экстремистским структурам логистическую, финансовую и материально-техническую поддержку, используя сложившиеся нелегальные каналы финансовых потоков, торговли оружием, наркотрафика, отмывания денег, нелегальной миграции и контрабанды [2, с. 67].

Особую опасность представляет взаимная адаптация этих структур, когда террористические группы начинают использовать криминальные методы для финансирования своей деятельности, а преступные организации обращаются к идеологическим мотивам для легитимации своих действий или расширения влияния на определённые социальные группы. Возникает своеобразная симбиотическая связь, в которой экстремизм и терроризм получают ресурсы, а организованная преступность расширяет своё влияние и укрепляет устойчивость своих сетей. Такая интеграция затрудняет правовую квалификацию деяний, усложняет процесс оперативно-розыскной деятельности, требует новых организационных моделей межведомственного взаимодействия и выработки комплексных правовых подходов.

Для Республики Казахстан актуальность изучения гибридных угроз усиливается геополитическим положением страны, её мультиэтничным и мультиконфессиональным характером общества, а также наличием внешних и внутренних факторов риска. На фоне общей стабильности сохраняются очаги уязвимости, которые могут быть использованы транснациональными криминальными сетями и экстремистскими структурами для создания дестабилизационных процессов. Кроме того, современные формы гибридных угроз активно используют современные информационные и цифровые технологии, включая киберугрозы, фальсификацию информации, пропаганду и радикализацию через интернет-пространство, что требует дополнительных усилий со стороны государства в сфере кибербезопасности и правового регулирования информационного пространства [3, с. 13].

Гибридные угрозы национальной безопасности характеризуются высоким уровнем сложности, междисциплинарностью и необходимостью интеграции правовых, организационных, силовых и профилактических мер для их эффективной нейтрализации. Научное осмысление природы гибридных угроз является необходимым предварительным условием для формирования адекватной правовой политики в сфере их предупреждения и пресечения.

Правовое регулирование противодействия гибридным угрозам в Казахстане: текущее состояние.

Правовая система Республики Казахстан формировалась в условиях преобладания классических угроз безопасности, в которых экстремизм, терроризм и организованная преступность рассматривались как относительно самостоятельные явления.

Законодательные акты, регулирующие данные сферы, создавались независимо друг от друга и ориентировались на борьбу с каждым видом угроз отдельно, без комплексного учёта их возможной взаимосвязи и усиления. Закон Республики Казахстан «О противодействии терроризму» определяет меры по предотвращению и ликвидации террористической деятельности, предусматривая правовые механизмы силового реагирования, профилактической работы и защиты населения. Закон «О противодействии экстремизму» концентрируется преимущественно на идеологической составляющей и профилактике деструктивных проявлений, направленных на нарушение общественного порядка и конституционного строя.

Организованная преступность регулируется в рамках уголовного законодательства и специальных программ по борьбе с коррупцией, экономическими преступлениями и транснациональной преступностью [4, с. 88].

Несмотря на наличие обширной нормативной базы в каждой из указанных сфер, правовое регулирование противодействия гибридным угрозам как комплексному и взаимосвязанному явлению остаётся недостаточно разработанным. Отсутствие специального правового инструментария, позволяющего учитывать перекрёстные связи между экстремистскими организациями, террористическими группировками и организованной преступностью, приводит к разрозненности усилий различных государственных органов. Система межведомственного обмена информацией функционирует фрагментарно, а координация действий ограничивается общими соглашениями о взаимодействии, что не позволяет в полной мере учитывать сложную природу гибридных угроз.

Особую сложность представляет правовая квалификация действий, совмещающих элементы террористической деятельности и организованной преступности, поскольку действующее уголовное законодательство не

всегда позволяет комплексно отразить все аспекты подобной деятельности. Например, финансовое обеспечение терроризма зачастую обеспечивается за счёт доходов от преступной деятельности, такой как наркоторговля или торговля людьми, однако действующая система уголовной ответственности зачастую разъединяет эти деяния, что затрудняет полное привлечение виновных к ответственности в рамках комплексных дел [5, с. 59].

Важной особенностью является также недостаточная адаптация правовой базы к новым формам цифровых и кибергибридных угроз, где активно используются анонимные сети, криптовалюты, цифровые каналы пропаганды и вербовки, что требует развития нормативного регулирования в сфере кибербезопасности, электронных платежей и международного сотрудничества в области информационного обмена. Казахстан уже предпринимает шаги в данном направлении, однако правовая система ещё не обладает необходимым уровнем оперативности и гибкости в реагировании на новые технологические вызовы [6, с. 75].

Существующее правовое регулирование в Республике Казахстан закладывает основу для борьбы с экстремизмом, терроризмом и организованной преступностью как с отдельными явлениями, но требует дальнейшего развития в части учета их взаимосвязей и формирования комплексной системы противодействия гибридным угрозам [7, с. 31].

Перспективы совершенствования правовых и организационных механизмов противодействия гибридным угрозам.

Совершенствование правовых механизмов противодействия гибридным угрозам в Казахстане предполагает необходимость перехода от фрагментарной модели регулирования к комплексной интегрированной системе. Основным направлением становится формирование специализированной правовой базы, отражающей синергетическую природу взаимодействия экстремизма, терроризма и организованной преступности. Это требует закрепления на законодательном уровне понятия гибридных угроз и выработки соответствующего понятийного аппарата, который позволит унифицировать правоприменительную практику и облегчить квалификацию совмещённых деяний [8, с. 96].

Организационная система противодействия также нуждается в развитии межведомственного взаимодействия, которое должно опираться не только на текущие соглашения, но и на закреплённые законом процедуры обмена информацией, совместного планирования операций и анализа совместных рисков. Для этого целесообразно создание постоянных координационных структур, обладающих правом интегрировать усилия органов национальной безопасности, полиции, финансовых институтов, таможенных органов, под-

разделений кибербезопасности, а также международных партнёров в рамках антикриминальных и антитеррористических соглашений [9, с. 24].

Особую роль должно играть развитие правовых механизмов превентивной деятельности, включающей раннюю идентификацию факторов радикализации, финансовых каналов поддержки преступных сетей, а также использование современных цифровых технологий анализа больших данных и предиктивной аналитики для выявления потенциальных угроз на ранних стадиях. Развитие правовых норм в области контроля над оборотом криптовалют, анонимных платежных систем, сетевых коммуникаций и информационных потоков является необходимым условием нейтрализации новых форм гибридных угроз.

Ключевым элементом остаётся соблюдение прав человека и гарантий правовой защиты в процессе противодействия гибридным угрозам. Усиление полномочий правоохранительных органов должно сопровождаться надлежащим судебным контролем, прозрачностью процедур и наличием эффективных механизмов общественного контроля, что позволит обеспечить баланс между эффективностью государственной безопасности и соблюдением конституционных прав и свобод граждан [10, с. 53].

Перспективы совершенствования системы противодействия гибридным угрозам в Казахстане заключаются в построении единой правовой и организационной модели, способной учитывать сложность современных угроз и обеспечивать своевременное, сбалансированное и эффективное реагирование на их проявления.

Выводы

Гибридные угрозы, сочетающие элементы экстремизма, терроризма и организованной преступности, представляют серьёзный вызов национальной безопасности Казахстана. Действующая правовая система частично охватывает указанные сферы, однако недостаточно учитывает их взаимосвязь и синергетический характер. Для эффективного противодействия необходима комплексная правовая база, интегрирующая регулирование данных угроз, а также развитие межведомственного взаимодействия, современных инструментов анализа рисков и превентивных мер. Важнейшим остаётся соблюдение прав человека и обеспечение правовых гарантий при реализации мер противодействия гибридным угрозам.

Список использованных источников

1 Абилгазин, Г. С. Уголовное право РК. Общая часть : Учеб. пособ. – Костанай, 2021.

2 **Акимжанов, Т. О.** некоторых проблемах изучения организованной преступности // Правовая реформа в Казахстане. – 2022. – № 4 (100).

3 **Каиргельдинова А.** Организованная преступность – стоп... в стране возрастает активность преступников-гастролеров // Литература. – 2020. – 30 января.

4 **Мукашов, С. З.** Криминалистические аспекты борьбы с международной организованной преступностью // Фемида. – 2021.

5 **Пашаев, Х. П.** Криминалистическая характеристика транснациональной организованной преступности // Казахстанская полиция. – 2020. – № 5.

6 **Смагулов, Д. К.** Международные стандарты в области уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан. – Алматы: Жети Жаргы, 2021. – С. 264.

7 **Тлеугалиев, Р. Б.** Правовые основы противодействия транснациональной преступности в Казахстане // Вестник юристов Казахстана. – 2022. – № 3. – С. 45–52.

8 **Абикенов А. Ж.** Особенности имплементации международных норм в законодательство РК по борьбе с терроризмом. – Астана: Институт стратегических исследований, 2020. – С. 198.

9 **Жарасхан, М. Р.** Стратегия развития безопасности Казахстана до 2030 года : угрозы и приоритеты // Национальная безопасность и право. – 2021. – № 6. – С. 99–108.

10 **Ержанова, Л. С.** Криминалистический анализ деятельности организованных преступных групп в странах Центральной Азии. – Шымкент : Университетское издательство, 2023. – С. 247.

References

1 **Abilgazin, G. S.** Uголовное право Respubliki Kazakhstan. Obshchaya chast': Uchebnoe posobie [Criminal Law of the Republic of Kazakhstan. General Part : Textbook] [Text]. – Kostanay, 2021.

2 **Akimzhanov, T. O.** nekotorykh problemakh izucheniya organizovannoy prestupnosti // Pravovaya reforma v Kazakhstane [On Some Problems of Studying Organized Crime. Legal Reform in Kazakhstan] [Text]. – 2022. – No. 4 (100).

3 **Kairgeldinova, A.** Organizovannaya prestupnost' – stop... v strane vozrastaet aktivnost' prestupnikov-gastrolerov // Literatura [Organized Crime – Stop... The Country Sees Rising Activity of Criminal Tourists. Literature] [Text]. – 2020. – January 30.

4 **Mukashov, S. Z.** Kriminalisticheskie aspekty bor'by s mezhdunarodnoy organizovannoy prestupnost'yu // Femida [Criminalistic Aspects of Combating International Organized Crime. Femida] [Text]. – 2021.

5 **Pashaev, Kh. P.** Kriminologicheskaya kharakteristika transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti // Kazakhstanskaya politsiya [Criminological Characteristics of Transnational Organized Crime. Kazakhstani Police] [Text]. – 2020. – No. 5.

6 **Smagulov, D. K.** Mezhdunarodnye standarty v oblasti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Respubliki Kazakhstan [International Standards in the Penal System of the Republic of Kazakhstan] [Text]. – Almaty : Zhety Zhargy, 2021. – P. 264.

7 **Tleugaliyev, R. B.** Pravovye osnovy protivodeystviya transnatsional'noy prestupnosti v Kazakhstane [Legal Foundations of Combating Transnational Crime in Kazakhstan] // Vestnik yuristov Kazakhstana [Bulletin of Kazakhstani Lawyers] [Text]. – 2022. – No. 3. – P. 45–52.

8 **Yerzhanova, L. S.** Kriminologicheskii analiz deyatel'nosti organizovannykh prestupnykh grupp v stranakh Central'noy Azii [Criminological Analysis of Organized Criminal Group Activity in Central Asian Countries] [Text]. – Shymkent: Universitetskoye izdatel'stvo, 2023. – P. 247.

9 **Abikenov, A. Zh.** Osobennosti implementatsii mezhdunarodnykh norm v zakonodatel'stvo RK po bor'be s terrorizmom [Features of Implementing International Norms in the Legislation of the Republic of Kazakhstan on Combating Terrorism] [Text]. – Astana: Institut strategicheskikh issledovaniy, 2020. – P. 198.

10 **Zharaskhan, M. R.** Strategiya razvitiya bezopasnosti Kazakhstana do 2030 goda: ugrozy i priority // Natsional'naya bezopasnost' i pravo [Kazakhstan's Security Strategy until 2030 : Threats and Priorities. National Security and Law] [Text]. – 2021. – No. 6. – P. 99–108.

Поступило в редакцию 20.06.25

Поступило с исправлениями 25.06.25.

Принято в печать 22.12.25.

*Ч. Е. Тыныбаев

Торайғыров университет

Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

20.06.25. ж. баспаға түсті.

25.06.25. ж. түзетулерімен түсті.

22.12.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҰЛТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІҢ ГИБРИДТІ ҚАТЕРЛЕРІ: ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭКСТРЕМИЗМ, ТЕРРОРИЗМ ЖӘНЕ ҰЙЫМДАСҚАН ҚЫЛМЫСТЫҢ ӨЗАРА ІС-ҚИМЫЛЫ

Ұлттық қауіпсіздікке қазіргі заманғы қауіп-қатерлер барған сайын күрделі, жан-жақты және трансұлттық сипатқа ие болуда, бұл қауіпсіздік саласындағы құқықтық реттеу мен мемлекеттік басқарудың дәстүрлі модельдерін қайта қарастыруды талап етеді. Бұл мақалада экстремизм, терроризм және ұйымдасқан қылмыстың өзара әрекеттесуінен туындайтын гибриді қауіптер құбылысы қарастырылады, олар жоғары бейімделгіштік пен жасырындыққа ие тұрақты заңсыз желілерге біріктіріледі. Қазақстан Республикасы үшін оның геосаяси жағдайын, этноконфессиялық көпқұрастығын және жаһандық интеграциялық процестерге қатысуын ескере отырып, гибриді қатерлер проблемасы ерекше өзекті болып отыр.

Зерттеу барысында гибриді қауіптердің мәніне теориялық талдау жүргізілді, олардың қалыптасуы мен дамуының ерекшелігі анықталды, сондай-ақ ұлттық құқықтық жүйе шеңберінде оларды құқықтық түсіну қажеттілігі негізделді. Экстремизмге, терроризмге және ұйымдасқан қылмысқа қарсы іс-қимыл саласындағы қолданыстағы қазақстандық заңнама фрагменттік сипатқа ие, бұл осы құбылыстар бір-бірімен тығыз байланысты және өзара күшейтетін қауіптердің кешенді түрлеріне қарсы күрестің тиімділігін төмендетеді. Бірлескен іс-әрекеттердің құқықтық біліктілігі мәселесіне, ведомствоаралық үйлестіру мәселелеріне, сондай-ақ киберкеңістіктегі, қаржылық және ақпараттық салалардағы қауіптердің жаңа нысандарын ескеруге мүмкіндік беретін қазіргі заманғы нормативтік тетіктердің тапшылығына ерекше назар аударылды.

Мақалада мамандандырылған нормативтік базаны әзірлеуді, ведомствоаралық өзара іс-қимылды күшейтуді, киберқауіпсіздік

саласындағы құқықтық реттеуді дамытуды, қаржы ағындарын бақылауды, криптовалюталар мен анонимді коммуникациялық технологияларды пайдалануды қоса алғанда, Қазақстанда гибриді қатерлерге қарсы іс-қимылды құқықтық және ұйымдастырушылық қамтамасыз етуді жетілдіру бағыттары ұсынылған. Қарсы іс-қимыл шараларын іске асыру процесінде адам құқықтары мен құқықтық кепілдіктерді сақтау қажеттілігіне ерекше назар аударылды, бұл мемлекеттік қауіпсіздік саясатының заңдылығын сақтаудың маңызды шарты болып табылады.

Кілтті сөздер: қауіпсіздік, гибриді қауіптер, экстремизм, терроризм, қылмыс.

*Ch. E. Tynybaev

Toraighyrov University,

Republic of Kazakhstan, Pavlodar.

Received 20.06.25.

Received in revised form 25.06.25.

Accepted for publication 22.12.25.

HYBRID THREATS TO NATIONAL SECURITY: THE INTERACTION OF EXTREMISM, TERRORISM, AND ORGANIZED CRIME IN KAZAKHSTAN

Modern threats to national security are becoming increasingly complex, complex and transnational in nature, which requires rethinking traditional models of legal regulation and public administration in the field of security. This article examines the phenomenon of hybrid threats arising from the interaction of extremism, terrorism and organized crime, which combine into stable illegal networks with high adaptability and secrecy. For the Republic of Kazakhstan, given its geopolitical position, ethno-confessional diversity and participation in global integration processes, the problem of hybrid threats is becoming particularly relevant.

In the course of the research, a theoretical analysis of the essence of hybrid threats was carried out, the specifics of their formation and development were identified, and the need for their legal understanding within the framework of the national legal system was substantiated. It is noted that the current Kazakh legislation in the field of countering extremism, terrorism and organized crime is fragmented, which reduces the effectiveness of combating complex forms of threats in which these

phenomena are closely intertwined and mutually reinforce each other. Special attention is paid to the problem of legal qualification of combined acts, issues of interdepartmental coordination, as well as the lack of modern regulatory mechanisms that allow taking into account new forms of threats in cyberspace, financial and information spheres.

The article suggests ways to improve the legal and organizational support for countering hybrid threats in Kazakhstan, including the development of a specialized regulatory framework, strengthening interdepartmental cooperation, developing legal regulation in the field of cybersecurity, financial flow control, the use of cryptocurrencies and anonymous communication technologies. Special emphasis is placed on the need to respect human rights and legal guarantees in the process of implementing counteraction measures, which is an important condition for maintaining the legitimacy of the state security policy.

Keywords: security, hybrid threats, extremism, terrorism, crime.

ВТОРЛАР ТУРАЛЫ АҚПАРАТ

Ажибаева Жанна Кабиденовна, заңтану магистрі, аға оқытушысы, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: jannaaim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3028-043X>

Бексултанов Алдияр Сагындыкович, оқытушысы, «Құқықтану» кафедрасы, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140000, Қазақстан Республикасы, e-mail: bek_aldiyar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6049-1647>

Бүркіт Мәлике Қаршығақызы, магистрант, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: burkitmalika54@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4177-7037>

Ганикель Артур Александрович, магистрант, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: ar_tur_ganikel@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7746-1576>

Жарылғасова Дана Арманқызы, Орман шаруашылығы бөлімінің бастығы, «Павлодар облысы әкімдігінің жер қойнауын пайдалану, қоршаған орта және су ресурстары басқармасы» мемлекеттік мекемесі, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: a.zharylgasova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3679-520X>

Жетписов Адильхан Серикович, магистрант, «Құқықтану» кафедрасы Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140000, Қазақстан Республикасы, e-mail: a_zhetpisov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4186-4805>

Жунусов Адлет Каирбекович, полиция қызметкері, Павлодар облысының полиция департаменті, Павлодар қ., 140000, Қазақстан Республикасы, e-mail: adletzhunusov717@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0026-3125-1354>

Калиев Аскар Абужанович, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясы, Қосшы қ. Қазақстан Республикасы, <https://orcid.org/0009-0006-3621-7107>

Мутишов Олжас Бейсенбекович, бас маман, «Мойылды ауылы әкімінің аппараты» ММ, Павлодар қ., 140000, Қазақстан Республикасы, e-mail: Mutishov.olzhas@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1468-8299>

Оралбек Ерлан Төлеуұлы, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясының Кәсіптік оқыту институтының прокурорлық қадағалау кафедрасының доценті, Қосшы қ. 021804, Қазақстан Республикасы, e-mail: erlanoralbek1980@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-0811-8436>

Сентова Гайникамал Хайруллаевна, заңтану магистрі, аға оқытушысы, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан

Республикасы, email: gainikamal_seitova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4899-4693>

Темиров Сержан Рахметтолинович, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясы, Қосшы қ., Қазақстан Республикасы, <https://orcid.org/0009-00093766-4146>

Третьяков Иван Геннадьевич, студент, Санкт-Петербург мемлекеттік университеті, Санкт-Петербург қ., 196240, Ресей Федерациясы, e-mail: ivantretyak19@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6423-5579>

Тыныбаев Шыңғыс Ерназарұлы, магистрант, «Құқықтану» кафедрасы, «Торайғыров университеті», Павлодар қ., 140007, Қазақстан Республикасы, e-mail: chigiz.tynybaev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1597-5852>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ажибаева Жанна Кабиденовна, магистр юриспруденции, старший преподаватель, Торайғыров университет, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: jannaaaim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3028-043X>

Бексултанов Алдияр Сагындыкович, Преподаватель, кафедра «Правоведение», Торайғыров Университет, г. Павлодар 140000, Республика Казахстан, e-mail: bek_aldiyar@mail.ru, [0000-0001-6049-1647](https://orcid.org/0000-0001-6049-1647)

Буркит Малика Каршыгақызы, магистрант, Торайғыров университет, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: burkitmalika54@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4177-7037>

Ганикель Артур Александрович, магистрант, Торайғыров университет, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: artur_ganikel@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7746-1576>

Жарылгасова Дана Армановна, руководитель, отдел лесного хозяйства, ГУ «Управление недропользования, окружающей среды и водных ресурсов акимата Павлодарской области», г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: a.zharylgasova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3679-520X>

Жетписов Адильхан Серикович, магистрант, кафедра «Правоведение» Торайғыров Университет, г. Павлодар 140000, Республика Казахстан, e-mail: a_zhetpisov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4186-4805>

Жунусов Адлет Каирбекович, сотрудник полиции, Департамент полиции Павлодарской области, г. Павлодар, 140000, Республика Казахстан, e-mail: adletzhunusov717@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0026-3125-1354>

Калиев Аскар Абужанович, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, г. Косшы, Республика Казахстан, <https://orcid.org/0009-0006-3621-7107>

Мутишов Олжас Бейсенбекович, главный специалист, ГУ «Аппарат акима села Мойылды», г. Павлодар, 140000, Республика Казахстан, e-mail: Mutishov.olzhas@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1468-8299>

Оралбек Ерлан Төлеуұлы, доцент, кафедра «Прокурорского надзора» Институт профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, г. Косшы 021804, Республика Казахстан, e-mail: erlanoralbek1980@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-0811-8436>

Сеитова Гайникамал Хайруллаевна, магистр юриспруденции, старший преподаватель, Торайғыров университет, г. Павлодар, 140008,

Республика Казахстан, email: gainikamal_seitova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4899-4693>

Темиров Сержан Рахметтолинович, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, г. Косшы, Республика Казахстан, <https://orcid.org/0009-00093766-4146>

Третьяков Иван Геннадьевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 196240, Российская Федерация, e-mail: ivantretyak19@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6423-5579>

Тыныбаев Чингиз Ерназарович, магистрант, кафедра «Правоведение», Торайғыров Университет, г. Павлодар, 140007, Республика Казахстан, e-mail: chigiz.tynybaev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1597-5852>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Azhibayeva Zhanna Kabidenovna, Master of Jurisprudence, Senior Lecturer at Toraighyrov University, 140000, Pavlodar, Republic of Kazakhstan, e-mail: jannaaim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3028-043X>

Bexultanov Aldiyar Sagyndykovich, Lecturer of the Department of Law of the Toraighyrov University, Pavlodar, 140000, Republic of Kazakhstan, e-mail: bek_aldiyar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6049-1647>

Burkit Malika Karshygyakzy, Master's student, Toraighyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: burkitmalika54@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4177-7037>

Ganikel Artur Alexandrovich, master's student, Toraighyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: artur_ganikel@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7746-1576>

Kaliev Askar Abuzhanovich, Academy of Law Enforcement Agencies, at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kossy, Republic of Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0006-3621-7107>

Mutishov Olzhas Beisenbekovich, Chief Specialist, State Institution «Office of Akim of the village of Moylydy», Pavlodar, 140000, Republic of Kazakhstan, e-mail: Mutishov.olzhas@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1468-8299>

Seitova Gainikamal Khairullayevna, Senior Lecturer at Toraighyrov University, 140000, Pavlodar, Republic of Kazakhstan, e-mail : gainikamal_seitova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4899-4693>

Temirov Serzhan Rakhmettolinovich, Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Kossy, Republic of Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-00093766-4146>

Tretyakov Ivan Gennadievich, student, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 196240, Russian Federation, e-mail: ivantretyak19@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6423-5579>

Tynybaev Chingiz Yernazarovich, Master's student of the, Department of Law, Toraighyrov University, Pavlodar, 140007, Republic of Kazakhstan, e-mail: chigiz.tynybaev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1597-5852>

Zharylgasova Dana Armanovna, State Institution «Department of Subsoil Use, Environment and Water Resources of the Akimat of Pavlodar Region», Head of the Forestry Department, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: a.zharylgasova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3679-520X>

Zhetpisov Adilkhan Serikovich, Master's student of the Department of «Jurisprudence» of «Toraighyrov University», Republic of Kazakhstan, Pavlodar 140000, e-mail: a_zhetpisov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4186-4805>

Zhunusov Adlet Kairbekovich, Police officer, Pavlodar region Police Department, Pavlodar c., 140000, Republic of Kazakhstan, e-mail: adletzhunusov717@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0026-3125-1354>

Оралбек Ерлан Төлеуұлы, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision at the Institute of Professional Training of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan, Kossy 021804, e-mail: erlanoralbek1980@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-0811-8436>

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ТОРАЙГЫРОВ УНИВЕРСИТЕТА» ЮРИДИЧЕСКАЯ СЕРИЯ»

Редакционная коллегия просит авторов руководствоваться следующими правилами при подготовке статей для опубликования в журнале.

Научные статьи, представляемые в редакцию журнала должны быть оформлены согласно базовым издательским стандартам по оформлению статей в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов», пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

- В номер допускается не более одной рукописи от одного автора либо того же автора в составе коллектива соавторов.

- Количество соавторов одной статьи не более 5.

- Степень оригинальности статьи должна составлять не менее 60 % (согласно решению редакционной коллегии).

- Направляемые статьи не должны быть ранее опубликованы, не допускается последующее опубликование в других журналах, в том числе переводы на другие языки.

- Решение о принятии рукописи к опубликованию принимается после проведения процедуры рецензирования.

- Двойное рецензирование (слепое) проводится конфиденциально, автору не сообщается имя рецензента, а рецензенту – имя автора статьи.

- Квитанция об оплате предоставляется после принятия статей к публикации. Стоимость публикации в журнале составляет 3 600 (три тысячи шестьсот) тенге.

- Докторантам НАО «Торайғыров университет» и иностранным авторам (без казахстанских соавторов) публикация в журнале бесплатно.

Если статья отклонена антиплагиатом или рецензентом статья возвращается автору на доработку. Автор может повторно отправить статью на антиплагиат или рецензирования 1 раз. Ответственность за содержание статьи несет автор.

Редакция не занимается литературной и стилистической обработкой статьи.

Статьи, оформленные с нарушением требований, к публикации не принимаются и возвращаются авторам.

Датой поступления статьи считается дата получения редакцией ее окончательного варианта.

Статьи публикуются по мере поступления. Журнал формируется исходя из количества не более 30 статей в одном номере.

Периодичность издания журналов – 4 раза в год (ежеквартально).

Сроки подачи статьи:

- первый квартал до 10 февраля;
- второй квартал до 10 мая;
- третий квартал до 10 августа;
- четвертый квартал до 10 ноября.

Журнал «Вестник Торайғыров университета. Юридическая серия» выпускается с периодичностью 4 раза в год в сетевом (электронном) формате в следующие установленные сроки выхода номеров журнала:

- первый номер выпускается до 30 марта текущего года;
- второй номер – до 30 июня;
- третий номер – до 30 сентября;
- четвертый номер – до 30 декабря.

Статью (электронную версию и квитанции об оплате) следует направлять на сайт: <https://vestnik.tou.edu.kz/>.

Для подачи статьи на публикацию необходимо пройти регистрацию на сайте.

Автор, который внес наибольший интеллектуальный вклад в подготовку рукописи (при двух и более соавторах), является автором-корреспондентом и обозначается «*».

Авторы из разных учебных заведений указываются цифрами ^{1,2}.

Для осуществления процедуры двойного рецензирования (слепого), авторам необходимо отправлять два варианта статьи: первый – с указанием личных данных, второй – без указания личных данных. При нарушении принципа слепого рецензирования статья не рассматривается.

Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии со следующими правилами:

– В журналы принимаются статьи по всем научным направлениям, в электронном варианте со всеми материалами в текстовом редакторе «Microsoft Office Word (97, 2000, 2007, 2010) для Windows» (в форматах .doc, .docx, .rtf).

– Общий объем статьи, включая аннотации, литературу, таблицы, рисунки и математические формулы должен составлять **не менее 5 и не более 12 страниц печатного текста. Поля страниц – 30 мм со всех сторон листа; Текст статьи: кегль – 14 пунктов, гарнитура – Times New Roman (для русского, английского и немецкого языков), KZ Times New Roman (для казахского языка).**

Структура научной статьи включает название, аннотация, ключевые слова, основные положения, введение, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение, выводы, информацию о финансировании (при наличии), список использованных источников (литературы) к каждой статье, включая романизированный (транслитерированный латинским алфавитом) вариант написания источников на кириллице (на казахском и русском языках) *см. ГОСТ 7.79–2000 (ИСО 9–95) Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом.*

Статья должна содержать:

1 **МРНТИ** (Межгосударственный рубрикатор научной технической информации);

2 **DOI** – после МРНТИ в верхнем правом углу (присваивается и заполняется редакцией журнала);

3 **Инициалы (имя, отчество) Фамилия автора (-ов)** – на казахском, русском и английском языках (*жирным шрифтом, по центру*);

Автор, который внес наибольший интеллектуальный вклад в подготовку рукописи (при двух и более соавторах), является автором-корреспондентом и обозначается «*».

Авторы из разных учебных заведений указываются цифрами ^{1,2}.

4 **Аффилиация** (организация (место работы (учебы)), страна, город) – на казахском, русском и английском языках. **Полные данные об аффилиации авторов представляются в конце журнала;**

6 **E-mail;**

7 **Название статьи** должно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В название статьи необходимо вложить информативность, привлекательность и уникальность (не более 12 слов, прописными буквами, жирным шрифтом, по центру, на трех языках: русский, казахский, английский либо немецкий);

8 **Аннотация** – краткая характеристика назначения, содержания, вида, формы и других особенностей статьи. Должна отражать основные и ценные, по мнению автора, этапы, объекты, их признаки и выводы проведенного исследования. Дается на казахском, русском и английском либо немецком языках (*рекомендуемый объем аннотации на языке публикации – не менее 150, не более 300 слов, курсив, нежирным шрифтом, кегль – 12 пунктов, абзацный отступ слева и справа 1 см, см. образец*);

9 **Ключевые слова** – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования (*оформляются на трех языках: русский, казахский, английский либо немецкий; кегль – 12 пунктов, курсив, отступ слева-справа – 1 см.*). Рекомендуемое количество

ключевых слов – 5-8, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3. Задаются в порядке их значимости, т.е. самое важное ключевое слово статьи должно быть первым в списке (см. образец);

10 Основной текст статьи излагается в определенной последовательности его частей, включает в себя:

- **Введение** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов). Обоснование выбора темы; актуальность темы или проблемы. Актуальность темы определяется общим интересом к изученности данного объекта, но отсутствием исчерпывающих ответов на имеющиеся вопросы, она доказывается теоретической или практической значимостью темы.

- **Материалы и методы** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов). Должны состоять из описания материалов и хода работы, а также полного описания использованных методов.

- **Результаты и обсуждение** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов). Приводится анализ и обсуждение полученных вами результатов исследования. Приводятся выводы по полученным в ходе исследования результатам, раскрывается основная суть. И это один из самых важных разделов статьи. В нем необходимо провести анализ результатов своей работы и обсуждение соответствующих результатов в сравнении с предыдущими работами, анализами и выводами.

- **Информацию о финансировании (при наличии)** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов).

- **Выводы** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов).

Выводы – обобщение и подведение итогов работы на данном этапе; подтверждение истинности выдвигаемого утверждения, высказанного автором, и заключение автора об изменении научного знания с учетом полученных результатов. Выводы не должны быть абстрактными, они должны быть использованы для обобщения результатов исследования в той или иной научной области, с описанием предложений или возможностей дальнейшей работы.

- **Список использованных источников** (жирными буквами, кегль – 14 пунктов, в центре).

Статья и список использованных источников должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.5-98; ГОСТ 7.1-2003 (см. образец).

Очередность источников определяется следующим образом: сначала последовательные ссылки, т.е. источники на которые вы ссылаетесь по очередности в самой статье. Затем дополнительные источники, на которых нет ссылок, т.е. источники, которые не имели место в статье, но рекомендованы вами читателям для ознакомления, как смежные работы, проводимые

параллельно. Объем не менее 10, не более чем 20 наименований (ссылки и примечания в статье обозначаются сквозной нумерацией и заключаются в квадратные скобки), преимущественно за последние 10-15 лет.

В случае наличия в списке использованных источников работ на кириллице (на казахском и русском языках), необходимо представить список литературы в двух вариантах: 1) в оригинале (указываются источники на русском, казахском и английском либо немецком языках); 2) романизированный вариант написания источников на кириллице (на казахском и русском языках), то есть транслитерация латинским алфавитом. см. ГОСТ 7.79–2000 (ИСО 9–95) Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом.

Онлайн сервис Транслитерация по ГОСТу – <https://transliteration-online.ru/>

Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом.

Романизированный список литературы должен выглядеть следующим образом: автор(-ы) (транслитерация либо англоязычный вариант при его наличии) → название статьи в транслитерированном варианте → [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках] → название казахоязычного либо русскоязычного источника (транслитерация, либо английское название при его наличии) → выходные данные с обозначениями на английском языке.

• **Иллюстрации, перечень рисунков и подписанные надписи к ним** представляют по тексту статьи. В электронной версии рисунки и иллюстрации представляются в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 dpi.

• **Математические формулы** должны быть набраны в Microsoft Equation Editor (каждая формула – один объект).

На отдельной странице (после статьи)

В электронном варианте приводятся *полные почтовые адреса, номера служебного и домашнего телефонов, e-mail* (номер телефона для связи редакции с авторами, не публикуются);

Сведения об авторах

На казахском языке	На русском языке	На английском языке
Фамилия Имя Отчество (полностью)		
Должность, ученая степень, звание		
Организация		
Город		
Индекс		
Страна		
E-mail		
Телефон		

140008, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64,
НАО «Торайғыров университет»,
Издательство «Toraighyrov University», каб. 137,
кафедра «Психология и педагогика»
 Тел. 8 (7182) 67-36-69, (внутр. 1147, 1139).
 E-mail: touscientificjournal@bk.ru

Наши реквизиты:

НАО «Торайғыров университет» РНН 451800030073 БИН 990140004654	НАО «Торайғыров университет» РНН 451800030073 БИН 990140004654	Приложение kaspi.kz Платежи – Образование – Оплата за ВУЗы – Заполняете все графы (в графе Факультет укажите «За публикацию в научном журнале, название журнала и серии»)
АО «Jysan Bank» ИИК KZ57998FTB00 00003310 БИК TSESKZK A Кбе 16 Код 16 КНП 861	АО «Народный Банк Казахстана» ИИК KZ156010241000003308 БИК HSBKZKX Кбе 16 Код 16 КНП 861	

ОБРАЗЕЦ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

FTAMP 107151

DOI xxxxxxxxxxxxxxxx

*Н. М. Мусабекова, Ә. Д. Досымжан

Торайғыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Данная тема очень актуальна на сегодняшний день, так как изменения, происходящие в обществе, коснулись и системы правоохранительных органов. Органы юстиции также подверглись существенному реформированию. С тех пор, как наша Республика обрела государственную независимость, прошло более десяти лет. За это короткое, в плане исторического развития время страна претерпела глобальные общественно-политические преобразования. Республика Казахстан обрела независимость и стала суверенным государством, признанным мировым сообществом. Рождается новое гражданское общество и демократическое и правовое государство с президентской формой правления, утверждаются политические свободы, гарантированные Конституцией Республики Казахстан принятой на всенародном референдуме 30 августа 1995 года. Происходит реформирование, экономики – формируется разные формы собственности, рыночные отношения, законодательства - совершенствуется нормативная правовая база в соответствии с международным правом. Одним словом, началась новая не только по хронологии, но и по содержанию эпоха в истории казахского народа, Республики Казахстан. В связи с этим претерпели изменения соответствующие государственные органы. Одним из таких государственных органов является Министерство юстиции Республики Казахстан и его территориальные подразделения. Роль органов юстиция значительно возросла за счет деятельности по государственной регистрации юридических лиц, недвижимост, ценных бумаг, государственной экспертизы, дознания и других видов работ.

Ключевые слова: административное законодательство, административная ответственность, органы юстиции, формы собственности, правовая деятельность.

Введение

В Конституции Республики Казахстан утверждалось, что «наша страна заявляет о себе как о демократическом, светском, правовом и социальном государстве, ее самым драгоценным сокровищем является человеческая жизнь, права и свободы человека» [1, 3 с.]. Одним из источников государственной власти является народ.

Продолжение текста публикуемого материала

Материалы и методы

Для исследования проблемы используются теоретический анализ литературы и статистический анализ, логический анализ, исторические методы и методы анализа административного законодательства и нормативных правовых актов. Деятельность Министерства юстиции непосредственно влияет на жизнь каждого гражданина Казахстана.

Продолжение текста публикуемого материала

Результаты и обсуждение

Единая система органов юстиции: Министерство юстиции Республики Казахстан; Комитеты Министерства юстиции Республики Казахстан; территориальные органы юстиции; органы уголовно-исполнительной системы; органы исполнительного производства; учреждений и других подведомственных организаций.

Продолжение текста публикуемого материала

Информация о финансировании (при наличии)

Продолжение текста публикуемого материала

Выводы

Понятно, что реализовать достигнутые достижения невозможно без неустанного, стабильного, проекта Министерства юстиции Республики Казахстан.

Продолжение текста публикуемого материала

Список использованных источников

- 1 Конституция РК (принята 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2019 год).
- 2 Закон РК «Об органах юстиции» от 18.03.2002 года № 304.
- 3 Закон РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» от 02.04.2010 года № 261.
- 4 Положение «О Министерстве юстиции Республики Казахстан» от 28.10.2004 года № 1120.

5 Указ Президента Республики Казахстан от 16 июня 1993 года № 1228 «О мерах по повышению эффективности правовой реформы в Республике Казахстан».

6 Кодекс Республики Казахстан от 30.01.2001 года «Об административных правонарушениях».

7 **Ибрагимов, Х.** Правоохранительные органы // органы и учреждения юстиции, 2000. – С. 38–46.

8 **Журсимбаев, С.** Правоохранительные органы в Республике Казахстан // Органы юстиции в Республике Казахстан, 2010. – С.114–139.

9 **Пак, Е.** О министерстве юстиции Республики Казахстан предприниматель и право, 1997. – С. 27– 30.

10 **Ракышев, К.** Правоохранительные органы в Республике Казахстан // Органы юстиции в Республике Казахстан, 2010. – С.114–139.

REFERENCES

- 1 Konstituciya Respubliki Kazahstan ot 30 avgusta 1995 goda [Constitution of the Republic of Kazakhstan dated August 30, 1995] [Text].
- 2 Zakon RK «Ob organah yusticii» ot 18.03.2002 goda № 304 [«Law of the Republic of Kazakhstan on judicial authorities» dated 18.03.2002 No. 304] [Text].
- 3 Zakon RK «Ob ispolnitelnom proizvodstve i statute sudebnyh ispolnitelej» ot 02.04.2010 goda № 261 [Law of the Republic of Kazakhstan «On enforcement proceedings and the status of bailiffs» dated 02.04.2010 No. 261] [Text].
- 4 Polozhenie o Ministerstve yusticii Respubliki Kazahstan ot 28.10.2004 goda [«On the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan» 28.10.2004 № 1120] [Text].
- 5 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 16 iyunya 1993 goda № 1228 «O merah po povysheniyu effektivnosti pravovoj reformy v Respublike Kazahstan» [Decree of the president of the Republic of Kazakhstan dated June 16, 1993 No. 1228 «On measures to improve the effectiveness of legal reform in the Republic of Kazakhstan»] [Text].
- 6 Kodeks Respubliki Kazahstan ot 30.01.2001 goda «Ob administrativnyh pravonarusheniyah» [Code of the Republic of Kazakhstan dated 30.01.2001 «On administrative offenses»] [Text].
- 7 **Ibragimov, H.** [Law enforcement agencies], [Text]. Pravoohranitel'nye organy // Organy i uchrezhdeniya yusticii, // Bodies and institutions of Justice] 2000. – P. 38–46.
- 8 **Zhursimbayev, S.** Pravoohranitel'nye organy v Respublike Kazahstan // Organy yusticii v Respublike Kazahstan, 2010 / [«Law enforcement agencies in

the Republic of Kazakhstan» // [justice agencies in the Republic of Kazakhstan], 2000 [Text]. – P. 114–139.

9 **Pak, E.** O Ministerstve yusticii Respubliki Kazahstan predprinimatel' i pravo [On the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan entrepreneur and law] [Text]. – 1997. – P. 27–30.

10 **Rakishev, K.** Nekotorye aspekty deyatel'nosti Ministerstva yusticii RK v sfere pravovogo regulirovaniya [Some aspects of the activities of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan in the field of Legal Regulation] [Text]. 1998. – 13 p.

*Н. М. Мусабекова, Ә. Д. Досымжан
Торайғыров университет,
Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ӘДІЛЕТ МИНИСТРЛІГІ ОРГАНДАРЫ ҚЫЗМЕТІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Бұл тақырып бүгінгі күні өте өзекті, өйткені қоғамда болып жатқан өзгерістер құқық қорғау органдарының жүйесіне де әсер етті. Әділет органдары да елеулі реформалардан өтті. Біздің Республикамыз мемлекеттік тәуелсіздік алғаннан бері он жылдан астам уақыт өтті. Осы қысқа уақыт ішінде тарихи даму тұрғысынан еліміз жаһандық қоғамдық-саяси өзгерістерге ұшырады. Қазақстан өз тарихындағы күрделі, бетбұрысты кезеңді бастан өткеруде. Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігін алды және әлемдік қоғамдастық таныған Егемен мемлекетке айналды. Президенттік басқару нысанындағы жаңа Азаматтық қоғам мен демократиялық және құқықтық мемлекет пайда болады, 1995 жылғы 30 тамызда жалпыхалықтық референдумда қабылданған Қазақстан Республикасының Конституциясында кепілдік берілген саяси бостандықтар бекітіледі. Мемлекеттік органдардың бірі Қазақстан Республикасының Әділет министрлігі және оның аумақтық бөлімшелері болып табылады. Әділет органдарының рөлі заңды түлғаларды, жылжымайтын мүлікті, бағалы қағаздарды, мемлекеттік сараптаманы, анықтауды және басқа да жұмыс түрлерін мемлекеттік тіркеу жөніндегі қызмет есебінен едәуір өсті.

Кілтті сөздер: әкімшілік заңнама, әкімшілік жауаптылық, әділет органдары, меншік нысандары, құқықтық қызмет.

*N. M. Musabekova, A. D. Dossymzhan
Toraighyrov University,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar.

LEGAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE BODIES OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

This topic is very relevant today, as the changes taking place in society have also affected the system of law enforcement agencies. The judicial authorities have also undergone significant reforms. More than ten years have passed since our Republic gained state independence. During this short time, in terms of historical development, the country has undergone global socio-political transformations. Kazakhstan is going through a difficult, turning point in its history now. The Republic of Kazakhstan gained independence and became a sovereign state recognized by the world community. A new civil society and a democratic and legal state with a presidential form of government are being born, political freedoms guaranteed by the Constitution of the Republic of Kazakhstan adopted at a national referendum on August 30, 1995 are being approved. The economy is being reformed – various forms of ownership, market relations, legislation are being formed – the regulatory legal framework is being improved in accordance with international law. In a word, a new epoch in the history of the Kazakh people, the Republic of Kazakhstan, has begun not only in chronology, but also in content. In this regard, the relevant state bodies have undergone changes. One of such state bodies is the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan and its territorial divisions. The role of the justice authorities has significantly increased due to the activities of state registration of legal entities, real estate, securities, state expertise, inquiry and other types of work.

Keywords: administrative legislation, administrative responsibility, judicial authorities, forms of ownership, legal activity.

Сведения об авторах

На казахском языке	На русском языке	На английском языке
Мусабекова Нурсулун Мукидиновна, тарих ғылымдарының Кандидаты, профессор, Торайғыров университеті, профессоры, Павлодар, 140008, Қазақстан Республикасы, musabekova.1979@mail.ru, 8-000-000-00-00	Мусабекова Нурсулун Мукидиновна кандидат исторических наук, профессор, Торайғыров университет, Павлодар, 140008, Республика Казахстан, musabekova.1979@mail.ru 8-000-000-00-00	Musabekova Nursulun Mukidinovna, Candidate of Historical Sciences, professor, Toraighyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, musabekova.1979@mail.ru, 8-000-000-00-00
Досымжан Әйгерім Досымжанқызы, аға оқытушы, Торайғыров университеті, Павлодар, 140008, Қазақстан Республикасы, dossymzhan.a@mail.ru 8-000-000-00-00	Досымжан Әйгерім Досымжанқызы, старший преподаватель, Торайғыров университет, Павлодар, 140008, Республика Казахстан, dossymzhan.a@mail.ru 8-000-000-00-00	Dosymzhan Aigerim Dosymzhankyzy, Senior lecturer, Toraighyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, dossymzhan.a@mail.ru, 8-000-000-00-00

**ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА
НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОРАЙГЫРОВ УНИВЕРСИТЕТА.
ЮРИДИЧЕСКАЯ СЕРИЯ»**

Члены редакционной коллегии научного журнала «Вестник Торайғыров университета. Юридическая серия» в своей профессиональной деятельности придерживаются принципов и норм Публикационной этики научных журналов НАО «Торайғыров университет». Публикационная этика разработана в соответствии с международной публикационной этической нормой Комитета по публикационной этике (COPE), этическими принципами публикации журналов Scopus (Elsevier), Кодекса академической честности НАО «Торайғыров университет».

Публикационная этика определяет нормы, принципы и стандарты этического поведения редакторов, рецензентов и авторов, меры по выявлению конфликтов интересов, неэтичного поведения, инструкции по изъятию (ретракции), исправлению и опровержению статьи.

Все участники процесса публикации, соблюдают принципы, нормы и стандарты публикационной этики.

Качество научного журнала обеспечивается исполнением принципов участников процесса публикации: равенства всех авторов, принцип конфиденциальности, однократные публикации, авторства рукописи, принцип оригинальности, принцип подтверждения источников, принцип объективности и своевременности рецензирования.

Права и обязанности членов редакционной коллегии научного журнала «Вестник Торайғыров университета. Юридическая серия» определены СО СМК 8.12.3-23 Управление научно-издательской деятельностью.

Права и обязанности рецензентов

Рецензенты журнала «Вестник Торайғыров университета. Юридическая серия» обязаны руководствоваться принципу *объективности*.

Персональная критика в адрес автора(-ов) рукописи недопустима. Рецензент должен аргументировать свои замечания и обосновывать свое решение о принятии рукописи или о ее отклонении.

Национальность, религиозная принадлежность, политические или иные взгляды автора(-ов) не должны приниматься во внимание и учитываться в процессе рецензирования рукописи рецензентом(-ами).

Экспертная оценка, составленная рецензентом должна способствовать принятию решения редакцией о публикации и помогать автору улучшить рукопись.

Решение о принятии рукописи к публикации, возвращение работы автору на изменение или доработку, либо решение об отклонении от публикации принимается редколлегией опираясь на результаты рецензирования.

Принцип своевременности рецензирования. Рецензент обязан предоставить рецензию в срок, определенный редакцией, но не позднее 2-4 недель с момента получения рукописи на рецензирование. Если рассмотрение статьи и подготовка рецензии в назначенные сроки невозможны, то рецензент должен незамедлительно уведомить об этом научного редактора.

Рецензент, который считает, что его квалификация не соответствует либо недостаточна для принятия решения при рецензировании предоставленной рукописи должен незамедлительно сообщить об этом научному редактору и отказаться от рецензирования рукописи.

Принцип конфиденциальности со стороны рецензента. Рукопись, предоставленная рецензенту на рецензирование должна рассматриваться как конфиденциальный материал. Рецензент имеет право демонстрировать ее и/или обсуждать с другими лицами только после получения письменного разрешения со стороны научного редактора журнала и/или автора(-ов).

Информация и идеи научной работы, полученные в ходе рецензирования и обеспечения публикационного процесса, не должны быть использованы рецензентом(-ами) для получения личной выгоды.

Принцип подтверждения источников. Рецензент должен указать научные работы, которые оказали бы влияние на исследовательские результаты рассматриваемой рукописи, но не были приведены автором(-ами). Также рецензент обязан обратить внимание научного редактора на значительное сходство или совпадение между рассматриваемой рукописью и ранее опубликованной работой, о котором ему известно.

Если у рецензента имеются достаточные основания полагать, что в рукописи содержится плагиат, некорректные заимствования, ложные и сфабрикованные материалы или результаты исследования, то он не должен допустить рукопись к публикации и проинформировать научного редактора журнала о выявленных нарушениях принципов, стандартов и норм публикационной и научной этики.

Права и обязанности авторов

Публикационная этика базируется на соблюдении принципов:

Однократность публикации. Автор(-ы) гарантируют что представленная в редакцию рукопись статьи не была представлена для рассмотрения в другие издания. Представление рукописи одновременно в нескольких журналах/изданиях неприемлемо и является грубым нарушением принципов, стандартов и норм публикационной этики.

Авторство рукописи. Лицо, которое внесло наибольший интеллектуальный вклад в подготовку рукописи (при двух и более соавторах), является автором-корреспондентом и указывается первым в списке авторов.

Для каждой статьи должен быть назначен автор для корреспонденции, который отвечает за подготовку финальной версии статьи, коммуникацию с редколлегией, должен обеспечить включение всех участников исследования (при количестве авторов более одного), внесших в него достаточный вклад, в список авторов, а также получить одобрение окончательной версии рукописи от всех авторов для представления в редакцию для публикации. Все авторы, указанные в рукописи/статье, несут ответственность за содержание работы.

Принцип оригинальности. Автор(-ы) гарантирует, что результаты исследования, изложенные в рукописи, представляют собой оригинальную самостоятельную работу, и не содержат некорректных заимствований и плагиата, которые могут быть выявлены в процессе.

Авторы несут ответственность за публикацию статей с признаками неэтичного поведения, плагиата, самоплагиата, самоцитирования, фальсификации, фабрикаций, искажения данных, ложного авторства, дублирования, конфликта интересов и обмана.

Принцип подтверждения источников. Автор(ы) обязуется правильно указывать научные и иные источники, которые он(и) использовал(и) в ходе исследования. В случае использования каких-либо частей чужих работ и/или заимствования утверждений другого автора(-ов) в рукописи должны быть указаны библиографические ссылки с указанием автора(-ов) первоисточника. Информация, полученная из сомнительных источников не должна использоваться при оформлении рукописи.

В случае, если у рецензентов, научного редактора, члена(-ов) редколлегии журнала возникают сомнения подлинности и достоверности результатов исследования, автор(-ы) должны предоставить дополнительные материалы для подтверждения результатов или фактов, приводимых в рукописи.

Исправление ошибок в процессе публикации. В случае выявления ошибок и неточностей в работе на любой стадии публикационного процесса авторы

обязуются в срочном порядке сообщить об этом научному редактору и оказать помощь в устранении или исправлении ошибки для публикации на сайте журнала соответствующей коррекции (Erratum или Corrigendum) с комментариями. В случае обнаружения грубых ошибок, которые невозможно исправить, автор(-ы) должен(-ны) отозвать рукопись/статью.

Принцип соблюдения публикационной этики. Авторы обязаны соблюдать этические нормы, связанные с критикой или замечаниями в отношении исследований, а также в отношении взаимодействия с редакцией по поводу рецензирования и публикации. Несоблюдение этических принципов авторами расценивается как грубое нарушение этики публикаций и дает основание для снятия рукописи с рецензирования и/или публикации.

Конфликт интересов

Конфликт интересов, по определению Комитета по публикационной этике (COPE), это конфликтные ситуации, в которых авторы, рецензенты или члены редколлегии имеют неявные интересы, способные повлиять на их суждения касательно публикуемого материала. Конфликт интересов появляется, когда имеются финансовые, личные или профессиональные условия, которые могут повлиять на научное суждение рецензента и членов редколлегии, и, как результат, на решение редколлегии относительно публикации рукописи.

Главный редактор, член редколлегии и рецензенты должны оповестить о потенциальном конфликте интересов, который может как-то повлиять на решение редакционной коллегии. Члены редколлегии должны отказаться от рассмотрения рукописи, если они состоят в каких-либо конкурентных отношениях, связанных с результатами исследования автора(-ов) рукописи, либо если существует иной конфликт интересов.

При подаче рукописи на рассмотрение в журнал, автор (-ы) заявляет о том, что в содержании рукописи указаны все источники финансирования исследования; также указывают, какие имеются коммерческие, финансовые, личные или профессиональные факторы, которые могли бы создать конфликт интересов в отношении поданной на рассмотрение рукописи. Автор(ы), в письме при наличии конфликта интересов, могут указать ученых, которые, по их мнению, не смогут объективно оценить их рукопись.

Рецензент не должен рассматривать рукописи, которые могут послужить причинами конфликта интересов, проистекающего из конкуренции, сотрудничества или других отношений с кем-либо из авторов, имеющих отношение к рукописи.

В случае наличия конфликта интересов с содержанием рукописи, ответственный секретарь должен известить об этом главного редактора, после чего рукопись передается другому рецензенту.

Существование конфликта интересов между участниками в процессе рассмотрения и рецензирования не значит, что рукопись будет отклонена.

Всем заинтересованным лицам необходимо, по мере возможности избегать возникновения конфликта интересов в любых вариациях на всех этапах публикации. В случае возникновения какого-либо конфликта интересов тот, кто обнаружил этот конфликт, должен незамедлительно оповестить об этом редакцию. То же самое касается любых других нарушений принципов, стандартов и норм публикационной и научной этики.

Неэтичное поведение

Неэтичным поведением считаются действия авторов, редакторов или издателя, в случае самостоятельного предоставления рецензии на собственные статьи, в случае договорного и ложного рецензирования, в условиях обращения к агентским услугам для публикации результатов научного исследования, лжеавторства, фальсификации и фабрикация результатов исследования, публикация недостоверных псевдо-научных текстов, передачи рукописи статей в другие издания без разрешения авторов, передачи материалов авторов третьим лицам, условия когда нарушены авторские права и принципы конфиденциальности редакционных процессов, в случае манипуляции с цитированием, плагиатом.

Инструкция по отзыву или исправлению статей

Отзыв, исправление статей, извинения, опровержения осуществляется в соответствии с публикационной этикой.

Отзыв текста от публикации – механизм исправления опубликованной информации и оповещения читателей о том, что публикация содержит серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или осознанных нарушений. Основной целью отзыва является исправление опубликованной информации, и обеспечить её цельность, а не наказать авторов, совершивших нарушения.

Теруге 12.12.2025 ж. жіберілді. Басуға 30.12.2025 ж. қол қойылды.

Электронды баспа

1,06 Mb RAM

Шартты баспа табағы 9,28.

Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша.

Компьютерде беттеген: А. К. Мыржикова

Корректор: А. Р. Омарова, Д. А. Кожас

Тапсырыс № 4495

Сдано в набор 12.12.2025 г. Подписано в печать 30.12.2025 г.

Электронное издание

1,06 Mb RAM

Усл.п.л. 9,78. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Компьютерная верстка А. К. Мыржикова

Корректор: А. Р. Омарова, Д. А. Кожас

Заказ № 4495

«Toraighyrov University» баспасынан басылып шығарылған

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

«Toraighyrov University» баспасы

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

8 (7182) 67-36-69

e-mail: kereku@tou.edu.kz

<https://vestnik.tou.edu.kz/>